СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
SIBERIAN FEDERAL UNIVERSITY

ГОД ОБРАЗОВАНИЯ В СОДРУЖЕСТВЕ НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ

ПРОСПЕКТ СВОБОДНЫЙ-2016

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ СТУДЕНТОВ,
АСПИРАНТОВ И МОЛОДЫХ УЧЁНЫХ

ЭЛЕКТРОННЫЙ СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ СТУДЕНТОВ, АСПИРАНТОВ И МОЛОДЫХ УЧЁНЫХ **«ПРОСПЕКТ СВОБОДНЫЙ-2016»**, ПОСВЯЩЁННОЙ ГОДУ ОБРАЗОВАНИЯ В СОДРУЖЕСТВЕ НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ

КРАСНОЯРСК, СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
15-25 АПРЕЛЯ 2016 Г.

Министерство образования и науки Российской федерации
ФГАОУ ВПО «Сибирский федеральный университет»

Сборник материалов Международной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Проспект Свободный-2016», посвящённой Году образования в Содружестве Независимых Государств

Красноярск, Сибирский федеральный университет, 15-25 апреля 2016 г.

Красноярск, 2016

«Проблемы совершенствования уголовного законодательства и практики его применения»

УДК 343.7

О ПРЕДМЕТЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 164 УК РФ

Антонова С.И.
научный руководитель канд. юрид. наук Мирончик А.С.
Сибирский федеральный университет

Хищение предметов, имеющих особую ценность, отличает от прочих хищений особенный предмет. В диспозиции ст. 164 УК РФ законодатель выделяет четыре разновидности предметов, имеющих особую ценность: предметы или документы, имеющие особую историческую, научную, художественную или культурную ценность.

Указанная классификация ценностей явно противоречит соотношению данных ценностей в международных правовых актах, регламентирующих охрану культурных ценностей. В них культурные ценности определяются не как альтернативные историческим, научным и художественным ценностям, а как обобщающее собирательное понятие, в рамках которого выделяются такие особенные виды культурных ценностей, как исторические, научные и художественные.

Законодательство РФ сдержит лишь примерный перечень категорий предметов, имеющих культурную ценность в ст. 7 Закона РФ "О вывозе и ввозе культурных ценностей"[1]. При конструировании данной нормы законодатель, следуя логике заложенной в международных правовых актах, производит смешение таких категорий как исторические ценности, научные ценности и художественные ценности и объединяет их собирательным понятием «культурные ценности». Указанный подход прослеживается и при формулировании такого понятия как «коллекция культурных ценностей» (ст. 5). В его содержание также вкладывается необходимость обладания совокупности предметов историческим, художественным, научным или *иным культурным значением*.

Само определение культурных ценностей мы можем встретить только в "Основах законодательства Российской Федерации о культуре". Культурные ценности - нравственные и эстетические идеалы, нормы и образцы поведения, языки, диалекты и говоры, национальные традиции и обычаи, исторические топонимы, фольклор, *художественные промыслы* и ремесла, произведения культуры и искусства, *результаты и методы научных исследований* культурной деятельности, *имеющие историко-культурную значимость* здания, сооружения, предметы и технологии, уникальные в историко-культурном отношении территории и объекты [2]. Хотя данное понятие более применимо в сфере культуры, нежели в сфере уголовного права, тем не менее, в нем также прослеживается смешение исторических, научных и художественных ценностей.

Необходимо также отметить, что в ст. 190 УК РФ и ст. 226^1 УК РФ законодатель оперирует понятием культурных ценностей, никакие иные ценности в данных статьях не регламентируются.

Таким образом, с учетом отечественного законодательства и международных правовых актов об охране культурных ценностей, представляется необходимым внесение изменений в ст. 164 УК РФ. К предмету преступления следует относить предметы или документы, имеющие особую культурную ценность, то есть историческую, научную, художественную или иную культурную ценность. Если следовать смысловому содержанию ст. 164 УК РФ, то совершение данного преступления предполагает посягательство именно на «особо ценные» предметы. Тем не менее, на сегодняшний день ни в одной из отраслей российского права нет

обособленной, обладающей самостоятельным правовым содержанием, категории подобного рода.

При этом особая ценность указанных предметов и документов должна определяться на основании экспертного заключения с учетом не только их стоимости в денежном выражении, но и значимости для истории, науки, искусства или культуры[3].

Следует отметить, что в юридической доктрине предметы, имеющие особую ценность, также рассматриваются с позиции собирательного понятия «культурные ценности». Но при этом единообразного подхода к понятию культурных ценностей не существует. Некоторые авторы рассматривают культурные ценности только с одной из сторон или одного специфического признака. Например, Ю. П. Марданов рассматривает данные ценности только с точки зрения старины, а также уникальности. В.Г. Горбачев представляет культурные ценности как предметы старины (сужая их до понятий «иконы» и «церковная утварь») и изобразительного искусства (картины)[4].

Р.Д. Булатов приходит к выводу, что за данным понятием скрываются особо охраняемые правом уникальные вещественные результаты человеческой деятельности, которые, будучи продуктом всеобщего труда, имеют важное *историческое, научное, художественное* или *иное культурное значение* для общества, т.е. служат связующим звеном между различными поколениями людей, носят конкретно-исторический характер и выступают как фактор формирования необходимых обществу качеств в человеке[5]. Указанная позиция представляется наиболее удачной, так как автор подчеркивает главное, что характеризует культурные ценности как особую правовую категорию, а именно присущий им элемент всеобщности, которым и определяется их значение для общества.

В заключение, можно сделать вывод, что отсутствие единого представления о предметах, имеющих особую ценность, является важнейшим препятствием нормального восприятия содержательного смысла культурных ценностей как предмета хищения. Следовательно, представляется необходимым выработка отчетливого подхода к пониманию культурных ценностей, а также внесение изменений в содержание ст. 164 УК РФ.

Список литературы

1. Закон РФ от 15.04.1993 № 4804-1 "О вывозе и ввозе культурных ценностей" [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант-Плюс». Режим доступа: http://www.consultant.ru.
2. "Основы законодательства Российской Федерации о культуре" (утв. ВС РФ 09.10.1992 N 3612-1) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант-Плюс». Режим доступа: http://www.consultant.ru.
3. Постановление Пленума Верховного Суда от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант-Плюс». Режим доступа: http://www.consultant.ru.
4. Буданова Е.А. Проблемы квалификации хищения предметов, имеющих особую ценность / Буданова Е.А., Буданов С.А. // Пробелы в российском законодательстве. - 2013. - № 2. - С. 155.
5. Янович М.В. Спорные вопросы нормативного определения понятия "культурные ценности" [Электронный ресурс] / Янович М.В. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. - № 1(27). - 2013. Режим доступа: http://scjournal.ru/articles/issn_1997-292X_2013_1-2_51.pdf

УДК 343.335

К ВОПРОСУ О ПРИЗНАКАХ ПОНЯТИЯ «НАЕМНИК» В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Башарина Е.В.
научный руководитель канд. юрид. наук, доц. Бушмин С.И.
Сибирский федеральный университет

В современных условиях наемничество является одной из реальных угроз не только национальным интересам отдельных государств, но и глобальной безопасности в целом. Обусловлено это, прежде всего, тем, что определенная часть людей — наемники — избирают противоправное участие в вооруженных конфликтах или в военных действиях в качестве источника средств к существованию. Обычно они применяют все возможные виды насилия в нарушение норм международного права, причем насилие нередко является одним из главных компонентов их преступной деятельности.

В результате вербовки, обучения, финансирования, а также использования наемников в вооруженных столкновениях нередко формируется группа людей, профессиональным занятием которых становятся убийства, причинение тяжкого и иного вреда здоровью лиц, правомерно участвующих в вооруженном конфликте или военных действиях, уничтожение или разрушение народно-хозяйственных объектов противоборствующей стороны (сторон).

Практически все вооруженные конфликты современности подтверждают, что действия наемников наносят серьезный ущерб суверенитету, стабильности и безопасности государств. [4]

Принципиальный шаг к формально - юридическому определению наемника был сделан в ст. 47 Дополнительного протокола I (1977 г.) к Женевским конвенциям 1949 г. А состав наемничества как самостоятельного преступления против мира и безопасности человечества определен в Конвенции о запрещении вербовки, использования, финансирования и обучения наемников (1989 г.); в этом же документе было расширено понимание и самого наемника.

М.Л. Хабачиров, анализируя вышеуказанные международные правовые акты пишет, что: «Перечень критериев отнесения лица к категории наемника является исчерпывающим и принципиальным при квалификации является то, что для признания лица наемником непременно необходимо наличие всей нижеследующей совокупности критериев:

- материальное вознаграждение (оно может быть и лишь обещано) такого лица должно существенно превышать вознаграждение, выплачиваемое комбатантам того же ранга или функций, входящим в личный состав вооруженных сил стороны;
- такое лицо специально вербуется для участия в конкретном вооруженном конфликте либо для участия в насильственных акциях, направленных на свержение правительства или иной подрыв конституционного порядка государства, или подрыв территориальной целостности государства (для государств, признавших нормы Международной конвенции 1989 г.);
- такое лицо фактически принимает непосредственное участие в боевых действиях;
- такое лицо не является ни гражданином стороны, находящейся в конфликте, ни лицом, постоянно проживающим на территории, контролируемой стороной, находящейся в конфликте;
- такое лицо не послано государством, которое не участвует в вооруженном

конфликте, для выполнения официальных обязанностей в качестве лица, входящего в состав его вооруженных сил;

- такое лицо не входит в личный состав вооруженных сил стороны, находящейся в конфликте». [3]

В российском уголовном законодательстве интересующее нас определение наемника содержится в примечании к ст. 359 УК РФ. Согласно ему "наемником признается лицо, действующее в целях получения материального вознаграждения и не являющееся гражданином государства, участвующего в вооруженном конфликте или военных действиях, не проживающее постоянно на его территории, а также не являющееся лицом, направленным для исполнения официальных обязанностей". [2]

Сравнив признаки наемника в международных вышеуказанный мною актах и в примечании к ст. 359 УК РФ, можно увидеть, что не все признаки наемника имплементированы в российское уголовное право.

Диспозиция ст. 359 УК РФ и примечание к ней не проводят различия между участвующими в вооруженном конфликте вообще и фактически принимающими непосредственное участие в военных (боевых) действиях. Как о отмечал В.В. Алешин, не только лицо, непосредственно принимающее участие в боевых (военных) действиях, но и лицо, чья деятельность не связана с участием в боевых операциях; ими могут быть врачи, повара, техники, механики, специалисты по радиосвязи, переводчики. [1]

Примечание говорит о наемнике как о лице, действующем "в целях получения материального вознаграждения", тогда как международно - правовое определение говорит о материальном вознаграждении, существенно превышающем материальное вознаграждение комбатанта того же ранга и функций.

Примечание не содержит положения, согласно которому наемник должен быть специально завербован для того, чтобы сражаться в вооруженном конфликте.

Примечание не упоминает о том, что наемник не входит в личный состав вооруженных сил воюющей стороны.

Из примечания не следует, что наемником признается также лицо, завербованное для участия в насильственных действиях (разового характера), направленных на свержение правительства, иной подрыв конституционного порядка государства или нарушение его территориальной целостности.

М.Л. Хабачиров делает вывод о том, что: «Предлагаемое российским законодателем определение наемника противоречит определению зафиксированному в международных договорах Российской Федерации, так как, с одной стороны, неоправданно расширяет круг лиц, попадающих в категорию наемников, а с другой - не считает наемниками лиц, признаваемых таковыми в международном праве». [3]

Список литературы

1. Алешин, В. В. Понятие и противоправность наемничества / В. В. Алешин // Московский журнал международного права. - 1998. - N 3. - С. 67.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от от 13.06.1996 N 63-ФЗ ред. от 30.12.2015. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru.

3. Хабачиров, М. Л. Наемничество - преступление против международного права: проблема урегулированности в международном и национальном праве // Закон и армия. Военно-правовая газета. - М.: Юрист. – 2002. - № 3. - С. 17 - 21.

4. Шандиева, Н. О. Международная конвенция по борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников / Н. О. Шандиева // Правоведение. – 2005. - №2. – С. 118 – 131.

УДК 343

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИНСТИТУТА ПОЖИЗНЕННОГО ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В РОССИИ С АНАЛОГИЧНЫМ ИНСТИТУТОМ В США

Березницкая А.И.
научный руководитель канд. юрид. наук Севастьянов А.П.
Сибирский федеральный университет

Пожизненное лишение свободы является специфическим видом уголовного наказания, назначение и исполнение которого имеет свои особенности в зависимости от той или иной правовой системы. Сравнение института пожизненного лишения свободы в РФ с аналогичным институтом в США позволяет выявить общие начала и особенности применения данного уголовного института.

Переходя к сравнительному анализу, следует подчеркнуть, что США является уникальной страной, поскольку функционирование института пожизненного лишения свободы имеет свои особенности не только в сравнении с иностранным законодательством, но и в сравнении с законодательными положениями отдельных штатов.

В России каждый осужденный к отбыванию пожизненного лишения свободы имеет право подать ходатайство в суд об установлении в отношении него условно-досрочного освобождения. Подобного рода право возникает лишь при условии, если часть отбытого наказания составляет не менее 25 лет.

Напротив, лишь в некоторых штатах США каждому осужденному гарантируется право подать ходатайство об условно-досрочном освобождении. Законодательством таких штатов как Калифорния, Алабама, Коннектикут, Нью-Йорк данное право не предусмотрено.[1]

В США срок, по истечении которого, каждому осужденному гарантируется право подать ходатайство об условно-досрочном освобождении из мест лишения свободы, варьируется от 25-40 лет в зависимости от юрисдикции того или иного штата.[2]

Стоит отметить, что в системе уголовных наказаний США смертная казнь. является самым строгим наказанием.

Между тем, в РФ смертная казнь закреплена уголовным законодательством, но на практике пожизненное лишение свободы является самым строгим видом наказания.

Другой немаловажной сравнительной особенностью является категория лиц, в отношении которых назначается пожизненное лишение свободы. Согласно ч. 2 ст. 57 УК РФ, пожизненное лишение свободы не назначается женщинам, а также лицам, совершившим преступления в возрасте до восемнадцати лет, и мужчинам, достигшим к моменту вынесения судом приговора шестидесятипятилетнего возраста. В РФ данный вид наказания применяется к категории лиц, которые представляют исключительную опасность для общества, а также исправление которых невозможно достичь посредством назначения иного, чем пожизненное лишение свободы, наказания. [5]

Вместе с тем, в США данный вид наказания применяется в отношении женщин, лиц пожилого возраста, а также до недавнего времени в отношении несовершеннолетних. В настоящее время пожизненное лишение совбоды назначается несовершеннолетним за совершение убийства.[3]

Как следует из ст. 57 УК РФ, пожизненное лишение свободы предусмотрено за особо тяжкие преступления, посягающие на жизнь, а также особо тяжкие преступления против здоровья населения и общественной нравственности, общественной

безопасности, половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста. [5]

Напротив, в США пожизненное лишение свободы назначается как за насильственные, так и ненасильственные преступления.[4]

Резюмируя вышеизложенное, следует отметить, что помимо рассмотренных в данной работе отличительных особенностей в назначении пожизненного лишения свободы в качестве уголовного наказания в США и в РФ, существует множество других тонкостей в применении, назначении и исполнении данного вида наказания. Институт пожизненного лишения свободы в США и в РФ находит свое закрепление в качестве основного вида наказания, предусматривающего особенности исполнения, а также ответственность в отношении определенной категории лиц за определенную группу преступлений, в зависимости от правовых традиций, исторической обстановки и менталитета граждан той или иной страны.

Список литературы

1. Jing Cao. Commuting life without parole sentences: the need for reason and justice over politics: dissertation. … doctor of juridical science : 05.01.2015 / Jing Cao. – New York, 2015. – 106 с.

2. Life sentences in the Federal system [Электронный ресурс] : 01.02.2015 // United States sentencing commission - Режим доступа: http://www.ussc.gov/sites/default/files/pdf/research-and-publications/research-projects-and-surveys/miscellaneous/20150226_Life_Sentences.pdf.

3. Juvenile life without parole: an overview [Электронный ресурс] : 01.02.2016 // The sentencing project - Режим доступа: http://sentencingproject.org/doc/publications/jj_Juvenile_Life_Without_Parole.pdf.

4. A living death: life without parole for nonviolent offenses [Электронный ресурс] : 01.11.2013 // American civil liberties union - Режим доступа: https:// www.aclu.org/files/assets/111813-lwop-complete-report.pdf#page=40.

5. Уголовный кодекс Российской Федерации. [Электронный ресурс] : федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ ред. от 30.12.2015. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru.

УДК 343.272

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КОНФИСКАЦИИ ИМУЩЕСТВА КАК ИНОЙ МЕРЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА

Болуж Е.В.
научный руководитель канд. юрид. наук Летников Ю.С.
Сибирский федеральный университет

Институт конфискации имущества с уверенностью можно назвать одним из самых сложных и спорных не только в отечественной уголовно-правовой науке, но и в российском обществе в целом[1].

До 2003 года УК РФ 1996г. относил институт конфискации к дополнительным наказаниям. В соответствии со ст.52 УК РФ под конфискацией имущества понималось принудительное и безвозмездное изъятие в собственность государства всего или части имущества, являющегося *собственностью осужденного*. Данная статья была исключена из УК РФ ФЗ от 08.12.2003 № 162-ФЗ, соответственно, конфискация имущества как мера наказания перестала применяться, а имущество могло быть конфисковано только как вещественное доказательство в соответствии со ст. 81 УПК РФ.

Такое положение вещей породило множество споров среди исследователей. По мнению А.Н. Игнатова «Отказ от конфискации имущества как вида наказания будет с восторгом воспринят крупными коррупционерами, расхитителями и наркоторговцами. При проведении социологических исследований было установлено, что воры-рецидивисты, воротилы наркобизнеса предпочитают отбыть несколько лет лишения свободы, нежели потерять значительную собственность, добытую преступным путем»[2].

Безусловно, есть и те, кто солидарен с законодателем. В.В.Московой указывает, что некоторые противники конфискации-наказания, например Х. Гаджиев, обосновывают свою позицию тем, что применение конфискации имущества как вида наказания, по их мнению, противоречит принципам справедливости и гуманизма, поскольку у осужденного изымается имущество, являющееся его собственностью, что не может соответствовать международно-правовым и конституционным принципам неприкосновенности собственности[3].

27 июля 2006 года ФЗ № 153 конфискация была возвращена в УК РФ, но не в качестве наказания, а как иная мера уголовно-правового характера.

Предполагается, что содержание института конфискации имущества в основополагающих международно-правовых актах, ратифицированных Россией (например, в Конвенциях ООН «Против транснациональной организованной преступности» от 15 ноября 2000 г. (ст.12), «Против коррупции» от 31 октября 2003 г. (ст.31) и др.), явилось основной причиной возвращения конфискации имущества в УК РФ.

В отличие от конфискации как наказания, «новая» конфискация позволяет изъятие имущества, переданное осужденным другим лицам, если они при принятии имущества знали или должны были знать, что оно получено в результате преступных действий. Кроме этого, возможна конфискация денежных средств или иного имущества взамен предмета, подлежащего конфискации.

Конфискация имущества является весьма эффективным средством профилактики, подрывая экономическую основу организованной и индивидуальной экстремистской деятельности[4].

Вместе с тем возвращение конфискации имущества в новом статусе привело к различным проблемам в рамках ее правового применения, так как законодатель допустил ряд противоречий в изложении и редакции норм, посвященных рассматриваемому институту.

Например, в соответствии с новой редакцией существует закрытый перечень преступлений, при совершении которых может примениться конфискация. Ранее, при существовании конфискации в качестве уголовного наказания, ключевыми признаками преступлений, за которые назначалась конфискация имущества, были корыстный мотив, а также категория преступлений (тяжкие и особо тяжкие). После введения в УК РФ конфискации как иной меры уголовно-правового характера, законодатель отказался от какого-либо объяснения закрытого перечня преступлений, указанных в ст. 104.1 УК РФ. Так, в перечне необоснованно не указана ни одна из форм хищения (ст. 158-163 УК РФ), т.е. преступлений, имеющих явный корыстный мотив. Представляется целесообразным отказаться от закрытого перечня, так как конфискация должна применяться в связи с любым преступлением, при совершении которого возможно получение неправомерного дохода.

До 2003 года была возможна конфискация любого имущества преступника в качестве наказания, теперь же суд может конфисковать только то имущество, которое имеет отношение к преступному деянию. Но на практике очень сложно доказать связь имущества с преступлением.

Последние пять лет среди отечественных исследователей и политиков идет активное обсуждение такого института, как конфискация «in rem», который предполагает конфискацию имущества, законность приобретения которого не может быть подтверждена обвиняемым. Определенные иностранные государства применяют такую конфискацию и довольно успешно (напр., США, Великобритания, Сингапур). Введение описываемого института в отечественное законодательство, несомненно, усилило бы эффективность применения конфискации имущества в России.

Кроме этого в отличие от конфискации имущества как наказания для конфискации как иной меры законодатель не определил, правом или обязанностью суда является применение конфискации имущества (ранее УК РФ закреплял конфискацию имущества как дополнительное наказание в санкциях конкретных статей, тем самым ограничивая круг действий суда), а также не указал цели данного института.

Как видим, положения о конфискации как наказании были более четко сформулированы законодателем, нежели о нынешней конфискации, что предполагает большую эффективность данного института именно в качестве дополнительного наказания. Устранив указанные и другие проблемы, касающиеся регулирования конфискации имущества как иной меры уголовно-правового характера, законодатель повысит уровень продуктивности данного института и его реальное применение на практике.

Список литературы

1. Аннинкова, Н.Н. Правовое регулирование конфискации имущества/ Н.Н. Аннинкова// Теория науки. – 2013. - №2. – С.217-225.

2. Игнатов, А.Н. Некоторые аспекты реформирования уголовного законодательства/ А.Н. Игнатов// Журнал российского права. – 2003. - №9. – С.24-31.

3. Московой В.В. Конфискация имущества как иная мера уголовно-правового характера: некоторые проблемы теории и законодательного закрепления/ В.В. Московой// Право и политика. – 2011. – №9. – С.1470-1476.

4. Филиппова, О.В. Уголовно-правовое регулирование конфискации имущества в современной России/ О.В. Филиппова// Мониторинг правоприменения. – 2013. - №4. – С.29-39.

УДК 343.72

ОБЪЕКТ МОШЕННИЧЕСТВА, СОПРЯЖЕННОГО С ПРЕДНАМЕРЕННЫМ НЕИСПОЛНЕНИЕМ ДОГОВОРНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

Боровков А.А.
научный руководитель д-р. юрид. наук Тарбагаев А.Н.
Сибирский федеральный университет

В Государственную Думу РФ были внесены и обсуждаются различные варианты новой редакции статьи, предусматривающей уголовную ответственность за мошенничество, сопряженное с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности. При этом даже если в будущем ст. 159.7 УК РФ (аналог ст. 159.4) по тем или иным причинам так и не будет принята законодателем, все равно сохранится практическая необходимость разграничивать некоторые виды мошенничества в сфере оказания платных услуг с простым неисполнением гражданско-правовых договоров. В свете сказанного анализ элементов состава данного вида мошенничества является обоснованным и необходимым.

С учетом того, что любое преступление является феноменом социальным и правовым и оно обладает признаком общественной опасности, т.е. причиняет существенный вред охраняемым уголовным законом отношениям, благам, интересам, то предлагаем рассмотреть особенности объекта мошенничества, сопряженного с преднамеренным неисполнением договорных обязательств.

В доктрине уголовного права предложено множество классификаций объектов преступления, мы будем использовать четырехзвенную классификацию (критерием ее выделения является ширина охвата тех ценностей, которые охраняются уголовным законом), т.к. при помощи нее мы можем наиболее точно и полно раскрыть данный элемент преступления. Согласно этой классификации выделяют следующие виды объектов: общий, родовой, видовой и непосредственный.

Под общим объектом понимается вся совокупность благ, интересов, социальных отношений, охраняемых всем уголовным законом. Родовой объект сосредотачивает однородные блага, интересы и общественные отношения, закреплённые в названиях разделов особенной части УК РФ. Видовой объект в главах УК РФ. Непосредственный объект предполагает те блага, интересы и общественные отношения, на которые посягает конкретное преступление.

В уголовно-правовой литературе можно встретить разные точки зрения на объект преступления. В дореволюционных источниках объект преступления рассматривался как правовое благо (например, Л.Е. Владимиров[4]). Н.С. Таганцев объектом преступления называл юридическую норму в ее реальном бытие[11].

Г.П. Новоселов объектом преступлений считает людей и социум[9]. И. Упоров в качестве объекта называет «интересы» и «ценности»[14].

Несмотря на то, что представление об объекте в последнее десятилетие прошлого века было поколеблено, в настоящее время в доктрине уголовного права преимущественно под объектом преступления понимают общественные отношения, охраняемые законом[12]. Данная позиция, на наш взгляд, является наиболее приемлемой, т.к. в большей степени позволяет отразить всю полноту связей, возникающих при взаимодействии человека с человеком, человека и предметов объективной реальности и т.п.

Раздел VIII УК РФ объединяет три главы: преступления против собственности, преступления в сфере экономической деятельности и преступления против интересов

службы в коммерческих и иных организациях. Основой объединения глав в раздел VIII Особенной части УК РФ выступает родовой объект посягательства - отношения в сфере экономики. В экономической литературе экономика определяется как сложная система особых, специфических отношений людей, в которой можно выделить социально-экономические отношения и организационно-экономические отношения. Социально-экономические отношения - это хозяйственные связи между большими социальными группами, отдельными коллективами и членами общества (отношения собственности). Организационно-экономические отношения складываются в процессе производства, распределения, обмена и потребления благ[2]. Такой подход к пониманию родового объекта дает исчерпывающее обоснование для включения в него главы 21 (Преступления против собственности) и главы 22 (Преступления в сфере экономической деятельности). Глава 23 (Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях) также содержится в Разделе VIII УК РФ. Несмотря на то, что в доктрине уголовного права существует дискуссия по этому поводу[5], интересы службы в коммерческих и иных организациях являются частью организационно-экономических отношений, а значит, видовой объект главы 23 УК РФ обоснованно вписывается в рамки родового объекта Раздела VIII УК РФ.

Мошенничество, сопряженное с преднамеренным неисполнением договорных обязательств, относится к преступлениям в сфере экономики, а закрепление данного состава преступления в главе 21 УК РФ указывает на то, что видовым объектом преступления являются отношения собственности, но это мнение неокончательно, оно требует дополнения. К определению видового объекта главы 21 УК РФ в доктрине уголовно права сложилось несколько подходов.

Некоторые исследователи (Г.Н. Борзенков, Л.Д. Гаухман и другие) понимают под объектом преступлений, предусмотренных нормами, расположенными в главе 21 УК РФ, собственность только как экономические отношения. Так, Л.Д. Гаухман придерживается мнения о том, что объектом преступлений против собственности следует признавать именно общественные отношения собственности, а не право собственности и не правоотношения собственности. «Нормы права и соответствующие им правоотношения по отношению к фактическим общественным отношениям вторичны и потому преступлением нарушаются, в конечном счете, последние, что и определяет их объектом преступления»[6]. Г.Н. Борзенков полагает, что объектом преступления вообще не может быть право ни в субъективном, ни в объективном смысле, эту роль могут играть только общественные отношения[13].

Другая группа ученых понимает под видовым объектом главы 21 УК РФ экономико-правовые отношения. Например, Н.А. Лопашенко считает, что объектом преступлений против собственности является собственность как экономико-правовое понятие, заключающееся в фактической и юридической присвоенности имущества конкретному физическому или юридическому лицу, имеющему в отношении этого имущества правомочия владения, пользования и распоряжения и обладающему исключительным правом на передачу этих правомочий другим лицам[8].

С нашей точки зрения, более корректным является определение видового объекта этих преступлений как правоотношений собственности. Так, И.В. Шишко отмечает, что нормы всего раздела VIII УК РФ охраняют только правоотношения, то есть общественные отношения, права и обязанности участников которых уже нормативно закреплены[15]. Как отмечает А.И. Бойцов, правоотношения собственности выступают в качестве необходимой формы экономических отношений, которые в государственно организованном обществе не могут существовать иначе как в соответствующем юридическом закреплении[1]. Кроме всего прочего, признание правоотношений объектом преступления позволяет четко указать на общественные

отношения, которые в случае причинения им вреда становятся объектом преступления, и способствует реализации принципа законности (ст. 3 УК РФ)[3]. На основании вышеизложенного, уголовно-правовой охране подлежат только отношения собственности, которые обличены в правовую форму.

В соответствии с ч. 1 ст. 209 ГК правовую форму составляют основанные на законе правомочия собственников (в ограниченном объеме правомочия иных титульных владельцев) по поводу владения (обладания) имуществом, пользования (потребления, эксплуатации, извлечения полезных свойств) и распоряжения (определения юридической судьбы) им**.** Для квалификации действий лица по признакам преступлений, предусмотренных нормами главы 21 УК РФ, необязательно установление конкретной формы собственности, на которую посягает виновный. Это не повлияет на привлечение его к уголовной ответственности, как и неустановленные собственника конкретного похищенного имущества не препятствует привлечению к уголовной ответственности виновного, поскольку достаточно доказать, что похищенное имущество является для него чужим. Таким образом, даже в каждом конкретном случае совершения преступления уголовно-правовой защите подлежит нечто большее, чем правомочия отдельного собственника и конкретные отношения собственности[10].

Но только ли отношения собственности являются объектом данного преступления? В доктрине уголовного права существует обоснованная точка зрения, что законодатель, обозначая видовой объект главы 21 «Преступления против собственности», неограниченно сузил круг защищаемых интересов, связанных с собственностью и следует изменить название главы 21 УК РФ на «Преступления против собственности и иных вещных прав»[7].

Думаем, что такого рода суждение имеет основания для существования в рамках мошенничества, где, как отмечает Д.В. Воробьев, можно выделить два вида такого преступления: мошенническое завладение чужим имуществом, посягающее на отношение собственности, и мошенническое приобретение права на чужое имущество, посягающее на иные вещные права. В силу этого различия между мошенническими посягательствами на указанные объекты в том, что хищение путем обмана или злоупотребления доверием может осуществляться, в том числе, и посредством фактического завладения чужим имуществом, обеспечивающим возможность пользоваться или распоряжаться им, юридически опосредуемую презумпцией законности владения, тогда как получение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием по определению может быть осуществлено лишь посредством юридического завладения чужим имуществом, обеспечивающим легальную возможность владеть этим имуществом, но не распоряжаться. Из этого следует, что предметом мошенничества может быть как имущество, принадлежащее потерпевшему на праве собственности, так и имущество, которым потерпевший владеет в качестве субъекта ограниченного вещного права[6].

Что касается непосредственного объекта, то он уже видового объекта. Со вступлением федерального закона № 207-ФЗ от 29.11.2012 "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации" в действие, ст. 159 УК РФ не утратила своей силы, таким образом, она стала общей нормой о мошенничестве. В свою очередь, мошенничество, спряженное с преднамеренным неисполнением договорных обязательств, имеет свою специфику.

Так, основным непосредственным объектом данного вида мошенничества является отношения собственности (частной, муниципальной, государственной), при этом можно выявить еще и дополнительный обязательный объект.

Думается, что наряду с отношениями собственности преступное посягательство вредит рыночным отношениям. Так, последствием преступления является нарушение процессов потребления благ, поскольку их противоправный переход к виновному лицу от законного обладателя исключает для последнего возможность пользования им. в предпринимательских отношениях исчезают стимулы к развитию производства, а это приводит к сокращению объемов производства различных материальных благ, нарушается нормальное функционирование всех экономических процессов, что, в конечном счете, влечет за собой нестабильность и неустойчивость экономической системы в целом[10].

Помимо этого, можно выделить и дополнительный факультативный объект в рамках данного вида мошенничества.

Факультативный дополнительный объект включает в себя права граждан, общества и государства. Выделение этого вида объекта возможно в зависимости от содержания заключаемых договоров. Так, при заключении договора подряда на строительство дома, помимо нарушения отношений собственности и рыночных отношений также нарушается конституционное право граждан на жилье.

Список литературы

1. Бойцов А. И. Преступления против собственности.- СПб: Юрид. центр Пресс, 2002. С. 107

2. Борисов Е.Ф. Экономика: учеб. - М.: Проспект, 2009. С. 33

3. Винокуров В. Н. Объект преступления: история развития и проблемы понимания. – Красноярск: Сиб. юрид. ин-та МВД России, 2009. С. 112 – 113

4. Владимиров А.Е., Вульферт А. Учебник русского уголовного права. Общая часть. // Юридический вестник. 1889.№ 1. С. 167

5. Волженкин Б.В. Экономические преступления.- СПб.: Юрид. центр Пресс, 1999. С. 52; Мазур С.Ф. Уголовно-правовая охрана экономической деятельности. - М.: Изд-во Акад. управления МВД России, 1998. - С.28, 29; Полный курс уголовного права 5 томах /Под ред. А. И. Коробеева. -М. : Юридический центр Пресс. Т. 3., 2008. С.16-17

6. Воробьев Д.В. Современные проблемы уголовно-правовой охраны права собственности и иных вещных прав. – М.: Юрлитинформ, 2011. С. 37-40

7. Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М.: ЮрИнфоР, 2001. С. 64

8. Лопашенко Н. А. Преступления против собственности: теоретико-прикладное исследование. - М.: ЛексЭст, 2005. С. 32-33

9. Новоселов Г. П. Учение об объекте преступления. – М.: НОРМА, 2001. С. 43

10. Суслина Е. В. К вопросу об объекте мошенничества и иных обманных имущественных посягательств // Российский юридический журнал. 2007. №1. С. 150-151

11. Таганцев Н. С. Лекции по русскому уголовному праву. Часть общая. - СПб.: Гос. Тип. 1887. С. 42

12. Трайнин А. Н. Общее учение о составе преступления. - М.: Госюриздат. 1957. С. 123

13. Уголовное право Российской Федерации: Особенная часть. учебник / под ред. Г. Н. Борзенкова и В. С. Комиссарова. М., 1997. С. 175-176

14. Упоров И., Хун А. Объект уголовно-правовых отношений: содержание и различение со сходными понятиями // Уголовное право. 2003. №4. С. 64

15. Шишко И. В. Экономические правонарушения. Вопросы юридической оценки и ответственности. - СПб.: Юрид. центр Пресс. 2004. С. 26

УДК 343.2/7

ПРИМЕНЕНИЕ СТ. 229.1 УК РФ В СВЕТЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОТ 16.07.2015 № 22-П

Бражник И.М.
научный руководитель канд. юрид. наук Невирко А.Д.
Сибирский юридический институт ФСКН России

16 июля 2015 года Конституционный Суд РФ принял постановление № 22-П «По делу о проверке конституционности положения статьи 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Республики Казахстан О.Е. Недашковского и С.П. Яковлева» [2], в котором указал: «Признать положение статьи 226.1 УК Российской Федерации, устанавливающее уголовную ответственность за контрабанду сильнодействующих веществ, не соответствующим Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (часть 1), 54 (часть 2) и 55 (часть 3), в той мере, в какой данное положение - при наличии приводящей к его произвольному истолкованию и применению неопределенности правового регулирования порядка и условий перемещения физическими лицами через Государственную границу Российской Федерации с государствами - членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС сильнодействующих веществ, входящих в состав лекарственных средств и не являющихся наркотическими средствами, психотропными веществами, их прекурсорами или аналогами, - не предполагает возможность учета специфики их перемещения, осуществляемого физическими лицами в целях личного использования, и не позволяет этим лицам осознавать общественно опасный и противоправный характер своих действий и предвидеть их уголовно-правовые последствия».

В связи с этим, на практике возникли вопросы: в каких случаях применять указанную норму, а в каких случаях отложить до того, как будет определен порядок перемещения физическими лицами через Государственную границу Российской Федерации с государствами - членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС лекарственных средств, в состав которых входят сильнодействующие вещества, не являющиеся наркотическими средствами, психотропными веществами, их прекурсорами или аналогами, в целях личного использования.

Анализ данного постановления привел нас к следующим выводам.

1. Конституционный Суд РФ строго указал на то, что из предмета ст. 229.1 УК РФ до внесения соответствующих изменений исключаются только сильнодействующие вещества, входящие в состав лекарственных средств. Соответственно, уголовная ответственность будет наступать, если лицо приобретает сильнодействующие вещества в «чистом» виде. Перечень таких веществ утвержден постановлением Правительства РФ «Об утверждении списков сильнодействующих и ядовитых веществ для целей статьи 234 и других статей Уголовного кодекса Российской Федерации, а также крупного размера сильнодействующих» [3].

2. Согласно Федеральному закону «Об обращении лекарственных средств» [1] продажа лекарственных препаратов допускается как по рецепту врача, так без него. Однако в указанном постановлении четко установлено, что лекарственные средства, содержащие сильнодействующие вещества, способны представлять опасность для здоровья при неконтролируемом врачами (немедицинском) использовании, на территории Российской Федерации их приобретение физическими лицами возможно при наличии специального рецепта, а значит, и последующее употребление разрешается. Представляется, что решать вопрос о привлечении лица, к уголовной

ответственности по ст. 229.1 УК РФ положительно можно во всех случаях при отсутствии у привлекаемого лица рецепта, полученного в установленном порядке.

3. Следующим, обязательным признаком, на который указал Конституционный Суд РФ, является цель перемещения через границу указанных веществ, а именно цель личного потребления. Соответственно, лицо должно быть привлечено к уголовной ответственности, если будет установлена цель сбыта. Об умысле на сбыт указанных веществ могут свидетельствовать контрабанда лицом, самим их не употребляющим, количество (объем), размещение в удобной для передачи расфасовке, наличие соответствующей договоренности с потребителями.

4. Крайне важным замечанием Конституционного Суда РФ является указание на то, что несоответствие национального (ст. 229.1 УК РФ) и международного (порядок функционирования Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС) законодательства, безусловно, может ввести лицо в заблуждение относительно порядка перемещения запрещенных сильнодействующих веществ через границу, что не позволяет этим лицам осознавать общественно опасный и противоправный характер своих действий и предвидеть их уголовно-правовые последствия. Однако если лицо осознавало факт нарушения, то оно должно быть привлечено к уголовной ответственности. О факте такого осознания, по нашему мнению, может служить явление неоднократного совершения данного деяния и каждый раз применение каких-либо иных механизмов способствующих перемещению таможенной границы.

Список литературы

1. Федеральный закон от 12.04.2010 № 61-ФЗ "Об обращении лекарственных средств" // СПС «Консультант Плюс».

2. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.07.2015 № 22-П «По делу о проверке конституционности положения статьи 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Республики Казахстан О.Е. Недашковского и С.П. Яковлева» // СПС «Консультант Плюс».

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 (ред. от 30.06.2015) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // СПС «Консультант Плюс».

УДК 343.3

К ВОПРОСУ О КВАЛИФИКАЦИИ ДЕЙСТВИЙ ПОСРЕДНИКА В НЕЗАКОННОМ ОБОРОТЕ НАРКОТИКОВ

Булич Т.В.
научный руководитель канд. юрид. наук, доц. Токманцев Д.В.
Сибирский юридический институт ФСКН России

Согласно п.13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» (в прежней редакции) действия посредника в сбыте или приобретении наркотических средств, следовало квалифицировать как соучастие в сбыте или в приобретении наркотических средств, в зависимости от того, в чьих интересах (сбытчика или приобретателя) действовал посредник.

В судебной практике это положение было воспринято неоднозначно. Например, разъясняя его Камчатский областной суд отметил, что «…если посредник действовал в интересах покупателя, приобретающего наркотическое средство без цели сбыта, то он является соисполнителем, а если в интересах сбытчика наркотического средства – пособником в сбыте». В то же время Президиум Верховного Суда РФ в одном из обзоров указал, что действия посредника со стороны приобретателя наркотических средств, если он приобретает наркотические средства по просьбе и на деньги приобретателя и передает ему данное средство, следует квалифицировать как пособничество в приобретении наркотических средств.

Следуя изменениям, внесенным в рассматриваемое постановление, Пленум Верховного Суда РФ исключает из оборота такое понятие как «посредник» в сбыте или приобретении наркотических средств, заменяя его понятием «лицо», которое передает приобретателю наркотические средства. Следуя п. 15.1 постановления в новой редакции если такое лицо действует по просьбе (поручению) другого лица, которому такие средства принадлежат, то содеянное им (посредничество в сбыте наркотических средств – в прежней терминологии) следует квалифицировать как соисполнительство в незаконном сбыте наркотических средств. Это разъяснение Верховного Суда РФ основывается на том, что преступный результат – приобретение наркотических средств другими лицами стал возможен благодаря взаимообусловленным и взаимосвязанным действиям двух лиц – обладателя наркотических средств и лица, непосредственно передававшего их приобретателю[1].

Без внимания в постановлении в новой редакции остался вопрос о квалификации посредничества в приобретении наркотических средств. Не исключено, что такие действия как и посредничество в сбыте наркотических средств, будут квалифицироваться как соисполнительство в незаконном приобретении таких средств и учитываться как соответствующее обстоятельство, отягчающее наказание, предусмотренное п. «в» ч.1 ст.63 УК РФ, так как в ст.228 УК РФ нет такого квалифицирующего признака как «совершение преступления группой лиц по предварительному сговору».

Такая квалификация будет соответствовать позиции высшей судебной инстанции сформулированной по делу Гаранова. По просьбе и на деньги О. он купил у Ж. два пакетика с героином по 0,03 грамма каждый. Один из них Гаранов оставил себе для личного потребления, а второй передал О. Квалифицируя действия Гаранова

[1] Курченко В.Н. Квалификация действий посредника в приобретении и сбыте наркотиков / В.Н. Курченко // Уголовный процесс. 2010. № 4.

Президиум Верховного Суда РФ отметил, что «применительно к положениям ч.2 ст. 33 УК РФ непосредственное участие Гаранова в незаконном приобретении О. героина является соисполнительством …» в приобретении наркотического средства. Схожая точка зрения высказывалась и другими судами. Так Московский областной суд в одном из своих обзоров отметил, что лица выступающие посредниками приобретения наркотических средств фактически выполняют «…объективную сторону преступления в виде незаконных приобретения, хранения и перевозки наркотических средств, являясь, таким образом, исполнителями преступления, наряду с лицами, для которых они приобретали наркотическое средство».

Представляется, что при квалификации приобретения наркотических средств одним лицом для другого лица за его же деньги следует учитывать две различные ситуации[2]. Первая – лицо, желающее приобрести наркотические средства, передает другому лицу (посреднику) деньги с предложением приобрести на них указанные средства, не указывая источник приобретения, так как для этого он и нанимает другого человека, как правило, за часть наркотических средств в виде вознаграждения. В этом случае действия посредника следует квалифицировать как соисполнительство в приобретении наркотических средств, так как действия его заказчика взаимообусловлены и взаимосвязаны – у одного есть деньги, но он не знает где приобрести наркотические средства, у второго нет денег, но он знает, где приобрести наркотические средства.

Вторая ситуация заключается в том, что приобретатель за часть наркотических средств или иным образом склоняет другое лицо *доставить* ему наркотические средства, указывая при этом место, куда посредник должен пойти, и человека, у которого он должен взять наркотические средства и передать их приобретателю. В этом случае действия посредника следует квалифицировать как пособничество в приобретении наркотических средств, так как у заказчика имеются деньги и информация где приобрести наркотические средства, а посредник своими действиями лишь создает условия для реализации желания заказчика[3]. Так Елисеев за то, что ему обещали простить долг, отправился по указанному ему кредитором адресу, где взял наркотики, которые доставил к колонии, где должен был перебросить их через основное ограждение, но был задержан, т.е. выполнил сугубо технические функции по доставке наркотиков. Его действия были квалифицированны по ч.5 ст.33 ч.1 ст.30 ч.1 ст.228 УК РФ.

Список литературы

1. Курченко В.Н. Квалификация действий посредника в приобретении и сбыте наркотиков / В.Н. Курченко // Уголовный процесс. 2010. № 4.

2. Винокуров В.Н. Содержание и пределы объекта преступлений в сфере незаконного и легального оборота наркотических средств и психотропных веществ и вопросы квалификации / В.Н. Винокуров // Наркоконтроль. – 2015. № 3.

3. Токманцев Д.В. Новые правила квалификации незаконного приобретения и незаконного сбыта наркотических средств / Д.В. Токманцев, В.Н. Винокуров // Уголовное право. 2016. № 1.

[2] Винокуров В.Н. Содержание и пределы объекта преступлений в сфере незаконного и легального оборота наркотических средств и психотропных веществ и вопросы квалификации / В.Н. Винокуров // Наркоконтроль. 2015. № 3.

[3] Токманцев Д.В. Новые правила квалификации незаконного приобретения и незаконного сбыта наркотических средств / Д.В. Токманцев, В.Н. Винокуров // Уголовное право. 2016. № 1.

УДК 343.3

К ВОПРОСУ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ХИЩЕНИЕ ВВЕРЕННЫХ НАРКОТИКОВ

Буров М.А.
научный руководитель канд. юрид. наук, доц. Токманцев Д.В.
Сибирский юридический институт ФСКН России

Уголовно-правовая норма, предусмотренная ст. 229 УК РФ содержит неопределенность в части способов совершения хищения наркотиков, указывая лишь на обобщенное понятие «хищение». Не конкретизирует способы хищения наркотиков и Пленум Верховного Суда РФ в постановлении «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» от 15 июня 2006 года № 14.

В литературе типичными способами хищения наркотиков признаются кража, мошенничество, присвоение, растрата, грабеж, разбой[1]. Каждый из них заслуживает внимания, но в данной работе я предлагаю обратиться исключительно к хищению вверенных наркотиков, так как присвоение и растрата наркотиков имеет в сравнении с другими способами хищения наркотиков ряд отличительных признаков, требующих особого внимания правоприменителя.

Одним из таких признаков присвоения и растраты наркотиков, как самостоятельных способов их хищения, является противоправное обращение лицом не любых, а исключительно вверенных ему наркотиков – чужих наркотиков которые находились в его владении либо ведении с согласия собственника или иного владельца (юридического или физического лица), т.е. в отношении которых в силу должностного или иного служебного положения, договора либо специального поручения лицо осуществляло полномочия по распоряжению, управлению, доставке, пользованию или хранению.

Соответственно противоправное скрытное изъятие наркотиков лицом, не обладающим такими полномочиями (которому они не были вверены), но имеющим доступ к наркотикам в силу выполняемой работы или иных обстоятельств (например, родственных отношений) необходимо квалифицировать как тайное хищение наркотиков.

Степень общественной опасности хищения наркотиков путем присвоения, растраты существенно повышается при использовании виновным своего служебного положения. Такой способ противоправного изъятия и (или) обращения наркотиков прямо отнесен законодателем к числу квалифицированных (п. «в» ч. 2 ст. 229 УК РФ) и, следуя разъяснениям Пленума Верховного суда РФ, предполагает хищение вверенных наркотиков должностным лицом или иным лицом, выполнение трудовых функций которого связано с работой с наркотическими средствами или психотропными веществами (ответственным за исполнение или соблюдение правил оборота таких средств или веществ[2]). Например, хищение наркотиков при изготовлении лекарственных препаратов – провизором или лаборантом; при отпуске и применении – работником аптеки, врачом или медицинской сестрой; при их охране – охранником или экспедитором (п. 23 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 года № 14).

---

[1] Уголовное право. Часть особенная: учебник / отв. ред. Л.Л. Кругликов. М., 2005.
[2] Токманцев Д.В. Общественно опасные последствия как признак объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 229.2 УК РФ // Уголовное право. 2013. № 3. С.43-47.

Однако столь расширительное толкование хищения вверенных наркотиков с использованием служебного положения стирает грань между простым хищением наркотиков путем присвоения или растраты (ч.1 ст. 229 УК РФ) и квалифицированным способом хищения вверенных наркотиков – присвоением и растратой наркотиков лицом, с использованием служебного положения (п. «в» ч.2 ст. 229 УК РФ), что ведет к нарушению принципа дифференциации ответственности.

Полагаю, что для хищения вверенных наркотиков, лицом с использованием своего служебного положения характерно выполнение виновным не любых трудовых функций связанных с наркотиками, а именно административно-хозяйственных функций, предполагающих наличие у виновного полномочий по распоряжению и управлению наркотиками. То есть субъектом при таком способе хищения выступает лицо, а) состоящее в трудовых отношениях с юридическим лицом и б) наделенное административно-хозяйственными функциями – полномочиями по распоряжению, управлению наркотиками, т.е. имеющее возможность самостоятельно решать вопрос о судьбе, движении наркотиков. В этом качестве виновный является и тем, кому наркотики вверены работодателем, и лицом, обладающим административно-хозяйственными функциями по отношению к этим наркотикам, следовательно, могущим использовать эти особые возможности – служебное положение – при хищении наркотиков[3].

Соответственно в тех случаях, когда трудовые функции виновного носили исключительно технический характер, были связаны лишь, допустим с доставкой или хранением наркотиков без наделения его полномочиями по распоряжению, управлению вверенными наркотиками, хищение вверенных наркотиков, при отсутствии иных квалифицирующих признаков, должно квалифицироваться по ч.1 ст. 229 УК РФ, как хищение наркотиков путем присвоения или растраты, т.е. без вменения квалифицирующего признака – «…лицом с использованием своего служебного положения».

Теперь, вернемся к рекомендации Пленума Верховного Суда РФ, о квалификации хищения наркотиков провизором, лаборантом, работником аптеки, врачом, медицинской сестрой, экспедитором как совершенного с использованием служебного положения. Полагаем, что такие лица в значительном числе случаев, обладают не распорядительными (управленческими), а лишь производственными полномочиями в отношении вверенных наркотиков (полномочиями, вытекающими из производственных функций по изготовлению, приему, доставке наркотиков). Поэтому при хищении данными лицами вверенных им наркотиков, вменение признака «лицом с использованием своего служебного положения», является излишним[4].

---

[3] Яни П. Использование служебного положения при хищении вверенного имущества // Законность. 2010. № 3 [Электронный ресурс] СПС КонсультантПлюс.

[4] Вместе с тем в литературе отмечается, что такая позиция Пленума Верховного Суда РФ может быть оправдана особенностями предмета хищения, а именно тем, что наркотики изъяты из гражданского оборота и не каждый человек имеет к ним доступ (См. напр.: Винокуров В.Н. Квалификация хищения вверенного имущества : учебное пособие. Красноярск. 2006. С. 41.).

Список литературы

1. Уголовное право. Часть особенная: учебник / отв. ред. Л.Л. Кругликов. М., 2005.
2. Токманцев Д.В. Общественно опасные последствия как признак объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 229.2 УК РФ // Уголовное право. 2013. № 3. С.43-47
3. Яни П. Использование служебного положения при хищении вверенного имущества // Законность. 2010. № 3 [Электронный ресурс] СПС КонсультантПлюс.
4. Винокуров В.Н. Квалификация хищения вверенного имущества : учебное пособие. Красноярск. 2006. С. 41.

УДК 343.224

ВОЗРАСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Быкова К.И.
научный руководитель канд. юрид. наук Севастьянов А.П.
Сибирский федеральный университет

Действующий Уголовный Кодекс РФ устанавливает возрастные признаки субъекта преступления. Формальная возрастная граница ответственности стала менее жесткой по сравнению с ранее действующим кодексом.[1]

Как мы знаем, достижение определенного возраста есть необходимое условие для привлечения к уголовной ответственности. В период разработки проекта УК РФ были предложения как об их повышении, так и понижении.[2]

Для некоторых преступлений российский законодатель снизил возраст, с которого наступает уголовная ответственность - это возраст с 16 до 14 лет. Как я полагаю, сделано это в отношении преступлений, общественная опасность которых несовершеннолетним осознается раньше, чем в четырнадцатилетнем возрасте.[3]

Известно, что при достижении возраста уголовной ответственности эта ответственность исключается, если при совершении лицом общественно опасного деяния, несовершеннолетний вследствие отставания в психическом развитии, которое не связанно с психическим расстройством, он не мог в полной мере осознавать общественную опасность и фактический характер своих действий. Презумпция соответствия лица, который достиг возраста уголовной ответственности, общепризнанному уровню развития данного возраста стала опровержимой.[4]

Не для кого не секрет, что категория «возрастная невменяемость» является правовой, а не медицинской, возрастная невменяемость устанавливается судом или следователем, но не медицинскими органами. Отсюда следует, если у суда возникнет предположения, что подросток отстает в психическом развитии от своих сверстников, то наличие или отсутствие такого отставания должно быть доказано, для чего следует обязательно назначить судебно-психиатрическую экспертизу.[5]

Если определяют возраст минимальным или максимальным числом лет, то в этом случае, нужно исходить из предполагаемого экспертом минимального возраста данного лица. Как известно, темпы психического развития у подростков неодинаковы, бывает значительное отставание в развитии несовершеннолетнего, которое не связано с психическим заболеванием.[6]

На мой взгляд, в современном уголовном праве особенность уголовной ответственности несовершеннолетних является то, что, обладая равным календарным

---

[1] Дементьев О.М. Проблемы возраста уголовной ответственности / О. М. Дементьев//ГОУ ВПО ТГТУ, 2010. –С.3.

[2] Васильевский А. Возраст как условие уголовной ответственности. // Законность, 2000, № 11.

[3] Щепельков В.Ф. Субъект преступления: преодоление пробелов уголовного закон // Журнал российского права, -2002. - С.4.

[4] Васильевский А. Возраст как условие уголовной ответственности. // Законность, 2000, № 11.

[5] Давыденко А.В. Уголовное наказание и предупреждение преступности несовершеннолетних.// Адвокат, 2010, №10. 15 с.

[6] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. N 1 "О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних" в ред. от 02.04.2013// Справочная правовая система «Гарант»: http://base.garant.ru/

возрастом, они значительно отличаются друг от друга по уровню психического развития.

Исходя, из выше сказанного можно сделать вывод, что одним из важнейших моментов в защите ребенка от объективного вменения стало введение в ст. 20 УК РФ ч. 3, которая освобождает несовершеннолетнего от уголовной ответственности из-за отставания в психическом развитии даже по достижении им соответствующего возраста. Это доказывает безусловное присутствие в Уголовном Кодексе РФ разумности.[1]

В заключении, хотелось бы отметить, что возраст как признак субъекта преступления влияет на уголовную ответственность лиц, совершивших общественно опасное деяние.[2]

Список литературы

1. Дементьев О.М. Проблемы возраста уголовной ответственности / О. М. Дементьев// ГОУ ВПО ТГТУ, 2010. – С.3.
2. Васильевский А. Возраст как условие уголовной ответственности. // Законность, 2000. № 11.
3. Щепельков В.Ф. Субъект преступления: преодоление пробелов уголовного закон // Журнал российского права, 2002. - С. 4.
4. Давыденко А.В. Уголовное наказание и предупреждение преступности несовершеннолетних // Адвокат, 2010. № 10. 15 с.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 в ред. от 02.04.2013 // «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» «Система ГАРАНТ»: http://base.garant.ru
6. Павлов В.Г. Субъект преступления /В. Павлов // СПб.: «Юридический центр Пресс», 2001 .- С. 102.

[1] Дементьев О.М. Проблемы возраста уголовной ответственности / О. М. Дементьев//ГОУ ВПО ТГТУ, 2010. –С.9.

[2] Павлов В. Г. Субъект преступления./В. Павлов//СПб.: «Юридический центр Пресс»,-2001 .-С. 102.

УДК 343.72

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ МОШЕННИЧЕСТВА В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ XII – XXI вв.

Васильев Н.М.
научный руководитель канд. юрид. наук Летников Ю.С.
Сибирский федеральный университет

В древней Руси ни Русская правда, ни Псковская судная грамота, ни другие древнейшие памятники законодательства не содержали понятия мошенничества. Однако в них найдены ситуации обмана сторонами торговых отношений друг друга[3].

Первое прямое упоминание о мошенничестве в его различии с воровством (татьбой) содержалось в ст. 58 Судебника Ивана Грозного[4]. Здесь впервые появился термин мошенничество (оманщик)[5]. Аналогичный подход к мошенничеству прослеживается и в ст. 112 Судебника царя Федора Иоанновича, принятого в 1589 г.[4]

Соборное уложение 1649 г. – первый печатный и систематизированный законодательный акт. Оно содержало главу XXI «О разбойных и татиных делах». Ст.11 главы XXI Соборного уложения повторяет ст. 58 Судебника 1550 г. и устанавливает применять к мошенникам те же положения, что и татем за первую татьбу[6].

Артикул воинский содержал главу 21, в ней были объединены имущественные преступления, однако мошенничество в данной главе отсутствовало. В то же время, в главе 22 «о лживой присяге и подобных сему преступлениях», есть преступления имущественного характера, способом совершения которых является обман.[1] Артикул не отменял нормы Соборного уложения 1649 г., а действовал одновременно с ним.

Впервые прямое определение понятия мошенничества было сформулировано в Именном указе Екатерины II от 3 апреля 1781 г., данного Сенату «О суде и наказаниях за воровство разных родов и о заведении рабочих домов во всех Губерниях»[2]. Мошенничество понималось здесь в трех видах: 1) Воровство из кармана, которое прослеживается со времен Русской правды (мошна – кошелек), и проходит через все анализируемые законодательные акты; 2) Воровство обманом или вымыслом, продажа обманом или вымыслом, выдача поддельного за настоящее, обвес, обмер и т.п. присвоение чужого без воли или согласия собственника; 3) Внезапное воровство («внезапно отнял; шапку сорвет; не платя денег, скроется»). Такая трактовка мошенничества так же имела место в более ранних законодательных актах.

Устав Благочиния или Полицейский от 8 апреля 1782 г. предусматривал такие виды имущественных обманов, как обман в торговле, контрабанда, банкротство (ст. ст. 115, 224, 231)[9]. Под обманом понимался способ действия, не только вводящий в заблуждение потерпевшего, но и рассчитанный на внезапность, ловкость, порывистость, не дающий времени потерпевшему противодействовать.

1 мая 1846 года вступил в силу уголовный закон под названием «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных». Мошенничеству посвящено отделение четвертое «О воровстве-мошенничестве» главы III, раздела XII. Так, согласно ст. 2172 воровством-мошенничеством признавалось всякое посредством какого-либо обмана учиненное похищение чужих вещей, денег или иного движимого имущества[8].

22 марта 1903 года утверждено Уголовное уложение, включающее 687 статей. По сравнению с Уложением о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. понятие и элементы состава мошенничества не изменились[7]. Однако, вводилась уголовная ответственность за злоупотребление доверием как за самостоятельное преступление.

После революции 1917 года, в переходный период не наблюдалось в сравнении с дореволюционной Россией каких-либо существенных изменений в качественной характеристике мошеннических проявлений.

26 мая 1922 г. сессия ВЦИК утвердила первый Уголовный кодекс РСФСР, вступивший в силу с 1 июня 1922 г. Ст. 187 УК РСФСР 1922 г. устанавливала: Мошенничество, то есть получение с корыстной целью имущества или права на имущество посредством злоупотребления доверием или обмана. Здесь впервые определение мошенничества даётся с точки зрения состава преступления, а так же имеет прямое указание на корыстную цель и предмет преступления.

22 ноября 1926 г. принят УК РСФСР, вступивший в силу с 1 января 1927 г. Ч.1 ст. 169 УК РСФСР 1926 г. устанавливала: Злоупотребление доверием или обман в целях получения имущества или права на имущество или иных личных выгод (мошенничество). Особенностью мошенничества по этому УК была конструкция состава преступления: состав преступления был формальный, а так же введен дополнительный признак, предметом преступления могли быть иные личные выгоды.

27 октября 1960 г. принят последний в истории РСФСР Уголовный кодекс, вступивший в силу с 1 января 1961 г. В этом УК ответственность за мошенничество была предусмотрена сразу в двух главах Особенной части - в главе второй («Преступления против социалистической собственности» - ст. 93) и в главе пятой («Преступления против личной собственности» - ст. 147). Ст. 93 под мошенничеством понимала завладение государственным или общественным имуществом путем обмана или злоупотребления доверием, а ст. 147 завладение личным имуществом граждан или приобретение права на имущество путем обмана или злоупотребления доверием.

С принятием УК РФ 1996 г. процесс совершенствования законодательного определения мошенничества получил дальнейшее развитие. В новом УК РФ 1996 г. понятие мошенничества дано в ч. 1 ст. 159 УК РФ и оно определяется как «хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием». Это определение отличается от, данного в ч. 1 ст. 147 УК РСФСР 1960 г. в редакции после 1 июля 1994 г. тем, что в ст. 147 УК РСФСР 1960 г. отсутствовал термин «хищение», вместо него употреблялся «завладение». Основное отличие этих норм состоит имеено в терминологических словосочетаниях.

Список литературы

1. Артикул воинский 1715 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/articul.htm
2. Именной указ Екатерины II от 3 апреля 1781 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://base.garant.ru/58105240/
3. Осокин Р.Б. Уголовно-правовая характеристика способов совершения мошенничества :дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Осокин Роман Борисович. – Москва, 2004. – 184 с.
4. Памятники русского права. Вып. 4. Памятники права периода укрепления Русского централизованного государства. XV-XVII вв. / Под. Ред. Л.В. Черепнина. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1956. – 632 с.
5. Российское законодательство X-XX веков. В 9 т. Т.2. / Под общ.ред. О.И.Чистякова; – М.: Юридическая литература, 1985. – 520 с.
6. Соборное уложение 1649 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649.htm
7. Уголовное уложение 1903 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://base.garant.ru/6703032/

8. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1846 г. (в ред. 1866 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://base.garant.ru/6701893/
9. Устав Благочиния или Полицейский от 8 апреля 1782 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://base.garant.ru/58105242/.

УДК 343.57

МОМЕНТ ОКОНЧАНИЯ НЕЗАКОННОГО СБЫТА НАРКОТИКОВ

Волков Е.И.
научный руководитель канд. юрид. наук Севастьянов А.П.
Сибирский федеральный университет

Преступления в сфере незаконного оборота наркотиков являются одними из наиболее опасных преступлений, посягающих на здоровье населения. Отличительной особенностью проведения предварительного расследования наркопреступлений, связанных со сбытом, является широкое использование такого оперативно - розыскного мероприятия как «проверочная закупка».

Применение сложившейся методики расследования незаконного сбыта наркотиков породило споры по поводу квалификации действий лица как покушение на сбыт, либо как оконченное преступление. До принятия Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 N 30 правоприменительная практика шла по пути квалификации таких действий как покушение на незаконный сбыт. Как было указано в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 N 14 (ред. от 23.12.2010), такая квалификация обусловлена тем, что при проверочной закупки происходит изъятие наркотиков из незаконного оборота. Данный подход был воспринят правоприменителем и долгое время использовался в практике, хотя и подвергался некоторой критике в научной литературе.

В настоящее время с принятием Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 N 30 подход к квалификации таких деяний изменился в диаметрально противоположную сторону. Корнем нового подхода по определению момента окончания данного преступления является изменившееся понимание самого незаконного сбыта. Так раньше содержание понятия сбыта раскрывалось через все способы передачи (продажу, дарение, обмен, уплату долга, дачу взаймы и т.д.), а также реализации. Сегодня п. 13 постановления указывает на то, что под сбытом понимается незаконная деятельность лица, направленная на возмездную, либо безвозмездную реализацию (продажа, дарение, обмен, уплата долга, дача взаймы и т.д.). На первый взгляд, кажется, что Верховный Суд несколько размыл понятие сбыта, раскрывая его через абстрактную конструкцию «незаконную деятельность», целью которой является любая форма реализации наркотиков. Содержание такой незаконной деятельности раскрывается в следующем пункте (13.1) – это все необходимые действия по передаче приобретателю указанных веществ, независимо от их фактического получения приобретателем. Таким образом, можно судить о том, что формируя новый подход Верховный Суд в качестве опоры использовал понятие передачи вещи содержащееся в ст. 224 ГК РФ, в том числе и в части фактического поступления во владение. Момент окончания преступления был смещен на этап совершения всех необходимых действий, результатом которых с высокой долей вероятности может стать поступление наркотиков во владение, то есть передача.

В сравнении с предыдущими разъяснениями ВС можно утверждать, что момент окончания незаконного сбыта сместился на этап покушения. Тем самым Верховный Суд, по - новому толкуя понятие незаконного сбыта, фактически меняет рассматриваемый состав преступления, традиционно понимаемый как формальный, на усеченный состав.

Разновидностью преступления с усеченным составом выступает общественно опасное деяние, в котором сам процесс выполнения действия дает оконченное

преступление независимо от доведения до конца начавшегося действия. Фактически в этом случае преступление признается оконченным на стадии покушения.[1]

Начавшийся процесс выполнения передачи наркотиков, вне зависимости от его окончания уже образует оконченное преступление. Обращаясь к теории уголовного права, а именно к видам покушений на преступление следует отметить, что усеченный состав незаконного сбыта наркотиков сместился именно на стадию оконченного покушения. Об этом можно судить исходя из следующей формулировки: все необходимые действия по передаче приобретателю указанных веществ. Другими словами сбытчик наркотиков должен предпринять все действия, которые он считал необходимыми для достижения преступного результата. В данном случае преступным результатом или общественно опасным последствием будет оконченная передача наркотиков, фактическое поступление во владение приобретателя или распространение (все эти последствия не имеет смысла разграничивать, так как они наступают одновременно).

Последовательно отстаивая такой подход к определению стадий совершения преступления совершенно логичным было со стороны ВС и введение п.13.2, в котором указывается, что если лицо в целях осуществления умысла на незаконный сбыт незаконно приобретает, хранит, перевозит, изготавливает, перерабатывает эти вещества тем самым совершает действия, направленные на их последующую реализацию и составляющие часть объективной стороны сбыта, однако по не зависящим от него обстоятельствам не передает указанные средства, вещества, растения приобретателю, то такое лицо несет уголовную ответственность за покушение на незаконный сбыт. Данное покушение следует рассматривать как неоконченное. В этом моменте и прослеживается пожалуй главный недостаток избранного подхода ВС к определению момента окончания незаконного сбыта. Такое «вынужденное» толкование покушения на незаконный сбыт весьма похоже на понятие приготовления в смысле ст. 30 УК РФ. Так по общему правилу под приготовлением понимается: приискание, изготовление или приспособление лицом средств или орудий совершения преступления, приискание соучастников преступления, сговор на совершение преступления либо иное умышленное создание условий для совершения преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам. Конечно, в данном случае наркотики нельзя рассматривать в качестве средства совершения преступления, они выступают предметом, но первоначальное приобретение наркотиков все-таки создает условие для их последующего сбыта, но никак не является действием по передаче, и не может составлять часть объективной стороны хоть и усеченного состава незаконного сбыта.

Предвосхищая проблемы, с которыми может столкнуться правоприменитель на практике при использовании такого подхода, осознанно либо бессознательно не освещенные ВС в новом постановлении, следует отметить следующее. При таком понимании покушения на незаконный сбыт, встает вопрос: возможна ли в принципе квалификация приготовления к незаконному сбыту наркотиков? Во-первых, обратим внимание на то, что даже простой состав незаконного сбыта наркотиков относится законодателем к категории тяжких преступлений, а значит, уголовная ответственность за приготовление к данному преступлению может наступить. Во-вторых, следуя логике Верховного Суда, если покушением на незаконный сбыт наркотиков следует признавать незаконное приобретение с целью последующего сбыта, то логично, что в качестве приготовления к незаконному сбыту подлежат квалификации случаи покушения на незаконное приобретение, хранение, перевозку, изготовление, переработку наркотиков с целью последующего сбыта. Такая ситуация обусловлена в первую очередь различным моментом окончания сбыта и приобретения. Несмотря на

желание сотрудников правоохранительных органов, контролируя процесс сбыта наркотиков неоправданно «навешать» на лицо больше эпизодов, а не своевременно пресечь преступную деятельность, всё еще остаются процессуальные возможности того, что при проведении проверочной закупки наркотиков с использованием ничего неподозревающего посредника, преступная деятельность будет пресечена на этапе первоначального сбыта наркотика посреднику. В этом случае действия посредника придётся квалифицировать не как посредничество в покушении на приобретение наркотика, как это было раньше [5], а именно как приготовление к сбыту. В случае усеченного состава преступления такая квалификация выглядит как приготовление к приготовлению. И как высказываются некоторые ученые: «сама по себе абсурдна» [4].

Справедливости ради нужно отметить, что в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 N 12 "О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней)", в п. 8 Суд допустил такую квалификацию в случае усеченного состава преступления. Правда, Суд не указал, как в этом случае отличить приготовление от покушения на организацию преступного сообщества или участия в нем.

Список литературы

1. Борзенков Г.Н. Уголовно-правовые проблемы охраны имущества граждан от корыстных посягательств: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1991. С. 27.
2. Залов А.Ф. Проверочная закупка как процессуальная предпосылка квалификации деяния // Законность. 2014, № 4. С. 12-14.
3. Классен А.Н., Кириенко М.С. Трансформация позиции Верховного Суда РФ по вопросу квалификации сбыта наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов // Законодательство и экономика. 2015, № 8. С. 22-31.
4. Комиссаров В.С., Агапов П.В. Противодействие организованной преступности: разъяснения Пленума ВС РФ, требующие доработки // Уголовный процесс. 2011. № 5. С. 69-74..
5. Определение Верховного Суда РФ от 31.01.2013 N 69-Д12-44 Судебные акты по делу о незаконным сбыте наркотических средств, пособничестве в незаконном приобретении и хранении без цели сбыта наркотических средств изменены: действия осужденного переквалифицированы с п. "б" ч. 2 ст. 228.1 УК РФ на ч. 3 ст. 30 и п. "б" ч. 2 ст. 228.1 УК РФ; с п. "г" ч. 3 ст. 228.1 УК РФ на ч. 3 ст. 30 и п. "г" ч. 3 ст. 228.1 УК РФ; с ч. 5 ст. 33 и ч. 1 ст. 228 УК РФ на ч. 5 ст. 33, ч. 3 ст. 30 и ч. 1 ст. 228 УК РФ, на основании ч. 2 ст. 69 УК РФ путем частичного сложения наказаний.
6. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами : Пост. ПВС. От 15.06.2006 № 14 // БВС РФ. – 2006. – №8.
7. О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) : Пост. ПВС. От 10.06.2006 № 14 // БВС РФ. – 2007. - №1.
8. О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 года N 14 "О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами" : Пост. ПВС. От 30.06.2015 №30 // БВС РФ. – 2015. - №9.
9. Чуркин А.В. Вопросы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании // Юридическая литература. 2005, № 5. С. 11-15.

УДК 343.34

ЭКОЛОГИЧЕСКИ ОПАСНЫЕ ОТХОДЫ КАК СРЕДСТВО СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА КОТОРОЕ ПРЕДУСМОТРЕНА СТАТЬЕЙ 247 УК РФ

Воропаева А.Ю.
научный руководитель канд. юрид. наук Качина Н.В.
Сибирский федеральный университет

В настоящее время одной из важнейших проблем в области охраны окружающей среды является проблема накопления, использования и обезвреживания отходов производства и потребления.

В уголовном законодательстве, нормой, призванной обеспечить охрану окружающей среды от загрязнения опасными веществами и отходами, соблюдение установленных правил их оборота, недопущение производства запрещенных видов отходов, является статья 247 УК РФ, которая предусматривает уголовную ответственность за нарушение правил обращения указанных веществ и отходов.

В научной литературе нет единства мнений, относительно того, что является предметом преступления, предусмотренного ст. 247 УК РФ.

Можно выделить три основополагающих подхода по данному вопросу.

1. Мнение П.В. Толстова, О.Л. Дубовик, Ю.Л. Шумских, которые полагают, что предметом общественно-опасного деяния, предусмотренного ст. 247 УК РФ, являются «опасные вещества и отходы».[1]

2. Мнение Н.А. Лопашенко - предметом преступного посягательства, предусмотренного статьей 247 УК РФ, являются непосредственно сами правила обращения экологических веществ и отходов. [2]

3. Предметом преступления статьи 247 УК РФ является окружающая среда в целом, природные комплексы, а также отдельные природные объекты и ресурсы, а виды опасных веществ и отходов выступают средством осуществления объективной стороны рассматриваемого преступления.[3]

В диспозиции ч.1 ст. 247 УК РФ речь идет о двух видах отходов: запрещенных видах опасных отходов и о радиоактивных, бактериологических, химических отходах.

Ни в практике, ни в юридической литературе не решен однозначно вопрос о том, что следует понимать под запрещенными видами опасных отходов. Некоторые авторы, в частности, А.И. Чучаев, предлагает под такими отходами понимать те, которые содержат вредные вещества, обладающие опасными свойствами (токсичностью, взрыво- и пожароопасностью, высокой реакционной способностью), или возбудителей инфекционных болезней либо представляют непосредственную или потенциальную опасность для окружающей природной среды и здоровья человека сами по себе или при вступлении в контакт с другими веществами. Однако такое определение не может быть признано верным, поскольку оно отражает описание опасных отходов, но не запрещенных.

---

[1] Толстов П.В. Нарушение правил обращения экологически опасных веществ и отходов как вид экологического преступления // Российская юстиция. 2013. N 10. С. 23.

[2] См.: Лопашенко Н.А. Экологические преступления: Комментарий к главе 26 УК РФ // Н.А. Лопашенко. – Спб., 2002. – С. 62.

[3] См.: Экологические преступления: теоретический и практический анализ, проблемы разграничения с административными проступками: учебное пособие // Г. Н. Хлупина, Н. В. Качина, А. В. Молодкин ; Сиб. федерал. ун-т. - Красноярск : СФУ, 2012. - С. 14.

Проанализировав действующее законодательство, можно сделать вывод о том, что под запрещенными видами опасных отходов следует понимать такие отходы, возникновение которых запрещено вообще, либо производимые без надлежащего на то разрешения, либо произведенных с превышением лимитов на их размещение.

Федеральный закон от 24.06.1998г. №89-ФЗ «Об отходах производства и потребления», не содержит определения запрещенных отходов, однако проводит классификация отходов по V классам опасности. Критериями отнесения отходов к тому или иному классу опасности являются: степень опасности, нарушение экологической системы и период ее восстановления.

С учетом классификации по V классам опасности, с учетом того, что отходы V класса опасности не подлежат лицензированию и паспортизации, а также с учетом характеристики признаков «опасности» и «запрещенности» отходов, на сегодняшний день в качестве средства совершения преступления, предусмотренного ст. 247 УК РФ, можно рассматривать лишь отходы I-IV степени опасности.

Под опасными отходами понимаются отходы, которые содержат вредные вещества, обладающие опасными свойствами (токсичностью, взрывоопасностью, пожароопасностью, высокой реакционной способностью) или содержащие возбудителей инфекционных болезней, либо которые могут представлять непосредственную или потенциальную опасность для окружающей природной среды и здоровья человека самостоятельно или при вступлении в контакт с другими веществами

Под радиоактивными отходами понимаются не подлежащие дальнейшему использованию материалы и вещества, а также оборудование, изделия (в том числе отработавшие источники ионизирующего излучения), содержание радионуклидов в которых превышает уровни, установленные в соответствии с критериями, установленными Правительством Российской Федерации.

В диспозиции статьи 247 УК РФ радиоактивные отходы понимать в широком смысле, то есть, включая в них ядерные материалы.

Под бактериологическими отходами понимаются остатки сырья, материалов, полуфабрикатов, иных изделий или продуктов, а также продукция, утратившая свои потребительские свойства, содержащие бактерии, то есть группа микроскопических, преимущественно одноклеточных организмов, в том числе патогенные бактерии – возбудители болезней растений, животных и человека.

Под химическими отходами понимаются такие отходы, которые содержат токсичные и высокотоксичные вещества, способные при воздействии на живые организмы приводить к их гибели, а также отходы, представляющие опасность для окружающей природной среды. Исходя из этого, к таким отходам можно отнести отходы производственного и бытового потребления: ртутьсодержащие приборы, элементы питания, твердые бытовые отходы и т.д.

Список литературы

1. Лопашенко Н.А. Экологические преступления: Комментарий к главе 26 УК РФ // Н.А. Лопашенко. – Спб., 2002. – 802 с.;

2. Толстов П.В. Нарушение правил обращения экологически опасных веществ и отходов как вид экологического преступления // Российская юстиция. 2013. N 10. – 21 – 23 с.

3. Хлупина Г.Н. Экологические преступления: теоретический и практический анализ, проблемы разграничения с административными проступками: учебное пособие // Г. Н. Хлупина, Н. В. Качина, А. В. Молодкин ; Сиб. федерал. ун-т. - Красноярск : СФУ, 2012. - 298 с.

УДК 343

СУБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ СТ. 264.1 УК РФ

Гаврилов С.М.
научный руководитель канд. юрид. наук Козун А.В.
Омская академия МВД России

Федеральным законом от 31 декабря 2014 г. N 528-ФЗ в Уголовный кодекс РФ введена ст. 264.1, предусматривающая ответственность за нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию.

На данный момент статистика совершения преступлений предусмотренных ст. 264.1 УК РФ еще не сформирована, но по некоторым данным только в Омской области за первые три месяца действия данной нормы инспекторами ДПС выявлено более 168-ми случаев, когда водители повторно управляли транспортным средством будучи в состоянии опьянения. Возбуждено более 78 уголовных дел, из них 22 было направлены в суд.

Согласно региональным сводкам МВД России за сутки сотрудники ГИБДД задерживают 4-5 человек управляющих транспортным в состояние опьянения, ранее подвергнутых административному наказанию за аналогичный проступок. Данные говорят о распространенности данного девиантного поведения среди водителей, что позволяет сделать вывод о том, что уже скоро ст. 264.1 УК РФ займет лидирующее положение в уголовно-правовой статистике.

В настоящее время проблему представляет то, что судебная практика по рассматриваемому преступлению еще не сформирована и по этому вопросы правоприменения рассматриваемой нормы уголовного законы для органов дознания, следствия и суда на сегодняшний день остаются актуальными. Особенностями данного состава преступления является бланкетный характер нормы.

Бланкетный характер говорит о большой роли в данной норме административного законодательства, законодательства в сфере безопасности дорожного движения, о наркотических средства и психотропных веществах.

В данной работе мы уделили большое внимание субъекту преступления, так как привлечение к ответственности по ст.264.1 должно подразумевать у субъекта преступления административное наказание или судимость.

Согласно примечанию 2 к ст.264 УК РФ, которое распространяется и на действие ст.264.1 УК РФ субъект данного преступления должен обладать как общими, так и частными признаками.

Согласно общим условиям уголовной ответственности, субъект преступления должен быть вменяемым физическим лицом, достигшим возраста уголовной ответственности то есть субъект на момент совершения преступления должен быть не моложе шестнадцатилетнего возраста. Водителем по данной категории преступлении являются лица не только сдавшие экзамены и получившие право управления на соответствующую категорию транспорта, но и любое другое лицо управлявшее транспортным средством, в том числе лицо, у которого указанный документ был изъят в установленном законом порядке за ранее допущенное нарушение, лицо, не имевшее либо лишённое права управления соответствующим видом транспортного средства, а также лицо, обучающее вождению на учебном транспортном средстве.

К специальным же признакам субъекта, относится то, что на момент совершения преступления лицо должно находиться в состоянии опьянения, причем не обязательно что бы оно было алкогольным, также у субъекта должно иметься действующее административное взыскание за управление транспортным средством в состояние

опьянения или невыполнение законного требования уполномоченного должностного лица о прохождение освидетельствования на состояние опьянения либо наличие судимости за преступления, предусмотренные чч. 2, 4 или 6 ст. 264 либо ст. 264.1 УК.

Исходя из вышесказанного только совокупность общих и специальных признаков может лицо может привлекаться к ответственности по ст.264.1.

В настоящей статье хотелось бы обратить внимание на некоторые признаки характеризующие субъект преступления.

Во-первых: это отсутствие по мнению законодателя разницы между управлением транспортным средством в состояние алкогольного опьянения и отказом от прохождения освидетельствования на состояние алкогольного опьянения в характере и степени общественной опасности, в связи с чем уравнивает их статус. По моему мнению, такое решение законодателя обусловлено тонкой гранью между соблюдением правоохранительными органами конституционных прав граждан на личную неприкосновенность и сложностью принудительного изъятия образцов для анализа.

Как показывает практика, трезвый водитель на предложение должностного лица пройти процедуру медицинского освидетельствования на состояние алкогольного опьянения, следует положительный ответ, в то время как на аналогичное предложение пьяному водитель, в большинстве случаев – отказ. Поэтому в целях исключения споров об обоснованности применения принудительного медицинского освидетельствования на состояние опьянения законодатель приравнял статус лица, отказавшегося от прохождения такого освидетельствования к лицу находящемуся в состояние опьянения.

Вторым моментом является характеристика состояния опьянения. Согласно Правил дорожного движения п.2.7 водителю запрещается управлять транспортным средством в состояние опьянении (алкогольного, наркотического или иного), под воздействием лекарственных средств, ухудшающих реакцию и внимание, в болезненном или ином состоянии, ставящим под угрозу безопасность движения. Из чего следует, что опьянение водителя может быть вызвано употреблением алкогольных напитков, наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров, аналогов, а так же новых потенциально опасных психоактивных веществ.

Однако в настоящее время на территории РФ действует закон, позволяющий водителю иметь минимальную разрешенную концентрацию этилового спирта в крови, что отражено в примечании к ст.12.8 КоАП РФ, в соответствии с которым административная ответственность наступает при установлении факта употребления алкогольных напитков, что определяется наличием абсолютного этилового спирта в концентрации, превышающей возможную суммарную погрешность измерений, а именно 0,16 миллиграмма на один литр выдыхаемого воздуха или в случае употребления водителем наркотических средств, психотропных или новых потенциально опасных психоактивных веществ, наличие которых в организме было подтверждено результатом медицинского освидетельствования. Минимальное значение промиллей установлено во избежание погрешностей алкотестера, а также из-за показателей, которые могут дать обычные напитки (кефир, квас) или определенного заболевания. Поэтому законодатель, установив в административном законодательстве максимальное допустимое содержание алкоголя в крови в конкретном цифровом выражении, предусмотрел аналогичную ситуацию и в случае уголовного преследования за управление транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения.

Таким образом, эту минимальную суммарную измерений погрешность следует учитывать при квалификации по ст. 264.1 УК РФ.

В отношении иных видов опьянения позиция законодателя однозначная – факт наличия наркотических средств, психотропных или новых потенциально опасных психоактивных веществ в организме, влечет за собой административную или уголовную ответственность.

Третий момент определяет юридический статус лица, привлекаемого к уголовной ответственности, это наличие действующего административного взыскания за управления транспортным средством в состояние опьянения, отказ от прохождения медицинского освидетельствования на состояние алкогольного опьянения, либо наличие судимости по чч. 2, 4 или 6 ст. 264 или ст. 264.1 УК РФ.

Юридический статус субъекта рассматриваемого преступления определен ст. 4.6 КоАП РФ, которая гласит, что лицо считается подвергнутым административному наказания в течение года с момента окончания момента исполнения постановления о назначении административного наказания, вступившего в законную силу. Из чего следует, обязательным условием уголовной ответственности по ст.264. УК РФ, является наличие вступившего в законную силу постановления о назначении административного наказания и годичный срок с момента его исполнения. При этом нужно учитывать, что административное наказание должно быть назначено за управлении транспортным средством состояние опьянения либо отказ от выполнения законного требования должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения. Так же законодатель предусмотрел альтернативу административному наказанию, это судимость задержанного водителя по чч. 2, 4 или 6 ст. 264 или ст. 264.1 УК.

Указанные нормы уголовного закона предусматривают ответственность за преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта, совершенные в состояние опьянения, что является логичным установлением факта повторности совершения одного и того же деяния. Судимым лицо является с момента вступления в законную силу приговора суда и до момента снятия или погашения судимости. Порядок и условия погашения или снятия судимости регламентированы в ст. 86 УК РФ. Таким образом, главным условием уголовной ответственности по ст. 261.1 УК РФ, является наличие у субъекта преступления не погашенной и не снятой судимости по чч. 2, 4 или 6 ст. 264 или ст. 264.1 УК.

В конце следует отметить, что состав данной статьи формальный, то есть не требует за собой наступление каких либо общественно опасных последствий в иди причинения вреда здоровью или смерти, деяние считается оконченным в момент его совершения. Именно по этому выделение общих и специальных признаков является наиболее важным для квалификации данного преступления.

Список литературы

1.Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ в редакции от 30.12.2015.

2. Кодекс об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ в редакции от 09.03.2016.

3. Постановление Правительства РФ от 23.10.1995 № 1090 в редакции от 21.01.2016 г. «О Правилах дорожного движения».

4. Федеральный закон от 23.07.2013 № 196-ФЗ в редакции от 31.12.2014 г. «о Внесении изменений в кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и статью 28 федерального закона «о Безопасности дорожного движения»

5. Федеральный закон от 10.12.1995 г. № 196-ФЗ в редакции от 28.11.2015 г. « о Безопасности дорожного движения»

6. Федеральный закон от 31.12.2014 № 528-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу усиления ответственности за совершение правонарушений в сфере безопасности дорожного движения».

УДК 343.233

ВЛИЯНИЕ АЛКОГОЛЬНОГО ОПЬЯНЕНИЯ НА УГОЛОВНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Гребнев М.В.
научный руководитель ст. преподаватель Москалёв Г.Л.
Сибирский федеральный университет

Алкоголь и наркотики, изменяя нормальное течение психических процессов, оказывают существенное влияние на поведение лица. В состоянии опьянения нарушается нормальное восприятие фактического характера и возможной общественной опасности своих действий и полного руководства ими. Многие авторы поднимают проблему деалкоголизации и денаркотизации общества, связывая употребление одурманивающих веществ с негативными уголовными и в целом антисоциальными последствиями.

В юридической литературе приводится следующее понятие опьянения: «Под опьянением понимается такое состояние, которое возникает вследствие интоксикации алкоголем или иным нейротропными средствами и характеризуется комплексом психических, вегетативных и соманеврологических расстройств».

Актуальность затрагиваемой темы обусловлена особым местом состояния опьянения в структуре состава преступления, а именно характеристики субъекта. Проблему дифференциации уголовной ответственности за преступления, совершённые в состоянии алкогольного и наркотического опьянения описывал Гребеньков А. А. и обращал внимание на то, что в теории существовали мнения и о том, чтобы признать опьянение смягчающим уголовное наказание обстоятельством[3].

Согласно социологическим исследованиям, пьянство в целом оценивается негативно в обществе. При этом резонно отмечено, что наиболее объективно было бы включить опьянение как квалифицирующий признак для насильственных и неосторожных преступлений, поскольку именно для таких преступлений и повышается общественная опасность. В то же время, для большинства ненасильственных преступлений признак опьянения не играет такой значительной роли, поскольку в какой-то степени осложняет реализацию преступного умысла. Исключение составляет ст.264 УК РФ, где состояние опьянения – квалифицирующий признак.

В УК РСФСР 1960 г. (п.10 ст.39) отнесение опьянения к отягчающим обстоятельствам было отдано на усмотрение суда, и авторы, анализировавшие правоприменительную практику, также отмечали, что суды не всегда признавали опьянение отягчающим уголовную ответственность обстоятельством даже в насильственных преступлениях. Очень важно то, что и в то время лишь в 12% случаев суд в приговоре отражал мотивы, по которым он счёл возможным не учитывать состояние опьянения в качестве отягчающего ответственность[2].

На сегодняшний день в российском уголовном праве состояние опьянения виновного лица может быть как смягчающим или отягчающим обстоятельством, так и вовсе не влиять на уголовную ответственность. В соответствии с ч. 2 ст. 61 УК РФ [1] по усмотрению суда могут быть приняты любые обстоятельства, смягчающие уголовную ответственность, в том числе и (теоретически) опьянение виновного лица. Однако в ч. 1.1. ст. 63 УК РФ, введённой 21.10.2013 г., указано на возможность рассмотрения состояния опьянения в качестве отягчающего по усмотрению суда.

Был проведён анализ судебной практики (40 приговоров) по уголовным делам, в которых виновные совершили преступления в состоянии опьянения.

При отнесении состояния опьянения к отягчающим обстоятельствам суды подчёркивают, что «состояние опьянения непосредственно связано с совершением преступления, что подтверждается материалами дела». Также иногда из анализа описательной части можно заключить, что состояние опьянения послужило одной из причин противоправного поведения. Опьянение влияет на волю и разум лица, заставляет людей принимать необдуманные решения, которые будучи трезвым человек не предпринял бы. Суды отмечают, что «именно состояние опьянения повлияло на формирование умысла на совершение указанных преступлений и явилось непосредственной причиной совершения преступлений». Заслуживает внимания о следующая аргументация из приговора суда: «именно состояние алкогольного опьянения, в которое подсудимый сам себя привёл, распивая спиртные напитки, сняло внутренний контроль за его поведением, что привело к совершению им преступления».

Однако учёт всех обстоятельств может склонить суд к непризнанию состояния опьянения отягчающим обстоятельством, даже если из описательной части приговора явствует особенная агрессивность виновного. Кроме того, например, в делах о кражах наблюдается непоследовательность и отсутствие единообразия в судебной практике: при сходных обстоятельствах состояние опьянения могут, как счесть отягчающим уголовное наказание, так и оставить без внимания. Считаем важным отметить, что, к сожалению, далеко не во всех рассмотренных делах были приведены убедительные, основанные на глубоком и всестороннем изучении обстоятельств аргументы в пользу признания либо непризнания состояния опьянения отягчающим обстоятельством. Думается, такой подход вносит непоследовательность в правоприменительную деятельность, тем самым подрывая авторитет уголовного закона. На это также обращает внимание и Пленум Верховного Суда РФ, давая указание принимать во внимание характер и степень общественной опасности, обстоятельства совершения преступления и личность виновного, а не ограничиваться лишь самим по себе фактом опьянения виновного[1].

Стоит отметить, что практически во всех приговорах, где лица совершали преступления в состоянии опьянения, подсудимые ходатайствовали о проведении суда без судебного разбирательства в особом порядке, признавали свою вину и раскаивались, что признавалось смягчающим обстоятельством, даже при отягчающей роли опьянения. Этот факт подтверждает предположение о том, что действие одурманивающих веществ (алкоголя и наркотиков) серьёзно искажает интеллектуальный и волевой компонент поведения лица, являясь одной из неотъемлемых причин преступного поведения.

Ни в одном из рассмотренных приговоров состояние опьянения не было расценено в качестве смягчающего обстоятельства, хотя такая возможность у судов есть исходя из ч. 2 ст. 61 УК РФ. Думается, это связано с пониманием сущности смягчающих обстоятельств. Смягчающие обстоятельства, по своей природе, говорят об уменьшении общественной опасности и вреда от совершения преступления либо объективно морально «оправдывают» поведение виновного лица. В то же время, лицо, приводя себя в состояние опьянения по своей воле, тем самым уже потенциально повышает свою агрессивность и возможность совершения противоправных действий, что уже исключает возможность какого-либо снисхождения со стороны суда.

Возможно суды не склонны воспринимать смягчающими обстоятельствами те, которые уже перечислены в списке отягчающих, пусть и с диспозитивной оговоркой. Таким образом, с учётом всех факторов, влияющих на практическое применение правовых средств в уголовном праве, суды пошли по пути борьбы с пьянством как антиобщественным явлением. Кроме того, отнесение одного и того же обстоятельства в

противоположные по смыслу правовые категории неестественно и вносит противоречие в уголовный закон.

Список литературы

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ №58 от 22 декабря 2015 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания». П.31.
2. Гаскин С. С. Отягчающие обстоятельства: уголовно-правовая характеристика и пути совершенствования законодательной регламентации. Иркутск: Изд-во Иркутского университета, 1985. С.65-66.
3. Гребеньков А. А. Проблема дифференциации уголовной ответственности за совершение преступлений в состоянии алкогольного и наркотического опьянения. // Бизнес в законе. 2007. №4. С. 166-168.

УДК 343.237

ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ ОРГАНИЗОВАННОЙ ГРУППЫ: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРИ НАЛИЧИИ СПЕЦИАЛЬНОГО СУБЪЕКТА

Демьяненко А.М.
научный руководитель д-р юрид. наук Тарбагаев А.Н.
Сибирский федеральный университет

В уголовной доктрине особое место занимают деяния, совершенные в соучастии. Это обусловлено повышенной общественной опасностью таких преступлений. Участие нескольких лиц в преступлении значительно повышает его эффективность, уменьшает возможность потерпевшего пресечь преступные посягательства в его адрес.

Легальное определение организованной группы закреплено в ч. 3 ст. 35 УК РФ. Это - устойчивая группа лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений. Законодатель выделяет следующие признаки организованной группы: количество участников; устойчивость группы; цель объединения группы.

Определение, данное в УК РФ, не говорит о точном количестве лиц, необходимых для признания группы организованной. Ответ на данный вопрос можно найти в различных постановлениях Пленума Верховного суда Российской Федерации. Например, в постановлении «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)», «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» и др. Все они указывают о наличии двух и более лиц. В доктрине, большинство авторов придерживаются такого же мнения. Но не все авторы разделяют данную позицию. Так, по мнению В.П. Карлова, количество участников организованной группы отличается от установленного законом количества при соучастии и превышает его. Он считает, что организованная группа должна состоять из трех и более лиц, и это должно быть закреплено в законодательстве [1]. Об организованной группе, состоящей из трех и более лиц, так же говориться в Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г.

Упоминание устойчивости, как признака организованной группы встречается у многих авторов. Так, А.В. Наумов под устойчивостью понимает совершение группой нескольких преступлений, а также тщательность подготовки одного отдельно взятого преступления [2]. В учебнике Уголовного права России под устойчивостью понимается особая характеристика субъективной связи группы лиц, которые тщательно готовят и планируют совершение преступлений, распределяют между собой роли. Более того, данный признак так же характеризуется техническим оснащением, длительным знакомством участников группы, постоянство форм и методов преступной деятельности [3]. О необходимости наличия признака устойчивости для организованной группы говориться не только в теории, но и на практике. Преступление не может быть признано совершенным организованной группой, если вышеуказанный признак устойчивости отсутствует[4].

Указанные в законе признаки не всегда позволяют четкого отграничить организованную группу от других форм соучастия. Например, такой признак, как численность, присущ и группе лиц, и группе лиц, по предварительному сговору. Кроме того, группа лиц, по предварительному сговору, тоже в определенной степени обладает устойчивостью и создается для совершения одного или нескольких преступлений [5].

Переходя к вопросу квалификации преступлений, хотелось бы отметить, что до сих пор остаются вопросы, из-за которых правоприменители допускают ошибки, когда выносят те или иные решения.

Так, в п. 10 постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» от 27 января 1999 г. № 1 все члены организованной группы выступают в качестве соисполнителей и несут ответственность, независимо от их роли в преступлении, без ссылки на ст. 33 УК РФ. Аналогичная позиция содержится в постановлениях Пленума ВС РФ «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» и др.

На первый взгляд, непонятно, какие проблемы в квалификации преступлений совершенных организованной группой могут быть в такой ситуации?

Но если обратиться к преступлениям, состав которых предусматривает наличие специального субъекта, мы обнаружим те самые трудности в вопросах квалификации.

Статья 160 УК РФ (присвоение или растрата) подразумевает наличие специального субъекта, которому вверено чужое имущество на законном основании с определенной целью либо для определенной деятельности. Пленум Верховного суда в п. 23 постановления «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» дает следующие разъяснения по этому поводу: в организованную группу могут входить лица, не обладающие полномочиями по распоряжению, управлению или пользованию вверенным имуществом» т.е. они не являются специальными субъектами данного состава, но: «при наличии к тому оснований они несут ответственность согласно части 4 статьи 34 УК РФ как организаторы, подстрекатели либо пособники присвоения».

Статья 290 УК РФ (получение взятки) тоже предусматривает наличие специального субъекта. Но в постановлении «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» от 9 июля 2013 г. № 24, Пленум Верховного суда дает разъяснения абсолютно противоположные вышеуказанным. Так, согласно п. 16 данного постановления, участники организованной группы, которые не обладают признаками специального субъекта независимо от того, выполняли ли они функции исполнителя, организатора, подстрекателя или пособника, подлежат квалификации по соответствующей части статьи 290 или статьи 204 УК РФ без ссылки на статью 33 УК РФ.

В теории по данному вопросу нет единого мнения. Одни авторы считают, что действия лиц - участников организованной группы, но не обладающих признаками специального субъекта определенного состава, следует квалифицировать со ссылкой на ст. 33 УК РФ. Другие, что в такой ситуации все участники организованной группы несут ответственность как соисполнители независимо от той роли, которую они выполняли в совершении того или иного преступления. На наш взгляд, все участники организованной группы должны признаваться соисполнителями, независимо от вида преступления.

Подводя итог вышесказанному, считаю необходимым конкретизировать в УК РФ такой признак организованной группы как устойчивость. Именно это признак вызывает наибольшее количество споров и как следствие ошибок правоприменителя. Так же, на мой взгляд, разъяснения Пленума ВС РФ по поводу применения уголовно-правовых норм, не должны различаться в зависимости от вида преступлений. Единообразное толкование позволит снизить количество ошибок на практике.

Список литературы

1. Карлов В.П. Формы соучастия: автореф. дис. …канд. юрид. наук. Омск, 2004. – 20 с.
2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской федерации / Под ред. А.В. Наумова. М., 1996. С.124.
3. Уголовное право России. Практический курс / Под общ. Ред. Р.А. Адельханяна. М., 2004. С. 110.
4. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2001. № 10. С. 17.
5. О.С. Капитонова. Понятие организованной группы. КриминалистЪ. 2012. №2. С. 23-26.

УДК 343.34

СООТНОШЕНИЕ ЗАХВАТА ЗАЛОЖНИКА С ПОХИЩЕНИЕМ ЧЕЛОВЕКА И НЕЗАКОННЫМ ЛИШЕНИЕМ СВОБОДЫ

Дисенко Я.В.
научный руководитель канд. юрид. наук Долголенко Т.В.
Сибирский федеральный университет

Захват заложника имеет сходство с рядом преступных деяний и прежде всего, связанных с посягательством на физическую свободу человека, в частности – похищение человека и незаконное лишение свободы. В связи с этим в судебной практике возникает множество проблем и даже допущение ошибок при квалификации совершенных преступлений.

Обратимся к судебной практике.

Так, Ж. был признан виновным в совершении похищения человека и удержании его в качестве заложника группой лиц по предварительному сговору. По обстоятельствам дела житель г. Адлера Ж., узнав о том, что его сестра М. похищена для вступления с нею в брак, стал требовать у родственников похитителя возвращения М. ее родным. Не добившись исполнения своих требований, Ж. вместе с друзьями схватил брата похитителя Ш., затолкнул его в машину и увез в ущелье, тем самым совершив похищение человека. В горах похищенного стали удерживать в качестве заложника, при этом избивали, постоянно требовали указать место нахождения М. В этот же день М. была доставлена ее похитителем в полицию. Убедившись, что сестра отпущена, Ж. решил освободить Ш. и вместе с друзьями привез похищенного к нему домой. Президиумом ВС РФ действия Ж. были квалифицированы в соответствии с УК как похищение человека и удержание его в качестве заложника[1].

Такая квалификация действий Ж. представляется неверной, так как по правилам квалификации нельзя одно деяние квалифицировать по двум смежным составам преступлений.

Другим преступлением, от которого необходимо отличать захват заложника является незаконное лишение свободы.

Так, Раздобреев В.А., решил удержать в качестве заложника свою несовершеннолетнюю дочь Р. и под угрозой убийства последней понудить своих близких родственников передать ему деньги на приобретение наркотических средств.

При этом Раздобреев В.А. в присутствии своей матери Р. схватил дочь за шею, и, применяя к ней насилие, опасное для жизни и здоровья, стал угрожать ей убийством, заявив, что взорвет дом вместе со своей дочерью в случае, если она попытается выйти из дома и если ему не будут переданы денежные средства.

Продолжая насильно удерживать в доме в качестве заложника свою дочь, Раздобреев В.А. перенес из сарая в квартиру 50-литровый баллон с сжиженным газом, выпустил из него часть газа и вновь высказал Р. угрозы. Он также угрожал дочери ножом хозяйственно-бытового назначения. Услышав звонок в калитку дома, Раздобреев В.А. схватил дочь за волосы, приставил к горлу последней нож и вывел ее к калитке, где в этот момент находилась Р. которая принесла Раздобрееву В.А. денежные средства, одолженные ею у соседей.

Р. опасаясь за свою жизнь и здоровье, попросила по телефону у соседки М. одолжить десять тысяч рублей для передачи отцу за свое освобождение. Когда М. прибыла, Раздобреев В.А., приставив нож к спине дочери, вышел вместе с ней во двор дома, забрал у соседки принесенные деньги, однако и после этого Р. не освободил, выдвинув новое требование.

Р., будучи напуганной этими угрозами, попросила по телефону у своих родственников и знакомых принести Раздобрееву В.А. требуемые им деньги, пояснив, что это является условием ее освобождения. Впоследствии Раздобреев В.А. был задержан сотрудниками полиции во дворе своего дома.

Несмотря на то, что требования были предъявлены близкому родственнику, а не постороннему лицу и осужденным не создавалась угроза общественной безопасности, что является непосредственным объектом захвата заложника, судом деяние было квалифицировано по пп. «в», «г», «д», «з» ч. 2 ст. 206 УК[2].

Представляется необходимым предусмотреть такой квалифицирующий признак состава преступления, предусмотренного ст. 127 УК как незаконное лишение свободы из корыстных побуждений.

Дискуссионным вопросом является применение примечания к ст. 206 УК. Необходимо отметить, что на практике часто трудно определить добровольно или недобровольно освобожден захваченный.

Показателен пример из практики: Скалин И.А. осужден за захват лица в качестве заложника, совершенный с применением предмета, используемого в качестве оружия, в целях понуждения государства и гражданина совершить действие как условие освобождения заложника.

Осужденный Скалин И.А. полагает, что по делу имелись основания для его освобождения от уголовной ответственности в соответствии с примечанием к статье 206 УК, поскольку по требованию сотрудников полиции потерпевшая была освобождена. На исследованной в судебном заседании видеозаписи видно, как он убрал нож от шеи потерпевшей, после чего потерпевшая самостоятельно вышла из ателье, а не была освобождена в результате силового вмешательства сотрудников полиции.

Судебная коллегия считает, что приговор суда является законным, обоснованным и справедливым. В подтверждение виновности осужденного Скалина И.А. суд обоснованно сослался на показания потерпевшей В. Так, потерпевшая В. отмечала, что освободиться ей удалось самостоятельно. После употребления спиртных напитков Скалин И.А. ослабил руку, в этот момент ей удалось вырваться и выбежать из помещения.

Таким образом, оснований для освобождения, осужденного Скалина И.А. от уголовной ответственности, согласно примечанию, к ст. 206 УК, не имеется[3]. Следовательно, признак добровольности предполагает осознанное волеизъявление лица, которое отсутствует при потере контроля лица над своим поведением.

Список литературы

1. Постановление Президиума ВС РФ [Электронный ресурс] : от 23.07.1997 // Справочная правовая система «Гарант».

2. Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ [Электронный ресурс] : от 22 сентября 2015 N 201-АПУ15-11 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

3. Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ [Электронный ресурс] : от 2 октября 2014 N 9-АПУ14-22 // Справочная правовая система «Консультант Плюс».. Бюллетень Верховного Суда РФ [Электронный ресурс] : №1 2001. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru.

4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. (постатейный) (том 2) (2-е издание) / под ред. А.В. Бриллиантова, 2015. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru.

УДК 343.77

ПРОБЛЕМА ТОЛКОВАНИЯ ПРИЗНАКА «ЧУЖОЕ ИМУЩЕСТВО» В СТ. 167 УК РФ

Егорова М.Г.
научный руководитель канд. юрид. наук Питецкий В.В.
Сибирский федеральный университет

Предметом преступления, предусмотренного ст. 167 УК РФ, является чужое имущество. Однако единого понимания чужого имущества в науке уголовного права до сих пор не сложилось. Понятие чужого имущества дается в постановлении Пленума Верховного суда РФ от 17.12.2015 № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 УК РФ)». В пункте 2 вышеуказанного Постановления указано, что к предмету вымогательства по смыслу статьи 163 УК РФ относится, в частности, чужое (то есть не принадлежащее виновному на праве собственности) имущество.

В связи с этим, возникает вопрос о том, можно ли признать имущество, находящееся в общей (долевой или совместной) собственности, чужим? И как быть, в случае, если уничтожается или повреждается имущество, находящееся в общей собственности (долевой или совместной)?

В доктрине уголовного права данный вопрос носит дискуссионный характер.

А.Г. Безверхов считает, что уничтожение и повреждение имущества имеют своим предметом исключительно чужую вещь[1]. Е.М. Плютина придерживается похожего мнения. Она отмечает, что имущество, находящиеся в общей собственности, не является для лица чужим[2].

Не все исследователи согласны с таким подходом. Часть ученых полагает, что при экономической и правовой оценке собственности как фактора материального благополучия отдельного собственника, так и фактора материального благополучия общества в целом, неразумно оставление без уголовно-правового реагирования случаев посягательства на общую собственность одним из сособственников. Отсюда следует вывод о целесообразности установления уголовной ответственности за умышленное уничтожение или повреждение одним из сособственников имущества, находящегося в общей собственности[3].

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.06.2002 г. № 14 «О судебной практике по делам о нарушении правил пожарной безопасности, уничтожения или повреждения имущества путем поджога либо в результате неосторожного обращения с огнем» дает следующее разъяснение. В п.8 отмечается, что, если в результате поджога собственного имущества причинен значительный ущерб чужому имуществу либо имуществу, которое являлось *совместной собственностью* (выделено нами - Е.М.) виновника пожара и иных лиц, действия такого лица, желавшего наступления указанных последствий или не желавшего, но сознательно допускавшего их либо относившегося к ним безразлично, надлежит квалифицировать как умышленное

---

[1] А.Е. Безверхов, И.Г. Шевченко. Ответственность за уничтожение или повреждение чужого имущества. – Самара: Самар. гуманит. Акад., 2008. С.43

[2] Плютина Е.М. Уничтожение или повреждение имущества: Проблема квалификации и соотношения со смежными составами преступлений: по материалам судебной практики Краснодарского края: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2005. С. 60

[3] Файзрахманова Л.М. Уголовная ответственность за уничтожение или повреждение чужого имущества по УК России: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Ижевск, 2002. С. 5, 13-14;

уничтожение или повреждение чужого имущества путем поджога (ч.2 ст. 167 УК). По этому пути идет и судебная практика[4].

Таким образом, в законодательстве существует противоречие, в Пленуме ВС РФ от 17.12.2015 № 56 под чужим имуществом понимается имущество, не принадлежащее виновному на праве собственности, а в Пленуме ВС РФ от 05.06.2002 №14 чужим признается имущество, находящееся в общей совместной собственности.

По нашему мнению, при решении данного вопроса необходимо отталкиваться от положений гражданского кодекса РФ.

Согласно п. 1, п. 2 ст. 244 ГК РФ Имущество, находящееся в собственности двух или нескольких лиц, принадлежит им на праве общей собственности. Имущество может находиться в общей собственности с определением доли каждого из собственников в праве собственности (долевая собственность) или без определения таких долей (совместная собственность).

Данный состав преступления затрагивает на такое правомочие собственника, как распоряжение. В п. 1 ст. 247 ГК РФ говорится, что владение и пользование имуществом, находящимся в долевой собственности, осуществляются по соглашению всех ее участников, а при недостижении согласия - в порядке, устанавливаемом судом. А распоряжение имуществом, находящимся в долевой собственности, осуществляется по соглашению всех ее участников (п. 1 ст. 246 ГК РФ).

В соответствии с ч. 2 ст. 253 ГК РФ, распоряжение имуществом, находящимся в совместной собственности, осуществляется по согласию всех участников, которое предполагается независимо от того, кем из участников совершается сделка по распоряжению имуществом. Таким образом, распоряжение имуществом, находящегося в общей совместной собственности презюмируется изначально и каждый участник может распорядиться всем имуществом по своему усмотрению. Исходя из этого, такое имущество нельзя назвать чужим, поэтому оно, будучи находящимся в общей совместной собственности, не является предметом преступления, предусмотренного ст. 167 УК РФ.

Однако в отношении имущества, находящегося в долевой собственности, распоряжение таким имуществом может осуществляться только с согласия другого сособственника. Таким образом, для каждого участника общей долевой собственности, собственность другого лица (доля) будет являться чужой. Поэтому, в случае ее умышленного уничтожения или повреждения, содеянное образует состав преступления ст. 167 УК РФ.

Полагаем, что более правильным п. 8 постановления Пленума ВС РФ от 05.06.2002 №14 следует изложить в другой редакции: «если в результате поджога собственного имущества причинен значительный ущерб чужому имуществу либо имуществу, которое являлось общей долевой собственностью виновника пожара и иных лиц, действия такого лица, желавшего наступления указанных последствий или не желавшего, но сознательно допускавшего их либо относившегося к ним безразлично, надлежит квалифицировать как умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества путем поджога (часть вторая статьи 167 УК РФ)». Исключив, таким образом, привлечение к уголовной ответственности лица, умышленного уничтожавшего или повредившего имущество, находящееся в общей совместной собственности.

4 См., например, Приговор Еловского районного суда от 01.04.2010, Пермский край // http://docs.pravo.ru/document/view/25200075/24801632/

Список литературы

1. А.Е. Безверхов, И.Г. Шевченко. Ответственность за уничтожение или повреждение чужого имущества. – Самара: Самар. гуманит. Акад., 2008. С.43.;
2. Плютина Е.М. Уничтожение или повреждение имущества: Проблема квалификации и соотношения со смежными составами преступлений: по материалам судебной практики Краснодарского края: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2005. С. 60;
3. Приговор Еловского районного суда от 01.04.2010, Пермский край // Режим доступа: http://docs.pravo.ru/document/view/25200075/24801632/;
4. Файзрахманова Л.М. Уголовная ответственность за уничтожение или повреждение чужого имущества по УК России: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Ижевск, 2002. С. 5, 13-14.

УДК 343.352.4

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОБЕЩАНИЯ ИЛИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПОСРЕДНИЧЕСТВА ВО ВЗЯТОЧНИЧЕСТВЕ

Жарких И.А.
научный руководитель канд. юрид. наук Шиханов В.Н.
Иркутский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации

Федеральным Законом от 4 мая 2011 г. № 97-ФЗ[1] в УК РФ была введена статья 291.1, предусматривающая ответственность за посредничество во взяточничестве. Часть 1 вышеуказанной статьи устанавливает ответственность за посредничество во взяточничестве только в случае, если передача взятки либо иное способствование взяткодателю и (или) взяткополучателю в достижении либо реализации соглашения между ними о получении и даче взятки совершены в значительном размере, т.е. когда стоимость взятки превышает двадцать пять тысяч рублей. Вместе с тем, ч. 5 ст. 291.1 УК РФ, предусматривающая ответственность за обещание или предложение посредничества во взяточничестве, сформулирована без указаний на какой-либо размер суммы взятки. В связи с этим возникает вопрос: является ли обещание или предложение наказуемым только в случае, если размер взятки значительный, или же размер суммы взятки не имеет значения?

В науке уголовного права превалирует позиция, согласно которой обещание или предложение посредничества во взяточничестве влекут уголовную ответственность, если они совершены в целях способствования в достижении либо реализации соглашения между взяткодателем и взяткополучателем о получении и даче взятки как минимум в значительном размере. Так, П.С. Яни указывает, что «поскольку в законе (ч. 1 ст. 291.1) посредничеством во взяточничестве соответствующие действия названы, только если размер взятки является значительным, то ответственность по ч. 5 ст. 291.1 УК наступает за обещание или предложение посредничества в даче либо получении взятки не менее чем в значительном размере»[2].

В то же время для полного и всестороннего исследования рассматриваемого нами вопроса целесообразно обратиться к судебной практике. В частности, приговором Центрального районного суда г. Тольятти Самарской области от 1 ноября 2012 года Косолапов А.Ю. был осужден в совершении преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 291.1 УК РФ. Было установлено, что к Косолапову обратилась А. за консультацией о сдаче экзаменов в ГИБДД для последующего получения водительского удостоверения. Косолапов сообщил А., что обладает возможностью за взятку должностным лицам РЭО ГИБДД УМВД России оформить А. водительское удостоверение без фактической сдачи практического экзамена и предложил ей посредничество во взяточничестве, оговорив при этом, что размер суммы взятки составляет 24 000 рублей, в последующем подтвердив свое намерение. После этого Косолапов в ходе проведения сотрудниками отделения ЭБ и ПК УМВД России ОРМ «оперативный эксперимент» получил от А. денежные средства в сумме 20 000 рублей для дальнейшей их передачи должностным лицам РЭО ГИБДД УМВД России, неосведомленным о преступном намерении Косолапова, в качестве взятки, после чего был задержан[3].

Кроме того, на практике существуют и иные приговоры, которыми лица были осуждены за обещание или предложение посредничества во взяточничестве менее чем в значительном размере[4].

Таким образом, можно сделать вывод, что суды вменяют ч. 5 ст. 291.1 УК РФ, не ограничивая сумму взятки каким-либо размером. Данная позиция вполне понятна: во-

первых, при буквальном толковании части 5 ст. 291.1 УК РФ следует, что данная норма и впрямь не ставит условие наступления ответственности за обещание или предложение посредничества во взяточничестве в зависимости от значительного или незначительного размера взятки; во-вторых, в реальной действительности возможна ситуация, когда посредник вообще не осведомлен о размере взятки, например, обещая передать взятку или способствовать в ее передаче и получении в принципе, когда ее размер не обговаривался.

Однако, при таком подходе явно прослеживается противоречие толкования закона его логическому пониманию. Ведь, получается, часть 1 ст. 291.1 УК РФ закрепляет ответственность за посредничество во взяточничестве лишь в значительном размере, при этом, если оно совершено в незначительном размере, состав преступления в данном случае отсутствует. В то же время часть 5 ст. 291.1 УК РФ, являясь усеченным составом преступления, предусматривает ответственность лишь за высказанное обещание или предложение посредничества во взяточничестве. По смыслу уголовного закона такая ситуация выглядит как минимум нелогичной.

При рассмотрении данного вопроса весьма уместным представляется обратиться к проекту Федерального закона № 502299-5 и сопутствующим ему документам, анализ положений которых позволит выяснить, какой смысл законодатель вкладывал в норму ч. 5 ст. 291.1 УК РФ.

В пункте 7 статьи 1 проекта Федерального закона № 502299-5 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции» было предложено ввести часть 5 статьи 291.1 УК РФ, т.е. обещание или предложение посредничества во взяточничестве[5] При этом, за данное преступление предлагалось наказывать ***штрафом в размере от пятнадцатикратной до семидесятикратной суммы взятки*** с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет либо лишением свободы на срок до семи лет ***со штрафом в размере от десятикратной до шестидесятикратной суммы взятки*** (Выделено мной – ***И.Ж.***)[6].

Далее при рассмотрении законопроекта в первом чтении Правовое управление Аппарата Государственной Думы по поручению Совета Государственной Думы представило заключение, в котором указало, что предлагаемое установление размера штрафа кратным сумме взятки сомнительно, и «…поскольку данный проектный состав является усеченным и будет считаться оконченным с момента предложения посредником во взяточничестве своих услуг, сумма взятки для квалификации данного вида преступления не подлежит доказыванию и, соответственно, вряд ли может быть основанием для размеров штрафа»[7].

В последующем данное замечание было внесено в таблицу поправок №1 и было предложено обещание или предложение посредничества во взяточничестве наказывать штрафом в размере от пятнадцатикратной до семидесятикратной суммы взятки с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или ***штрафом в размере от двадцати пяти тысяч до пятисот миллионов рублей*** с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет либо лишением свободы на срок до семи лет со штрафом в размере от десятикратной до шестидесятикратной суммы взятки (Выделено мной – ***И.Ж.***)[8]. Соответственно, Федеральный закон от 4 мая 2011 г. № 97-ФЗ был принят с учетом такой поправки[9].

Таким образом, устанавливая уголовную ответственность за обещание или предложение посредничества во взяточничестве, законодатель подразумевал, что

размер суммы взятки не имеет значения для квалификации по ч. 5 ст. 290 УК РФ, чем породил массу вопросов.

Необходимо также отметить, что подобные коллизии в законодательстве способны породить злоупотребления со стороны правоприменителей. Так, например, приговором Видновского городского суда Московской области от 16 мая 2012 года осуждены Жогин В.Н. – по ч. 1 ст. 290 УК РФ, Воробьева Е.А. – по ч. 5 ст. 291.1, Везетиу Е. – по ч. 5 ст. 291.1 УК РФ. Было установлено, что Везетиу Е., работая уборщицей в поликлинике, познакомилась с А., который обратился к ней с просьбой об оформлении листка нетрудоспособности за прошедшие дни. Везетиу Е. позвонила своей подруге Воробьевой Е.А., работавшей в должности медрегистратора, которая сообщила о возможности оформить листок нетрудоспособности за прошедшие дни за 4000 рублей. После этого, Везетиу сообщила А., что это будет стоить 6000 рублей. Позже, А., действуя в рамках оперативного эксперимента, передал Везетиу 6000 рублей, Везетиу передала Воробьевой 4000 рублей. Далее, Воробьева заполнила листок нетрудоспособности, позвонила врачу-терапевту поликлиники Жогину В.Н., который впоследствии подписал листок, за что Воробьева передала ему взятку в размере 2000 рублей, после чего все были задержаны[10].

В данном случае, представляется необоснованным осуждение Воробьевой за предложение посредничества во взяточничестве, поскольку из приговора суда следует, что она не только сама заполнила листок нетрудоспособности, т.е. способствовала в реализации соглашения между взяткодателем и взяткополучателем, но и совершила действия, непосредственно направленные на передачу взятки Жогину, в связи с чем ее действия выглядят как покушение на посредничество во взяточничестве. Однако, в связи с тем, что размер взятки не является значительным, Воробьева вообще не подлежит уголовной ответственности.

Представляется правильным согласиться с Д. Гарбатович, Д.Г. Калатози, что если лицо, обещавшее или предложившее посредничество, ничего не успело совершить по независящим от него обстоятельствам, то данные действия будут считаться оконченным преступлением, предусмотренным ч. 5 ст. 291.1 УК РФ. Если же лицо, обещавшее или предложившее посредничество, приступило к совершению иных действий по способствованию взяткодателю или взяткополучателю в реализации соглашения между ними о получении или даче взятки в значительном размере, но не смогло завершить все задуманные им действия по независящим от него обстоятельствам, то уже в этом случае его действия следует квалифицировать как покушение на посредничество, т. е. по ч. 3 ст. 30 и ч. 1 ст. 291.1 УК РФ[11].

По всей вероятности, можно говорить о том, что следственные и судебные органы в некоторых случаях необоснованно вменяют ч. 5 ст. 291.1 УК РФ в случае, если имеет место посредничество во взяточничестве в незначительном размере, в силу закона не влекущее уголовной ответственности, которому предшествовали обещание или предложение посредничества во взяточничестве.

По нашему мнению, несмотря на то, что в ч. 5 ст. 291.1 УК РФ не установлено условие наступления ответственности в зависимости от размера суммы взятки, ответственность по указанной норме должна наступать только в случае, если размер взятки является не менее чем значительным.

Таким образом, на сегодняшний день ч. 5 ст. 291.1 УК РФ не лишена коллизий и недостатков. Представляется наиболее верным внести изменения в статью 291.1 УК РФ, при этом установив в части 1 указанной статьи ответственность за обещание или предложение посредничества во взяточничестве, в части 2 – за простое посредничество во взяточничестве, в части 3 – за посредничество во взяточничество, совершенное в значительном размере и т.д.

Список литературы

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции : федеральный закон от 4 мая 2011 г. № 97-ФЗ : [по состоянию на 04.06.2014)] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. №19. Ст. 2714.

2. Яни П. Посредничество во взяточничестве // Законность. 2011. № 9. С. 12-18.

3. Приговор Центрального районного суда г. Тольятти Самарской области от 01.11.2012 года // Росправосудие [Электронный ресурс]: URL : https://rospravosudie.com/court-centralnyj-rajonnyj-sud-g-tolyatti-samarskaya-oblast-s/act-107090224/ (Дата обращения – 09.03.2016).

4. Приговор Баймакского районного суда Республики Башкортостан от 19 марта 2012 // Росправосудие [Электронный ресурс]: URL : https://rospravosudie.com/court-bajmakskij-rajonnyj-sud-respublika-bashkortostan-s/act-104537605/ (Дата обращения – 09.03.2016).

5. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции : проект Федерального закона N 502299-5 : [ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 16.02.2011] // Консультант Плюс: справочная правовая система.

6. Там же.

7. По проекту Федерального закона № 502299-5 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции» : заключение Правового управления Аппарата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 03.03.2011 г. №2.2-1/650 // официальный сайт Государственной Думы. URL : http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=502299-5&02 (Дата обращения: 13.03.2016).

8. Таблица поправок № 1, рекомендуемых Комитетом Государственной Думы по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству к принятию // официальный сайт Государственной Думы. URL : http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=502299-5&02 (Дата обращения: 13.03.2016).

9. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции : федеральный закон от 4 мая 2011 г. № 97-ФЗ : [по состоянию на 04.06.2014)] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. №19. Ст. 2714.

10. Приговор Видновского городского суда Московской области от 16 мая 2012 года // Росправосудие [Электронный ресурс]: URL : https://rospravosudie.com/court-vidnovskij-gorodskoj-sud-moskovskaya-oblast-s/act-106436985/ (Дата обращения: 09.03.2016).

11. Гарбатович Д. Посредничество во взяточничестве: преобразованный вид пособничества // Уголовное право. 2011. N 5. С. 4-8. Калатози Д.Г. Посредничество во взяточничестве: проблемы теории и правоприменения // Политика, государство и право. 2012. № 8 [Электронный ресурс]. URL: http://politika.snauka.ru/2012/08/475 (дата обращения: 09.03.2016).

УДК 343.6

УГОЛОВНО – ПРАВОВАЯ ОХРАНА ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА ПО УГОЛОВНОМУ КОДЕКСУ РФ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Заикина О.А.
научный руководитель канд. юрид. наук Долголенко Т.В.
Сибирский федеральный университет

Одной из проблем в науке уголовного права является вопрос о законодательном закреплении момента начала уголовно – правовой охраны жизни и права на жизнь еще не родившегося ребенка.

Федеральный закон «Об охране здоровья граждан РФ»[1] в ч.1 ст.53 гласит, что моментом рождения ребенка является момент отделения плода от организма матери посредством родов. Соответственно, право на жизнь каждого человека возникает с момента его рождения в силу прямого указания на это ст.17 Конституции РФ, которая гласит: «основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения».

Однако в медицинской науке уже не вызывает сомнений тот факт, что даже на ранних сроках беременности организм ребенка уже становится отдельным организмом, пусть пока и зависимым от организма матери. В связи с этим предлагается определять момент начала жизни ребенка не с момента его рождения, а непосредственно с момента зачатия. Например, Вертепова Т.А. считает, что с точек зрения медицины и эмбриологии «человек как биологический индивидуум образуется сразу после слияния родительских половых клеток, когда образуется неповторимый набор генов»[2]. Такого же мнения придерживается и большинство ученых – эмбриологов.

Некоторые авторы придерживаются позиции[3], согласно которой эмбрион достоин абсолютной защиты после четырнадцатого дня развития, так как до этого срока он сформирован клеточными слоями, представляющими собой зародышевые оболочки - материал, не участвующий в дальнейшем построении эмбриона[4]. Такого же мнения придерживается и Руководящий комитет по биоэтике Совета Европы, который в докладе Рабочей группы по защите эмбриона и плода человека подтвердил, что именно после четырнадцатого дня «появляется возможность говорить об уникальном человеческом существе»[5].

Как мы видим, единства мнений по данной проблеме в российском законодательстве нет. Обратимся к зарубежному законодательству.

Некоторые зарубежные государства активно пропагандируют политику защиты эмбриона (плода) человека. Так, ст. 40 Конституции Ирландии провозглашает: «государство признает право на жизнь нерожденного…[6]». В разделе шестнадцатом УК ФРГ, посвященном ответственности за преступные деяния против жизни, имеется семь статей, предусматривающих положения, связанные с нарушением правил

---

[1] Об основах охраны здоровья граждан РФ [Электронный ресурс]: федер. закон от 21.11.2011 N 323-ФЗ (в ред. от 29.12.2015) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru.
[2] Вертепова, Т.А. К вопросу об уголовно – правовой охране человеческого эмбриона/ Т.А. Вертепова // Общество и право. – 2014. - №4. – С.91.
[3] Перевозчикова, Е.В., Панкратова, Е.А. Конституционное право на жизнь и правовой статус эмбриона человека / Е.В.Перевозчикова, Е.А.Панкратова // Медицинское право. – 2006. - №2.
[4] Report by Working Party on the Protection of the Hyman Embryo and Fetus. Steering committee on bioethics of Council of Europe. Strasbourg, 19 June 2003 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.coe.int/Bioethics.
[5] Доклад Рабочей группы по защите эмбриона и плода человека Руководящего комитета по биоэтике Совета Европы. Режим доступа: https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=09000016803113e8
[6] Конституции государств Европы в 3 т. Т. 1. М., - 2001. С. 752.

прерывания беременности, и только пять, устанавливающих ответственность за убийство. В § 219 УК Германии отмечается: «женщина должна сознавать, что ***еще не родившийся человек в каждой стадии беременности имеет собственное право на жизнь»***. С 2000 г. во Франции жизнь человеческого эмбриона должна охраняться с момента первых признаков ее проявления[7]. А в Австралии вообще имеет место принцип, согласно которому эмбрион обладает правом подать иск о возмещении вреда, причиненного ему по неосторожности в период его внутриутробного развития[8]. В ч. 1 статьи 4 Американской конвенции прав человека декларируется, что жизнь начинается в момент зачатия: «каждый человек имеет право на уважение его жизни. Это право охраняется законом, в целом - с момента зачатия». В 2004 г. президент США Джордж Буш подписал так называемый «Акт о нерожденных жертвах насилия» — закон, расширяющий права нерожденных детей. Данный закон считает уголовным преступлением нанесение вреда утробному плоду при нападении на беременную женщину. Объясняя свое решение, президент США пояснил, что часто жертвами преступления против беременной женщины становятся и их нерожденные дети, соответственно преступник должен нести ответственность за два преступления.

Анализ правоприменительной практики позволяет сделать вывод о том, что в настоящее время судами не учитывается вред, нанесенный ребенку в утробе при покушении на убийство его матери. Так, из материалов дела в апелляционном определении Московского городского суда от 10 июня 2015 г. по делу N 10-7402/2015 следует, что на потерпевшую напал ее сожитель и нанес ей удар кухонным ножом в правую подвздошную область, в результате чего причинил ей телесные повреждения в виде колото-резаного ранения правой подвздошной области, проникающего в брюшную полость, с проникающим ранением беременной матки, ранениями лица и левого плеча плода, в результате чего потерпевшей в медицинском учреждении был выставлен диагноз "Роды III, преждевременные, операция в сроке 29 - 30 нед. Проникающее колото-резаное ранение брюшной полости с проникающим ранением матки и ранением плода. Гемоперитонеум. Постгеморрагическая анемия. Миома матки". Данное деяние было квалифицировано по ч.3 ст.30 и п. «г» ч.2 ст.105 УК РФ, то есть как покушение на убийство беременной женщины. Примечательно то, что в данном случае ребенок родился жизнеспособным, однако при нападении на его мать ему были нанесены серьезные увечья, в результате чего ребенок родился с патологией. Данное обстоятельство не было учтено судом при вынесении приговора, что указывает на необоснованное единообразие правоприменительной практики как при причинении смерти или вреда здоровью (в случае покушения) только беременной женщине, так и при причинении вреда здоровью или причинению смерти ее уже жизнеспособному ребенку, пусть и находящемуся еще в утробе матери.

Таким образом, вышеприведенные суждения позволяют нам прийти к выводу о том, что важнейшей проблемой является детализация правового статуса эмбриона и плода человека. Анализ медицинского законодательства и изучение морально - этической стороны вопроса позволяет нам утверждать, что все же жизнь человеческого существа, должна охраняться на самых ранних этапах своего развития. Следует учесть опыт зарубежного законодательства и закрепить право каждого на жизнь с момента зачатия.

[7] Сэнт-Роз Ж. Право и жизнь / Сэнт – Роз Ж. // Вестник Московского университета. Право. - 2003. - № 6. С. 57.
[8] Mason & McCall Smith Law and Medical Ethics. Butterworths. London, Edinburg, Dublin, 1999. P. 125-137.

Список литературы

1. Об основах охраны здоровья граждан РФ [Электронный ресурс]: федер. закон от 21.11.2011 N 323-ФЗ (в ред. от 29.12.2015) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru.
2. Доклад Рабочей группы руководящего комитета по биоэтике Совета Европы по защите эмбриона и плода человека [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=09000016803113e8
3. Вертепова, Т.А. К вопросу об уголовно – правовой охране человеческого эмбриона/ Т.А. Вертепова // Общество и право. – 2014. - №4. – С.91.
4. Дядюн, К. В. Квалификация убийства женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности / К.В Дядюн // Уголовное право. - 2011. - № 3.
5. Коробеев, А.И. Полный курс уголовного права: в 5 т. / А.И. Коробеев. - СПб.: Юрид. центр Пресс, 2008. - 680 с.
6. Курило, Л.Ф. Развитие эмбриона человека и некоторые морально-этические проблемы методов вспомогательной репродукции / Л.Ф. Курило// Проблемы репродукции. –1998. – № 3.
7. Перевозчикова, Е.В., Панкратова, Е.А. Конституционное право на жизнь и правовой статус эмбриона человека / Е.В.Перевозчикова, Е.А.Панкратова // Медицинское право. – 2006. - №2.
8. Порсев, А. Г. Уголовно-правовая охрана: Начало / А.Г. Порсев //Актуальные вопросы юридических наук: материалы междунар. науч. конф. (г. Челябинск, ноябрь 2012 г.). — Челябинск: Два комсомольца, 2012. — С. 87-89.
9. Шарапов, Р. Д Начало уголовно-правовой охраны жизни человека: опыт юридического анализа / Р.Д. Шарапов // Уголовное право. - 2005. - № 1. - С. 76
10. Шарапов, Р. Д. Уголовно-правовое значение юридического определения момента рождения ребенка / Р.Д. Шарапов // Уголовное право. - 2012. - № 3. - С. 76-77.

УДК 343.611.1

УБИЙСТВО ЛИЦА, ЗАВЕДОМО ДЛЯ ВИНОВНОГО НАХОДЯЩЕГОСЯ В БЕСПОМОЩНОМ СОСТОЯНИИ: ПРОТИВОРЕЧИЯ В НАУКЕ И ПРАКТИКЕ

Зарукин К.С.
научный руководитель ассистент кафедры уголовного права Темеров Е.Н.
Сибирский федеральный университет

Применение квалифицирующего признака «беспомощное состояние» на данном этапе действия уголовного законодательства до сих пор не является однозначным вопросом, однако имеющее более менее одинаковый подход в правоприменительной практике, но множество вариантов решения в науке уголовного права. Почему же ученые до сих пор не сошлись в едином мнении по разным вопросам в рамках применения данного квалифицирующего признака и почему существует необходимость внести изменения по этому вопросу как в Уголовный кодекс РФ, так и в Постановление Пленума Верховного Суда «О судебной практике по делам об убийстве»?

Понятие беспомощности

Конструировать научное понятие беспомощного состояния без понимания причины отягчающего значения данного признака, которое позволяет отнести его в разряд квалифицирующих обстоятельств убийства, представляется опрометчивым. В этом случае речь следует вести о характере и степени общественной опасности убийства беспомощного. Степень общественной опасности в рамках объекта убийства (жизни другого человека) будет измеряться следующими показателями:

- особенностью потерпевшего (его беспомощное состояние);
- характеристикой субъективной стороны данного деяния (осознанием того, что лицо находилось в беспомощном состоянии, и что в силу этого не могло оказывать активное сопротивление).

Следовательно, повышенная общественная опасность данного вида убийства обусловлена тем, что преступник, осознавая, что жертва в силу своей беспомощности не может ему сопротивляться, и понимая, что в силу этого совершение преступления будет значительно облегчено, чем если то же лицо было бы в состоянии оказать активное сопротивление, все равно совершает убийство особо уязвимого человека, проявляя тем самым особое хладнокровие в своих действиях (вопрос о том, считать ли это особой жестокостью лежит за рамками исследования).

Субъективная сторона

Л.В. Иногамова-Хегай пишет: «Беспомощное состояние потерпевшего возникает до убийства, помимо воли виновного, который только использует его для причинения смерти. Если же виновный сам приводит его в беспомощное состояние, чтобы облегчить достижение преступного результата, то квалификация убийства по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ не проводится» [5, с. 243]. Следует ли из данного положения, что умысел на убийство такого лица должен возникнуть только после того, как оно стало беспомощным?

Т. В. Долголенко указывает в качестве обязательного признака данного квалифицирующего обстоятельства как раз то, что «*умысел на убийство* такого лица *возник после того, как оно оказалось в беспомощном состоянии*», однако, справедливым ли будет не квалифицировать деяние по данному признаку, если преступник давно вынашивал план по убийству определенного лица, но в силу того, что боялся получить сопротивление не мог рисковать, а после того, как лицо стало беспомощным по независящим от него обстоятельствам его умысел укрепился

настолько, что это сподвигло его к активным действиям по реализации непосредственно действий направленных на убийство [3, с. 68]?

А вообще, имеет ли смысл указывать, когда возник умысел на убийство беспомощного: до того как лицо стало таковым или после? Целесообразным скорее представляется указать лишь то, что лицо до выполнения объективной стороны убийства осознало факт беспомощности жертвы, ведь законодатель конкретно указал на такой признак как «заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии», что также означает по замечанию профессора В.С. Комиссарова очевидность, несомненность и бесспорность осознания преступником факта беспомощности лица, из чего следует возможность совершения такой формы убийства лишь с прямым умыслом [4, с. 146].

Исходя из этого видится сомнительным приговор Московского городского суда от 12 января 2004 года, в котором действия двух лиц, совершивших террористический акт и по совокупности еще несколько преступлений, были также квалифицированы по п. «в» ч. 2, ст. 105 УК РФ. «В результате взрыва от воздействия разрушенных конструкций здания, осколков разбитого стекла, возникшего пожара и задымления, ударной и звуковой волн взрыва, вторичных снарядов – предметов обстановки квартир, в которых находились пострадавшие в момент взрыва, и от других, связанных со взрывом, травмирующих факторов погибли находившиеся в тот момент в беспомощном состоянии – в состоянии сна и в болезненном состоянии граждане преклонного и малолетнего возрастов, в доме № 19 по ул. Гурьянова» [8]. Если учитывать, что сами по себе террористические действия направлены на дестабилизацию деятельности органов власти или международных организаций либо воздействие на принятие ими решений, а также имеют своим объектом общественную безопасность, то человеческая жизнь здесь может являться лишь дополнительным объектом при том, что террористам совершенно не важно состояние конкретной личности, на которую помимо основного объекта совершается посягательство, что означает безразличие террористов при совершении взрывов к физическому или психическому состоянию человека, более того, когда террористы совершали взрыв дома, они явно не знали, сколько точно человек находится в беспомощном состоянии и в каком именно, а данное обстоятельство является важным, потому что Пленум Верховного Суда РФ однозначно указывает на заведомость для виновного беспомощного состояния потерпевшего, которая предполагает конкретное и безоговорочное осознание преступником данного факта, а исходя из материалов дела можно сделать вывод, что возможность наличия в доме неизвестного количества беспомощных лиц означает лишь предположение абстрактной возможности убийства лиц, находящихся в беспомощном состоянии в материалах дела не сказано о желании воспользоваться беспомощным состоянием указанных лиц что, в свою очередь, означает, что данный признак не может быть вменен осужденным [7].

Является ли сон и сильное алкогольное и наркотическое опьянение беспомощным состоянием?

Уже достаточно давно, примерно с начала 2000-х годов судебная практика придерживается строгой позиции непризнания состояния сна, состояния сильного алкогольного или наркотического опьянения беспомощным состоянием, однако в докладе судьи Г.В. Каневской на совещании судей Тверской области по итогам работы за первое полугодие 2010 года было указано следующее: «Под другим беззащитным или беспомощным лицом следует понимать потерпевшего, уязвимое состояние которого (с точки зрения возможности защиты своих интересов от преступника) не охватывается понятиями беременной женщиной, малолетнего, зависимого лица. К ним можно отнести, например, лиц, которые не могут оказать преступнику сопротивления в

силу своей старости, болезни, инвалидности, нахождения в состоянии сна, опьянения, гипноза и т.д.» [6]. Вышесказанное свидетельствует лишь о до сих пор несложившемся едином понимании такого признака как «беспомощное состояние», что требует законодательных уточнений или более подробного разъяснения от Пленума Верховного Суда РФ.

Основным аргументом ученых, не признающих состояние сна беспомощностью является приведение примера, в котором они задают стройный риторический вопрос: «если бы виновный разбудил жертву, перед тем как убить ее, разве это деяние не было бы более тяжким, чем убийство во сне?» [2, с. 43].

Во-первых, ни в Уголовном кодексе РФ, ни в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ не указано на то, что дабы признать убийство совершенным в отношении беспомощного лица, необходимо, чтобы оно испытывало особые страдания в связи с невозможностью оказать активное сопротивление [1] [7];

Во-вторых, данная ситуация при определенных условиях (особенностях объективной стороны и осознания преступником признака особой жестокости) может быть квалифицирована вообще по п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ, поскольку обычно лицо, которое желает причинить смерть, не усложняет себе задачу и не будит жертву только если не желает причинить ей особые страдания;

И, в-третьих, если мы подходим к вопросу исключительно с субъективной позиции, то видим, что убийство лица в состоянии сна совершить легче, но данный факт указывает нам как раз таки на особую расчетливость преступника и на отсутствие человеческой жалости к жертве.

Та же ситуация и с состоянием алкогольного или наркотического опьянения. Опять же, никакой аргументации в пользу непризнания этих состояний беспомощностью не следует, а ведь в подобном состоянии в зависимости от силы действия вещества, особенностей организма потерпевшего, человек может терять одновременно и способность оказывать активное сопротивление виновному и осознавать окружающую действительность.

Повод задуматься дает также неясная квалификация действий Эдуарда Ульмана и его боевых товарищей, по делу которого Северо-Кавказский окружной военный суд в конечном счете на третьем судебном процессе по его делу (предыдущие два оканчивались оправдательными приговорами присяжных) заочно вынес обвинительный приговор [9]. Разведывательная группа специального назначения (РГ СпН) командиром которой был Эдуард Ульман, участвовавшая в комплексной совместной операции на территории Чеченской Республики, расстреляла автомобиль с гражданскими после отказа водителя на требование остановить транспортное средство. В конечном счете было установлено, что лица в автомобиле не являются членами НВФ для поимки которых операция и организовывалась. После приказа сверху группа под командованием Ульмана, предварительно договорившись, отвела группу задержанных лиц, среди которых уже имелись двое раненых и женщина, неспособные оказать активного сопротивления, воспользовавшись беспомощным состоянием (как указывает суд) последних расстреляли их в спину после того как сказали им, что они свободны и те пошли к автомобилю. Из расплывчатой судебной формулировки обстоятельств дела, не ясно, что в данном случае имел в виду, говоря о беспомощном состоянии потерпевших. Говорил ли он о состоянии беспомощных применительно ко всем жертвам, либо к двум раненым и женщине, либо он говорил об особом психическом состоянии всех потерпевших?. Если рассматривать первый случай, то как известно, приведение в беспомощное состояние в ходе совершения убийства не является основанием для квалификации деяния по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, но вот если рассматривать второй случай, то вполне стоит задуматься о признании подчинения

военнослужащим беспомощным состоянием. Постановление Верховного Суда РФ «О практике по делам об убийстве» четко оговаривает, что лицом, находящимся в беспомощном состоянии признается человек, который в силу физического или психического состояния не способен оказать активного сопротивления посягающему лицу. Проблема в том, что понимать под таким психическим состоянием. Можно трактовать данный признак как расширительно, так и ограничительно. В первом случае как состояние подавленной воли жертвы, в связи с тем, что их гражданская обязанность состоит в подчинении военнослужащим при проведении специальных операций, а во втором – не вменять данный признак и ограничиваться признанием психической беспомощности только определенной степени психического расстройства жертвы.

В итоге все проблемы признания состояния беспомощным производны от определения на практике реальных возможностей потерпевшего оказать сопротивление и от действительного осознания виновным беспомощности первого. Правоприменитель стараясь облегчить себе задачу по установлению фактических обстоятельств дела, по их доказыванию, очень легко берет и «отметает» сон, алкогольное и наркотическое опьянение как беспомощное состояние, тем самым облегчает себе работу, но поощряет тем самым более наглое и более жестокое и расчетливое преступное поведение в отношении данных категорий.

Список литературы

1. УК РФ 1996 года // СПС «КонсультантПлюс».
2. Алауханов Е.О. Криминология. Учебник. СПб.: Юридический Пресс Центр. 2013. – 429 с.
3. Дементьев С.И. Понятие беспомощного и бессознательного состояния // Российская юстиция. 1999. №1. – 87 с.
4. Долголенко Т.В. Преступления против жизни и здоровья: Учебное пособие. – Проспект, 2015. – 235 с.
5. Российское уголовное право. Особенная часть: Учебник для вузов / Под ред. доктора юридических наук, профессора В.С. Комиссарова. – СПб.: Питер, 2008. – 720 с.
6. Уголовное право. Особенная часть: Учебник. Издание второе исправленное и дополненное / Под ред. доктора юридических наук, профессора Л.В. Иногамовой-Хегай, доктора юридических наук, профессора А.И. Рарога, доктора юридических наук, профессора А.И. Чучаева. – М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ»: ИНФРА- М, 2008. – 800 с.
7. Доклад судьи Тверского областного суда Г.В.Каневской на Совещании судей Тверской области по итогам работы за 1-е полугодие 2010 года – «Назначение наказания. Общие начала. Особенная часть Уголовного кодекса Российской Федерации» (часть 1)
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ №1 от 27.01.1999 «О судебной практике по делам об убийстве (ст.105 УК РФ)».
9. Приговор Московского городского суда по делу А. Деккушева и Ю. Крымшамхалова от 12 января 2004.
10. Приговор Северо-Кавказского окружного военного суда по делу Э. Ульмана от 14 июня 2007.

УДК 343.281

ВОПРОС О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ УСЛОВНОГО ОСУЖДЕНИЯ

Ильин В.С.
научный руководитель канд. юрид. наук. Питецкий В.В.
Сибирский федеральный университет

Верное представление о правовой природе того или иного правового института имеет как теоретическое так и практическое значение. Условное осуждение не является исключением из этого правила, однако уже не один десяток лет в юридической науке не сложилось его общепринятого понимания. Сказанное приводит к тому, что эффективное применение и совершенствование этого уголовно-правового института крайне затруднительно. Исходя из того, что нормы об условном осуждении закреплены в ст. ст. 73, 74 УК РФ главы 10 «Назначение наказания», можно судить о том, что законодатель относится к условному осуждению как к особому порядку назначения наказания. Однако в литературе популярны иные точки зрения.

Одни исследователи сравнивают условное осуждение с наказанием в виде ограничения свободы, отмечая их однотипное карательное содержание[1]. Российский юрист А.А. Пионтковский разделял мнение о том, что по своей сути условное осуждение есть наказание, указывая на полное совпадение их черт. Он высказывался об условном осуждении как о пригодной мере улучшения карательного механизма[2]. Согласные с ним ученые также отмечают, что условное осуждение нельзя считать ничем иным кроме как наказанием[3], поскольку оно обладает всеми его признаками.

Другие юристы полагают, что условное осуждение является институтом освобождения от уголовного наказания. Сущность условного осуждения заключается в неприменении к осужденному судом наказания, из чего делают вывод о необходимости закрепления этого института в 12 главе УК РФ «Освобождение от наказания»[4]. Такое видение природы условного осуждения обосновывают тем, что, согласно ст. 73 УК РФ, суд назначает лицу конкретное наказание, но постановляет считать его условным, то есть не применять его вообще под условием того, что в течение испытательного срока осужденный будет исполнять возложенные на него судом обязанности.

Также существует представление об условном осуждении как о самостоятельном виде уголовно-правового воздействия[5]. Цанева А.Н., исследовав историю становления условного осуждения в России, обращает внимание на его сложносоставность и называет его «специфическим уголовно-правовым средством»[6]. В самом деле, неоправданно отрицать то, что условному осуждению присущи элементы наказания и института освобождения от наказания.

Щедрин Н.В. и Речицкий А.Е., проведя историко-правовое исследование, выявили, что в разное время условное осуждение имело разную правовую природу. С момента введения и до настоящего времени условное осуждение не единожды трансформировалось в иной институт уголовного права и состоит из мер наказания, поощрения, безопасности и восстановления[7]. Из всего разнообразия взглядов на правовую природу условного осуждения вышеуказанное мнение является предпочтительным.

Мера наказания заключается в том, что суд приходит к выводу о виновности лица в преступлении и осуждении его к одному из видов наказания перечисленных в ч. 1 ст. 73 УК РФ. Условно осужденный является судимым, что влечет целый ряд правоограничений. Кроме основного наказания условно осужденному суд вправе назначить дополнительные наказания. Частями 3, 4, 5 ст. 74 УК РФ предусматривается возможность отмены условного осуждения и постановления о реальном исполнении

назначенного наказания. Тем самым угроза применения наказания является неотъемлемой частью условного осуждения.

Мера поощрения, одобряемое поведение лица выражается в перспективе освобождения условно осужденного от уголовного наказания и судимости, если тот возместил вред, не совершил новых преступлений и выполнил возложенные на него судом обязанности и ограничения во время испытательного срока. Данная перспектива становится возможной согласно ч. 1 ст. 74 УК РФ.

Испытательный срок является мерой безопасности при условном осуждении. Согласно ч. 3 ст. 73 УК РФ суд устанавливает испытательный срок, в течение которого условно осужденный должен своим поведением доказать свое исправление. Мера безопасности обеспечивается обременением условно осужденного дополнительными ограничениями и обязанностями на время испытательного срока, в выборе которых суд свободен согласно ч. 5 ст. 73 УК РФ, а также контроль над ним уголовно-исполнительной инспекцией, согласно ст. 188 УИК РФ.

И, наконец, восстановительной мерой является возмещение вреда, причиненного преступлением, в размере определяемом судом.

Таким образом, рассматривая условное осуждение как сложный комплекс элементов, свойственных другим институтам уголовного права, следует вывод о том, что по своей правовой природе оно является особым средством уголовно-правового воздействия. Следовательно, по нашему мнению, нормы об условном осуждении в современном виде должны располагаться в разделе VI «Иные меры уголовно-правового характера» в соответствующей главе «Условное осуждение».

Список литературы

1. Дядькин Д.С. Конкуренция норм о назначении наказания в виде ограничения свободы с нормами об условном осуждении // Уголовное право. №3. 2010. С. 34.

2. Мананников. Д.Ю. О становлении института условного осуждения в уголовном праве // Режим доступа: http://ex-jure.ru/law/news.php?newsid=722

3. Курс уголовного права. Т. 2. Общая часть: учение о наказании. [Электронный ресурс] Под ред. Кузнецовой Н.Ф., Тяжовой И.М. М., 2002. Режим доступа – http://textbooks.global

4. Михайлов К.В. О понятии и правовой природе условного осуждения // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: http://www.consultant.ru.

5. Губайдуллина Э.М. Условное осуждение и наказание: сравнительный анализ // Учебные записки Казанского государственного университета. Выпуск 4, том № 152. – режим доступа: http://cyberleninka.ru/article/n/uslovnoe-osuzhdenie-i-nakazanie-sravnitelnyy-analiz

6. Цанева А.Н. О юридической природе института условного осуждения в Российской Федерации // Общество: политика, экономика, право. 2012, №2. С. 127.

7. Щедрин Н.В., Речицкий А. О комплексном характере условного осуждения // Уголовное право. 2009, №5. С 104.

УДК 343.35

ПРИЗНАНИЕ ЭЛЕКТРОННОГО ДОКУМЕНТА В КАЧЕСТВЕ ПРЕДМЕТА СЛУЖЕБНОГО ПОДЛОГА

Илюшенко Ю.Н.
научный руководитель канд. юрид. наук Мирончик А.С.
Сибирский федеральный университет

В настоящее время в УК и в судебной практике не прослеживается единого толкования понятия «официальный документ» как предмета преступления. Анализ положений ФЗ от 29.12.1994 №77-ФЗ «Об обязательном экземпляре документов», постановления Пленума ВС РФ от 09.07.2013 №24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» позволяет выделить признаки, присущие официальным документам, выступающим в качестве предмета служебного подлога: субъект издания, содержание официального документа, наличие необходимых реквизитов.

Традиционно документ отражается в сознании человека в виде бумажного носителя, на котором зафиксирована юридически значимая информация, однако стремительное развитие информационных технологий ведет к тому, что все чаще бумажные носители информации заменяются электронными. В связи с этим одним из самых актуальных является вопрос о том, какие признаки позволяют выделить электронный документ как официальный из числа других электронных документов.

Помимо традиционных признаков официального документа, электронный документ отличает наличие особого реквизита – удостоверение уполномоченным лицом, совершенное посредством электронной подписи. Исходя из смысла ст. 2 ФЗ от 27.07.2006 №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», под электронным документом понимается электронное сообщение, подписанное электронной цифровой подписью или иным аналогом собственноручной подписи. Судебная практика тоже идет по пути признания документов, подписанных электронной подписью в качестве официальных[9]. В то же время в теории существует иная точка зрения. Так, С.П. Ворожбит считает, что поскольку электронный документ уже удостоверяет существующий юридический факт, отсутствие реквизитов не умаляет статуса документа как официального[2].

Представляется верной позиция законодателя, поскольку наличие подписи, независимо от её вида, в качестве реквизита является одним из обязательных признаков официального документа.

Не менее актуальным является вопрос признания в качестве официального электронного документа, который содержит в себе лишь сведения информационного характера. А.П. Кузнецов полагает, что официальные регистрационные книги удостоверяют определенные события и факты, следовательно, являются официальными документами[5]. Позиция ВС РФ по данному вопросу иная – посягательство на документы подобного рода не может носить общественно-опасного характера, потому что им не присущи признаки официальности. Полагаем, что точка зрения А. П. Кузнецова более приемлема в настоящее время. Внесение заведомо ложных сведений в документы, заполнение которых признано обязательным, может нанести ущерб деятельности органа, ведь они выполняют какую-либо функцию, необходимую для нормальной деятельности органа.

Актуальна проблема признания официальными электронных документов, исходящих от негосударственных органов, например, от нотариусов.

Исходя из смысла ст. 1 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате государство делегирует нотариусам полномочия для того, чтобы они осуществляли свою деятельность в общественных интересах от имени РФ – в этом смысле организация может признаваться субъектом издания официального документа. С другой стороны, следует проводить тщательный анализ содержания электронных документов и отличать их от документов, которые удостоверяют частноправовые отношения. Полагаем, что правильной представляется вторая позиция, ведь ст. 292 УК РФ расположена в гл. 30 УК РФ - преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления. Таким образом, уже только месторасположение статьи в структуре УК говорит о том, какие органы являются участниками правоотношений.

Неоднозначно решается вопрос о признании носителя информации в качестве электронного официального документа. В теории неоднократно высказывалась точка зрения, что предметом преступления является сам носитель электронного документа, который имеет реквизиты, позволяющие его идентифицировать. Существует точка зрения, что электронный документ – это последовательность символов, лишенная содержания, смысла, знания, человек лишь принимает участие в создании правил формирования и преобразования электронного документа[3]. Но оба этих подхода не нашли своего признания в связи с тем, что судами носитель информации признается только хранилищем, но не самим предметом. Считаем правильным согласиться с мнением судебных органов, о том, что материальный носитель информации по своей природе не является документом, следовательно, посягательство в отношении него невозможно.

Таким образом, в условиях постоянного развития информационных технологий, возрастает общественная опасность служебных преступлений, связанных с использованием официальных электронных документов. От правильного понимания природы электронного документа зависит признание того или иного деяния преступным, а также вид и размер наказания.

Список литературы

1. БВС РФ. - 2003. - №5. - С. 15 - 16.
2. Ворожбит, С.П. Электронные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08/Санкт-Петербург. - 2011. – 16 с.
3. Гадасин В. А.От документа – к электронному документу. Системные основы/В. А. Гадасин, В. А. Конявский. – Москва: РФК Имидж Лаб, 2001. – 192 с.
4. Зайцев П. Электронный документ как источник доказательств//Законность, 2002. – №4. – С. 43.
5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации/Л. Л. Кругликов [и др.].- Москва, 2005. – 1104 с. - С. 918.
6. Летников, П. Ю. Уголовная ответственность за подделку, изготовление или сбыт поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей, бланков: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08/Летников Павел Юрьевич - Красноярск, 2009. - 198 с.
7. Постников В. С. Уголовная ответственность за подделку, изготовление, сбыт и использование подложных документов, штампов, печатей, бланков/В. С. Постников/Автореф. дис. ... канд. юрид. наук.: 12.00.08 – Москва. - 1990. С. 56.
8. Приговор Нерюнгринского городского суда Республики Саха (Якутия) от 12.10.2014 по делу №1-324/2014.
9. Приговор Хабарского районного суда Алтайского края от 28.05.2015 по делу №1-38/2015.

УДК 343.33

ОБЪЕКТ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО Ч. 3 СТ. 354.1 УК РФ

Каримов М.А.
научный руководитель ст. преподаватель Москалев Г.Л.
Сибирский федеральный университет

5 мая 2014 года в раздел XII Уголовного кодекса Российской Федерации была внесена новая статья, предусматривающая ответственность за реабилитацию нацизма. В связи с появлением ч. 3 нового состава преступления возникла необходимость в толковании его объективных признаков. В виду того, что правоприменительная практика по данной норме еще не сложилась, необходимо определить более точно объект данного преступления, т.е. те общественные отношения, которые на самом деле претерпевают негативное воздействие, а также раскрыть содержание объективной стороны.

Диспозиция ч. 3 ст. 354.1 УК РФ гласит: «распространение выражающих явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества, а равно осквернение символов воинской славы России, которые совершены публично» [1].

Прежде чем определить объект рассматриваемого преступления, необходимо отметить, что оно весьма неудачно было помещено в раздел преступлений против мира и безопасности. Стоит отметить, что состояние мира – это отсутствие вооруженного конфликта между государствами. Распространение сведений и осквернение символов воинской славы в России не может привести к состоянию войны между странами. Данное преступление не может посягать и на безопасность человечества по той причине, что альтернативные деяния объективной стороны, установленные в ч. 3 ст. 354.1 УК РФ, применимые к российскому обществу не могут влиять негативным образом на состояние защищенности людей всего мира. Безопасность человечества будет нарушена, когда под угрозу поставлено развитие всего человечества, либо отдельных наций и народов [4]. Анализируя объективную сторону рассматриваемого преступления, можно увидеть отсутствие связи с гибелью человечества либо с угрозой гибели народов. Следовательно, необходимо поместить ст. 354.1 в другой раздел Особенной части УК РФ.

Так как это преступления посягает на интересы только российского общества, а именно на его материальные и духовные ценности, которые являются основными объектами безопасности и общественного порядка, то данный состав необходимо перенести в раздел IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка» [2]. Согласно словарю Ожегова, ценность - это то, что имеет важное значение. Полагаю, что символы воинской славы, памятные даты России, дни воинской славы являются как раз ценностью, потому что российское общество чтит и уважает их и придает им важное значение.

Необходимо также выделить предмет данного преступления. Под предметом преступления понимаются вещи материального мира, воздействуя на которые преступник нарушает общественные отношения, охраняемые уголовным законом. При этом, предметы имеют особый признак – они доступны для восприятия, фиксации, оценки [5]. Поэтому в рассматриваемой норме предметом преступления будут являться дни воинской славы, памятные даты, связанные с защитой Отечества, а также символы воинской славы России. Необходимо определить какие явления относятся к альтернативным предметам рассматриваемого преступления. Дни воинской славы и

памятные даты, связанные с защитой Отечества, закреплены в ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России [3]. Перечень этих дат и дней воинской славы является закрытым. Однако, если все дни воинской славы, указанные в ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России», могут рассматриваться как предмет преступления по ч. 3. ст. 354.1 УК РФ, так как в диспозиции данной уголовно-правовой нормы нет их конкретизации, то с памятными датами России ситуация несколько иная. В ч. 3. ст. 354.1 УК РФ законодатель говорит о памятных датах России, связанных именно с защитой Отечества, а в названном ФЗ этот перечень шире и включает все памятные даты России. Поэтому для исследуемой статьи не может, например, применяться дата 25 января – День российского студенчества, ввиду отсутствия связи с фактом защиты Отечества. Анализ ФЗ позволил сформулировать полный перечень дат, связанных с защитой Отечества: 15 февраля – день воинов-интернационалистов; 22 июня – день начала ВОВ; 2 сентября – день окончания Второй мировой войны; 29 июня – день партизан и подпольщиков; 1 августа - День памяти российских воинов, погибших в Первой мировой войне 1914 - 1918 годов; 3 декабря – День Неизвестного Солдата.

Законодательство не содержит перечня символов воинской славы России. Применимо к данной работе, под символом воинской славы понимается передаваемая, каким-либо знаком, условным обозначением сущность воинской славы России. Именно сущность воинской славы - определяющий признак данного понятия. Поэтому к символам воинской славы следует относить знаки, предметы, слова, условные обозначения, памятники, которые прямо или опосредованно связаны с воинской славой России. Исходя из изложенного, закрытый перечень таких символов вряд ли возможен. В этом случае необходимо ссылаться на специальные нормы. Таким образом, в перечень предметов преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 354.1 УК РФ, целесообразно включать только те символы воинской славы, которые регулируются законом. Связано это с тем, что право регулирует наиболее важные общественные отношения.

Список литературы

1. Уголовный Кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (редакция от 30.12.2015) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru.
2. Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности» от 28.12.2010 № 390-ФЗ (ред. от 05.10.2015) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru
3. Федеральный закон от 13.03.1995 №32-ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России» от 13.03.1995 № 32- ФЗ (ред. от 01.12.2014)
4. Егорова Н. А. Реабилитация нацизма: уголовно-правовой анализ // Криминологический журнал Байкальского государственного института экономики и права. 2015. № 3. С. 494 – 503
5. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: Учебник / А. И. Рарог. - Москва.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2003. – 738 с.

УДК 343.35

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ АЛГОРИТМОВ ПРИ КВАЛИФИКАЦИИ СЛУЖЕБНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Катраев А.А.
научный руководитель канд. юрид. наук Красноусов С.Д.
Сибирский федеральный университет

Квалификация служебных преступлений вызывает особую сложность, как в теории, так и в практике, в связи, с чем правоприменитель часто неверно трактует ту или иную норму УК РФ, что подтверждается наличием Постановлений пленума Верховного Суда Российской Федерации. В связи с этим встает вопрос о четком регулировании данной проблемы посредством использования такого механизма, как «Алгоритмитизация».

В толковом словаре С.И. Ожегова можно найти определение «Алгоритму» - это совокупность действий, правил для решения данной задачи [3]. Так же Н.А. Криницкий дает такое определение алгоритму: «Это правило, сформулированное на некотором языке и определяющее процесс переработки допустимых исходных данных в искомые результаты. Криницкий пишет, что алгоритмы характеризуются понятностью для исполнителя, массовостью, определенностью и детерминированностью [1]. Определим данные свойства, относительно квалификации служебных преступлений.

1. По поводу свойства понятности, можно сказать, что субъект квалификации преступлений, как исполнитель соответствующего правила, должен знать, каким образом его выполнять. Поскольку используются предложения языка уголовного закона, то речи о его общепонятности не идет. Свойство понятности алгоритма квалификации используется по отношению к специально подготовленному лицу (юристу) [2]. В нашем случае алгоритм квалификации служебных преступлений должен быть понятен, как юристам практикам, так и юристам теоретикам, в том числе алгоритм должен использоваться при обучении студентов.
2. Для одного и того же алгоритма квалификации преступлений можно брать различные исходные данные при их однотипности. Применимость к большому числу ситуаций (данных) называется массовостью алгоритма. Например, получение взятки может происходить, как в Краевой администрации, так и в местной администрации, и предметом взятки могут быть, как деньги, так и ценные бумаги. При прочих равных условиях на квалификацию это влияния не окажет. Отсюда следует, что алгоритм квалификации должен быть применим к большому числу различных вариантов исходных данных. Так же, свойство массовости характеризует и то, что алгоритмы должны быть сформулированы на определенном языке. Этот язык должен описывать исходные данные и искомые результаты. Для формулирования алгоритмов необходимо использовать юридический язык и в этом языке должен быть акцент на Уголовный закон. В.А. Никонов пишет, что такой язык - это язык уголовного закона (уголовно-правовой язык). Именно его следует использовать для описания данных и правил их преобразования. Предложения уголовно-правового языка, описывающие конкретные объекты (ситуации), считаются допустимыми, к чему и сводится свойство массовости [2].
3. Замена одного субъекта квалификации другим (как было сказано выше, субъект должен являться специально подготовленным лицом - юристом) не должна влиять на результат. Формулировка алгоритма правильна, когда она точно определяет все действия исполнителя. Это свойство именуется определенностью алгоритма. И. В.

Андреев пишет, что данное свойство не только обусловливает один и тот же результат при применении алгоритма к одним и тем же исходным данным, даже при смене субъекта квалификации, но и однозначно определяет действия, выполняемые на каждом шагу [4]. Заданность, в том числе и промежуточных результатов, называется детерминированностью алгоритма.

4. Здесь стоит поговорить еще об одном важном свойстве алгоритма, который Н.А. Криницкий не выделяет. Свойство результативного завершения алгоритмического процесса за определенное число шагов при решении практической задачи именуется реальной осуществимостью алгоритма.

Если с помощью алгоритма можно получить искомый результат, то говорят, что он применим к допустимым исходным данным. Если же результат получить нельзя, хотя исходные данные являются допустимыми, то алгоритм к ним неприменим. Количество шагов алгоритмического процесса количественно ограничено. Очень часто их число невелико, а содержание несложно. Отвлекаясь от временных затрат и использования других ресурсов, следует отметить, что алгоритм оканчивается после определенного числа шагов и на каждом из них нет препятствий для его выполнения. В этом выражается применимость алгоритма к исходным данным [4]. Обращаясь к квалификации служебных преступлений, нужно отметить, что необходимо создать такой алгоритм, который будет отвечать требованиям результативности, то есть обязательно должно привести к решению поставленной задачи. Здесь нужно свести к минимуму безрезультатность алгоритмического процесса.

Таким образом, можно дать свое определение алгоритму при квалификации служебных преступлений – это правило, сформулированное на языке уголовного закона, которое характеризуется понятностью для субъекта квалификации (юристы практики, юристы теоретики, студенты юридических ВУЗов), массовостью, определенностью и реальной осуществимостью, которое представляет собой процесс преобразования исходной уголовно-правовой информации (относящейся к служебным преступлениям) в искомый результат (конкретный состав служебного преступления).

Необходимо так же сказать, что при процессе квалификации служебных преступлений, субъект может столкнуться с рядом проблем, которые он даже может не осознавать. Во-первых, субъект может менять этапы и порядок квалификации, в то время когда алгоритм такого не допустит. Во-вторых, субъектом может быть пропущен тот или иной этап квалификации, шаги же алгоритмического процесса всегда осознаваемы. В-третьих, субъектом может быть упущена какая-либо деталь из исходной информации, в то время когда алгоритм позволяет учесть все необходимые детали.

Исходя из всего вышесказанного, необходимо выработать четкий алгоритм правовой оценки, конкурирующий составов служебных преступлений на основе анализа настоящего законодательства, судебной практики и научных статей.

Список литературы

1. Криницкий Н.А. Алгоритмы вокруг нас. - М.: Наука. 1984. - 224 с.
2. Никонов В.А. Научные основы квалификации преступлений (спецкурс): Учебное пособие. - Тюмень: Юридический институт МВД России, 1996. - 72 с.
3. Ожегов С.И.: Толковый словарь русского языка. М.: Оникс. 2008. – 736 с.
4. Теоретико-правовые основы квалификации преступлений. Дис…. канд. юрид. наук: 12.00.08 / Андреев И.В. - Тюмень, 2000. - 205 с.

УДК 343.347.2

К ВОПРОСУ О ДОСТИЖЕНИИ ЦЕЛЕЙ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ ПРИ ОСУЖДЕНИИ ПО Ч. 1-3 СТ. 122 УК РФ, А ТАКЖЕ ОБОСНОВАННОСТИ ЕЕ КРИМИНАЛИЗАЦИИ

Кирнос Д.М.
научный руководитель канд. юрид. наук Мирончик А.С.
Сибирский федеральный университет

Криминализация заражения ВИЧ-инфекцией, вызванная необходимостью предупреждения распространения венерических и инфекционных заболеваний, произошла еще в советский период[1]. Этот опыт был частично воспринят новым Уголовным кодексом РФ.

На сегодняшний день ст.122 УК РФ активно критикуется. Ученые выделяют следующие проблемы: неопределенность круга деяний, неопределенность момента заражения ВИЧ-инфекцией, не выявлено значение способа заражения, что считать добровольным согласием на заражение и другие проблемы[2]. Однако, на наш взгляд, наиболее актуальным является вопрос о достижении целей уголовного наказания при осуждении за данное преступление, и, соответственно, обоснованность криминализации деяния в условиях сложившейся эпидемиологической, социальной ситуации в стране.

В УК РФ выделяется три основные цели наказания: восстановление социальной справедливости, исправление осужденного, предупреждение совершения новых преступлений (ч.2 ст.43)[3].

Восстановление социальной справедливости понимается формально и проявляется в том, что наказание должно нейтрализовать возникшую социальную несправедливость, восстановить баланс общественных и государственных интересов в отношении содеянного и полученного за него[4]. Санкция ст.122 УК РФ предусматривает следующие виды наказаний в качестве основных: ограничение свободы, принудительные работы, арест, лишение свободы на определенный срок. Из предусмотренных видов наказаний применяется только первое и последнее, причем, самым распространенным наказанием является лишение свободы сроком от 6 месяцев до 2 лет с назначением условного осуждения[5]. В связи с чем возникает вопрос, восстанавливается ли социальная справедливость при применении указанных наказаний за это преступление? Законодатель установил, что по ч.1-2 ст.122 УК РФ преступление относится к категории средней тяжести, по ч.3 – к тяжким преступлениям. Это свидетельствует о его достаточно высокой общественной опасности, связанной с тем, что происходит посягательство на здоровье людей, данное заболевание неизлечимо, является серьезной угрозой всему мировому сообществу и т.д. Однако очевидно, что применяемые наказания не могут восстановить нарушенный баланс. Следовательно, достижение цели восстановления социальной справедливости в рамках ст.122 УК РФ невозможно.

Под исправлением осужденного понимается такое изменение в сознании преступника, в результате которого он становится безопасным членом общества[4]. К сожалению, достижение данной цели вовсе не представляется возможным. Это вызвано тем, что в лучшем случае, осуждение вызовет внутреннюю стигматизацию, т.е. самоотвержение[6]. Зачастую ВИЧ-положительные лица из-за возникающей дискриминации существенно ограничивают себя (например, отказываются от рождения детей, продолжения половой жизни)[7]. А в худшем случае – вовсе не изменяют своего поведения. Оба варианта свидетельствуют об отсутствии исправления. Здесь же

возникает и другой вопрос: можно ли вообще исправиться при осуждении за данное преступление, учитывая то обстоятельство, что эта норма изначально вводилась для предупреждения распространения заболевания, а реализация цели ее введения обеспечивалась уголовной ответственностью за уклонение от лечения, а также обширными полномочиями милиции и органов здравоохранения[8]? Представляется, что сама цель введения ответственности за заражение ВИЧ-инфекцией не предполагает исправление.

Предупреждение совершения новых преступлений понимается в двух аспектах: специальное предупреждение, заключающееся в ограничении физической возможности совершить новое преступление; общее предупреждение, направленное на неопределенный круг лиц и заключающееся в осознании неотвратимости наказания[4]. Анализ практики применения статьи свидетельствует о том, что специальная превенция не осуществляется, т.к. самым распространенным наказанием за данное преступление является лишение свободы на определенный срок (варьируется от 6 месяцев до 2 лет) при установлении условного осуждения[5], что не может ограничить физическую возможность совершения новых преступлений, т.к. ограничения, накладываемые на преступника, заключаются лишь в ограничении свободы передвижения (например, запрет покидать муниципальное образование).

Что касается общей превенции, то здесь следует отметить следующее: уголовная ответственность в первую очередь должна оценивать деяние, а не лицо, однако в рамках ст.122 УК РФ ключевую роль играет именно личность преступника, которая обязательно должна быть ВИЧ-положительной и знать об этом. Данное обстоятельство формирует негативное отношение не столько к деянию, сколько к самому ВИЧ-положительному лицу. Кроме того, тот факт, что привлекают к уголовной ответственности и наказанию только лиц, знающих о наличии у них ВИЧ-инфекции, стимулирует отказ от обращения в органы здравоохранения при наличии подозрений о заражении, чтобы избежать привлечения к ответственности. Таким образом, сложно говорить о том, что в обществе формируется представление о неотвратимости наказания.

В связи с тем, что путем осуждения по ст.122 УК РФ цели уголовного наказания не достигаются, возникает вопрос об обоснованности криминализации подобных деяний вообще. Международные правозащитные организации активно критикуют подобные законы в связи с тем, что из-за криминализации формируется негативная культура порицания, а не соучастия[6]. Происходит искусственное выделение ВИЧ-положительных лиц в группу потенциально опасных только из-за наличия вируса, снижается интерес к собственному ВИЧ-статусу из-за наличия признака заведомости в составе, происходит сильная стигматизация общественного сознания и сознания ВИЧ-положительных лиц, инфицированные лица не стремятся открыто говорить о своем статусе, в обществе укореняется представление о том, что есть «Мы – ВИЧ-отрицательные люди» и «Они», укрепляющее стигму и порождающее дискриминацию, которые свидетельствуют о нарушении прав и свобод ВИЧ-инфицированных и т.д.[9].

Данные аргументы не являются беспочвенными. Изначально введение ст.122 УК РФ было попыткой предотвращения, профилактики распространения ВИЧ-инфекции. Однако статистические данные говорят об обратном. За последние два года количество ВИЧ-инфицированных россиян только возросло: по состоянию на 31.12.2014 в РФ зарегистрировано 907.607 ВИЧ-инфицированных лиц[10], а по состоянию на 31.12.2015 – 1.006.388 человек[11], что свидетельствует об ухудшении эпидемиологической ситуации в стране, сохранении высокого уровня заболеваемости ВИЧ.

Обратимся к основаниям криминализации любого деяния. Наиболее значимыми из них являются:

- Общественная опасность: в действительности имеет место, т.к. из-за заражения ВИЧ-инфекцией, которая неизлечима, наносится вред здоровью личности, являющейся одним из важнейших объектов уголовно-правовой охраны, кроме того, данное заболевание крайне опасно не только для личности, но и для общества и государства вообще, о чем свидетельствует существование специальных законов о борьбе с *ВИЧ*[12];
- Относительная распространенность совершения преступления: на сегодняшний день констатировать наличие данного основания нельзя, поскольку крайне низок процент приговоров за это преступление. По данным Интернет-ресурса «РосПравосудие» в 2013г. по ч.1 ст.122 УК РФ вынесено 2 приговора, в 2014г. – 2, в 2015 – 6; по ч.2 ст.122 УК РФ в 2013г. – 2 приговора, в 2014г. – 3, за 2015г. приговоров по указанной части не представлено, как и по ч.3 ст.122 УК РФ за эти периоды[13] (безусловно, этот источник не может предоставить полную информацию по количеству приговоров, тем не менее является показателем статистики осуждения за данное преступление);
- Невозможность бороться с явлением другими правовыми мерами: к счастью, современный уровень развития общества, а также опыт других стран в данном вопросе свидетельствуют о том, что есть и иные меры борьбы. Например, в Германии эффективное воздействие оказывает программа снижения вреда, предусматривающая работу мобильных пунктов помощи, создаваемых некоммерческими организациями при поддержке государства[14].

Таким образом, существование ч. 1-3 ст.122 УК РФ является неэффективной мерой борьбы с ВИЧ-инфекцией, санкция не обеспечивает достижение целей уголовного наказания, само преступление не отвечает основаниям криминализации, а существование статьи порождает ряд проблем в обществе (стигматизация сознания, сокрытие ВИЧ-статуса инфицированными гражданами, снижение интереса к своему здоровью и др.). В связи с чем, считаем, что необходимо прислушаться к рекомендациям международных организаций по борьбе с ВИЧ-инфекцией (ВОЗ, ЮНЭЙДС и др.), которые заключаются в частичной декриминализации подобных статей путем признания преступными деяний только с прямым умыслом, а также разработке и применению иных мер предупреждения распространения заболевания[15].

Список литературы

1. Бурдинская, А.Н. История развития уголовного законодательства Советской России об ответственности за заражение венерической болезнью / А.Н. Бурдинская // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. – Ч.2, №9. – С.45-47.
2. Сидоренко, Э. Заражение ВИЧ-инфекцией: вопросы уголовно-правовой оценки / Э. Сидоренко // Уголовное право. – 2007. - №1. – С.55-59.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ ред. от 30.12.2015. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru.
4. Уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. А.Н. Тарбагаева. – Москва : Проспект, 2015. – 448с.
5. Приговор по делу №1-58/2015; Приговор по делу №1-46/2015; Приговор по делу №1-55/570607/15; Приговор по делу №1-44/2014; Приговор по делу №10-1/2014; Приговор по делу №1-51/2013; Приговор по делу №1-45/2011 и др. [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «РосПравосудие». – Режим доступа: https://rospravosudie.com/.

6. Приговор вирусу. Общественное здоровье, права человека и уголовное право [Электронный ресурс] // Global network of people living with HIV. – Режим доступа: http://www.gnpplus.net/.
7. Стигматизация и дискриминация людей, живущих с ВИЧ в России. Отчет по результатам социологического исследования [Электронный ресурс] // Global network of people living with HIV. – Режим доступа: http://www.gnpplus.net/.
8. Общественное здоровье и права человека: конфликт публичного интереса и индивидуальных свобод / под ред. С. Павлинского. – Санкт-Петербург : СпецЛит, 2013. – 216с.
9. 10 аргументов против уголовного преследования за заражение или постановку в опасность заражения ВИЧ-инфекцией [Электронный ресурс] // Global network of people living with HIV. – Режим доступа: http://www.gnpplus.net/.
10. Справка. ВИЧ-инфекция в Российской Федерации на 31 декабря 2014г. [Электронный ресурс] // Федеральный центр СПИД. – Режим доступа: http://www.hivrussia.org/.
11. Справка. ВИЧ-инфекция в Российской Федерации на 31 декабря 2015г. [Электронный ресурс] // Федеральный центр СПИД. – Режим доступа: http://www.hivrussia.org/.
12. О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции) [Электронный ресурс] : фед. закон от 30.03.1995 № 38-ФЗ ред. от 30.12.2015. // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru.
13. Обзор судебной практики [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «РосПравосудие». – Режим доступа: https://rospravosudie.com/.
14. Эпидемию ВИЧ в Германии остановила системная профилактика [Электронный ресурс] // Немецкая международная телерадиокомпания «Deutsche Welle». – Режим доступа: http://dw.com/p/1Gv56.
15. Криминализация передачи ВИЧ [Электронный ресурс] // Joint United Nations Programme on HIV/AIDS. – Режим доступа: http://www.unaids.org/; Уголовное право, общественное здравоохранение и передача/угроза передачи ВИЧ: документ, посвященный выбору политики [Электронный ресурс] // Joint United Nations Programme on HIV/AIDS. – Режим доступа: http://www.unaids.org/.

УДК 343.43

ОБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 126 УК РФ

Коваленко А.П.
научный руководитель канд. юрид. наук Питецкий В.В.
Сибирский федеральный университет

В Уголовном кодексе Российской Федерации выделена особая глава 17, посвященная охране от преступных посягательств на свободу, честь и достоинство личности, которые являются видовыми объектами этих преступлений. По-прежнему заслуживает пристального внимания состав преступления, предусмотренный ст. 126 УК РФ (Похищение человека). Проблематика обусловлена несовершенством положения статьи 126 УК РФ, в которой отсутствует описательная диспозиция, раскрывающая юридическую дефиницию понятия похищения человека.

В связи с этим, ведутся активные споры учёных-правоведов об определении признаков, входящих в состав преступления, предусмотренного ст.126 УК РФ. Из Постановления Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 17.05.2000 N 207п2000 и других решений Верховного Суда РФ по делам о преступлениях против личности следует, что "по смыслу закона под похищением человека следует понимать противоправные умышленные действия, сопряженные с тайным или открытым завладением (захватом) живого человека, перемещением его с постоянного или временного местонахождения в другое место и последующим удержанием его в неволе.

Объективную сторону данного преступления, по мнению большинства специалистов, образуют захват (завладение) потерпевшего с места его нахождения и перемещение с целью последующего удержания в другом месте. Рассмотрим этимологическое значение слов завладение и захват. «Завладеть» – взять кого-нибудь в полное подчинение, захватить, привлечь к себе, а «захватить» - силой овладеть кем-нибудь.

Подтверждением служат материалы судебной практики.

Учитывая отсутствие направленности умысла виновных на удержание потерпевших в другом месте, Президиум Верховного Суда РФ отменил судебные решения в части осуждения виновных по ч. 3 ст. 126 УК РФ и дело в данной части прекратил за отсутствием состава преступления [1].

Принципиальное значение для квалификации похищения человека имеет изъятие лица из среды пребывания и перемещение вопреки воле потерпевшего в другое место, сопровождаемое дальнейшим удержанием. Состав ст. 126 УК, формальный. Оконченным преступление считается с момента похищения т.е с момента захвата человека и начала его перемещения вопреки его воле. Однако последующее удержание похищенного не требует дополнительной квалификации. Срок, в течение которого потерпевший удерживается после похищения, значения не имеет, так как для квалификации важен сам факт похищения. Это подтверждается Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 13 октября 2005 г. N 64-005-13, согласно которому похищение человека считается оконченным с момента захвата лица и лишения его возможности передвигаться[2].

По вопросу о конструкции рассматриваемого преступления с объективной стороны в части формального или материального состава похищения человека также высказаны различные точки зрения. В.И. Зубкова придерживается того мнения, что похищение человека построено законодателем по типу материальных составов и оконченным будет не с момента захвата человека, а после совершения преступниками

всех действий, входящих в объективную сторону этого деяния, а именно – перемещения в другое место и насильственное удержание в нём. Так, Г.Н Борзенков и В.С. Комиссаров подчеркивают: «рассматриваемое преступление сконструировано законодателем по типу материальных составов. Поэтому оконченным оно будет не с момента захвата человека, а лишь после выполнения и других действий этого состава: после перемещения похищенного в другое место и ограничения свободы его передвижения[3].

Придерживаюсь мнения, что похищение человека – преступление с формальным составом и своего рода это длящееся преступление. Как отмечал ещё Ситников Д.А.: «Особенностью данного преступления является специфический характер последствия (ограничение физической свободы человека), которое длится (продолжается) во времени»[4]. С точки зрения объективной стороны, этот процесс начинается с момента захвата потерпевшего и длится на стадии его перемещения и удержания.

По всем изученным в ходе данного обобщения уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 126 УК РФ, судами области как похищение человека в большинстве случаев квалифицировались действия лица по захвату живого человека, перемещению его с постоянного или временного местонахождения в другое место и последующему удержанию его в неволе[5].

Таким образом, на всех этапах совершения преступления мы имеем один, присущий всем действиям элемент, - удержание. Полагаю, его можно рассматривать как составную часть данного преступления в качестве заключительного элемента объективной стороны, а также как отдельное понятие, характеризующее ограничение физической свободы.

Список литературы

1. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2001. N 1. С. 10 - 11.
2. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2006. N 11. С. 28 - 29
3. Зубкова В.И. Ответственность за похищение человека по уголовному законодательству России // Вестник Моск. ун-та. Право. 1996. № 2. С. 55.
4. Курс уголовного права. Том 3. Особенная часть / Под ред. доктора юридических наук, профессора Г.Н. Борзенкова, доктора юридических наук, профессора В.С. Комиссарова. - М.: ИКД "Зерцало-М". - 2002. С.31-32.
5. Ситников Д.А. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика похищения человека. Автореферат диссертации. – М.: 2001.
6. Справка о практике рассмотрения судами Кемеровской области уголовных дел о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми. Кемеровский Областной суд, 2010.

УДК 343.291

ПОНЯТИЕ УКЛОНЕНИЯ ОТ СЛЕДСТВИЯ ИЛИ СУДА В КОНТЕКСТЕ Ч. 3 СТ. 78 УК РФ

Козулина А.В.
научный руководитель канд. юрид. наук Питецкий В.В.
Сибирский федеральный университет

Освобождение от уголовной ответственности – это отказ государства от реализации уголовной ответственности в отношении лица, совершившего преступление.

В рамках изучения института освобождения от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности стоит отметить, что законодатель не раскрывает понятие уклонения от следствия или суда в ч. 3 ст. 78 УК РФ. Содержание этого понятия необходимо уяснить, поскольку уклонение от следствия или суда является единственным основанием для приостановления течения сроков давности.

В науке единого понимания уклонения от следствия или суда не сложилось так, В. С. Комисаров утверждает: « уклонение от следствия или суда - это по существу бездействие лица с целью избежать уголовной ответственности и наказания»[1]. Отметим, что такое понимание является широким, так как к нему можно отнести действия и бездействия, целью которых является избежание уголовной ответственности и наказания.

Другие учёные, представители узкого понимания, говорят: «уклонение от следствия или суда только умышленные действия, направленные на уклонение от уголовной ответственности. Уклонение также может иметь место как в тех случаях, когда орган следствия или суд уже осуществили определенные процессуальные действия (избрана мера пресечения, предъявлено обвинение и др.), так и тогда, когда лицо скрывается в целях уклонения от уголовной ответственности, не будучи еще известным, органам правопорядка и правосудия»[2].

Представитель третьей позиции Х. Д. Аликперов считает, что под «лицом, уклоняющимся от следствия или суда» следует подразумевать только обвиняемого (подсудимого), который с целью избежать уголовной ответственности умышленно скрывает от органов дознания, предварительного следствия или суда место своего нахождения[3].

Последняя позиция нашла своё отражение в пункте 19 постановления Пленума ВС РФ от 27 июня 2013 г. «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности». В этом пункте дается следующее определение: «под уклонением лица от следствия или суда следует понимать такие действия подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, которые направлены на то, чтобы избежать задержания и привлечения к уголовной ответственности (например, намеренное изменение места жительства, нарушение подозреваемым, обвиняемым, подсудимым избранной в отношении его меры пресечения, в том числе побег из-под стражи)».

Проанализировав данное определение, С. М. Кочои считает, что толкование Пленума является полезным для разрешения неоднозначных ситуаций, связанных с уклонением. Он пишет: «уклонением нельзя считать как бездействие, так и действия, лишенные умысла. Только наличие намерения, умысла избежать уголовной ответственности, нашедшее отражение в активных действиях, является условием признания лица уклоняющимся от следствия и суда»[4]. Действительно, суд обозначил то, что уклонение от следствия и суда – это действия активные и умышленные.

Определение этого признака не дает признавать бездействие уклонением. Также Пленум определил субъектов уклонения, это лица имеющие процессуально-правовой статус подозреваемого, обвиняемого или подсудимого.

Некоторые положения Пленума ВС получили неоднозначную оценку в науке уголовного права. Например, А. Г. Кибальник негативно относится к тому положению Пленума, что «суд должен проверить доводы лица о том, что оно не уклонялось от следствия и суда, в том числе и тогда, когда в отношении его объявлялся розыск». Учёный считает, что «мы не вправе обязывать лицо доказывать, что оно не скрывалось от следствия и суда[5]. На наш взгляд, данная позиция автора представляется верной. Буквальное понимание, разъяснение Пленума свидетельствует о необходимости лица не уклоняться от следствия или суда (доказывать правомерность своих действий). Мы считаем, что данное положение недопустимо. Оно противоречит принципу вины и презумпции невиновности, закреплённых в ст. 5 УК РФ и ст. 49 Конституции РФ. Государство должно доказывать виновность лица в совершении преступления и было бы логично, если бремя доказывания факта уклонения от следствия и суда также возлагалось на государство.

Формулировка Постановления Пленума «суд должен проверить доводы лица о том, что оно не уклонялось от следствия и суда» не позволяет понять на кого возложено бремя доказывания. В целях предупреждения возникновения терминологических споров и коллизий это положение следует конкретизировать. По–нашему мнению, решением данной проблемы может послужить внесение изменения касающегося определения уклонения от следствия или суда. Уклонением следует признавать умышленные действия подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, которые направлены на то, чтобы избежать задержания и привлечения к уголовной ответственности. Факт уклонения от следствия или суда со стороны указанных лиц, устанавливается дознавателем, следователем или судом. Однако, это не исключает возможности подозреваемого, обвиняемого или подсудимого доказывать вынужденный характер уклонения, поэтому суд обязан проверить соответствующие доводы названных субъектов.

Список литературы

1. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / под ред. доктора юридических наук В. С. Комиссарова. - М. 2013. — 560 с.

2. Уголовное право Российской Федерации. Общая и особенная часть / под ред. А. И. Чучаева. - М. 2008. - 700 с.

3. Аликперов Х. Д. Освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности // Законность. - 1999. - № 8. - С. 13-19.

4. Кочои С. М. Освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности: вопросы практики применения УК и УПК // Российский юридический журнал. - 2013. - № 3. - С. 7-15.

5. Кибальник А. Г. Понимание Пленумом Верховного Суда освобождения от уголовной ответственности // Уголовное право. - 2014. - № 1. - С. 37 – 40.

УДК 343.2

ПОНЯТИЯ «ПОСЯГАТЕЛЬСТВО» И «НАПАДЕНИЕ» В НОРМАХ СТАТЬИ 37 УК РФ

Кочетков Н.М.
научный руководитель канд. юрид. наук Бушмин С.И.
Сибирский федеральный университет

Одним из спорных вопросов необходимой обороны является определение и соотношение понятий «посягательство» и «нападение». Закон не раскрывает формы общественной опасного посягательства, которое служит основанием необходимой обороны.

Из Постановления Пленума ВС РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» (далее Постановление) следует, что необходимая оборона возможна только от деяний предусмотренных Особенной частью УК РФ, следовательно, общественно опасное посягательство относится к таким деяниям. Возникает вопрос, все ли деяния, предусмотренные Особенной частью УК РФ, охватываются понятием посягательства?

В доктрине уголовного права было высказано мнение о том, что необходимая оборона возможна только против таких общественно опасных действий, которые имеют характер нападения [1]. В таком случае посягательство будет представлять собой лишь нападение.

Вместе с тем, З. А. Вышинская дала определение понятия нападения как общественно опасного посягательства, которое осуществляется непосредственно путём насильственного действия с целью лишить потерпевшего возможности сопротивляться и таким образом позволить осуществить намерение нападающего [2].

Другого мнения относительно природы общественно опасного нападения придерживается И. С. Тишкевич, который считает, что оно выражается не только в применении физического или психического насилия, но и в посягательстве на тот или иной объект с целью его уничтожения или повреждения, похищения имущества или документов и т.п. [3].

К. И. Попов высказывает другое мнение по поводу соотношения понятий «посягательство» и «нападение», соглашаясь при этом с З. А. Вышинской относительно определения понятия нападения. По его мнению, посягательство по объему, содержанию и формам проявления – более широкое понятие, чем нападение, представляющее насильственное действие. Следовательно, ставить знак равенства между понятиями «нападение» и «посягательство» значит совершать ошибку и допускать возможность правомерной защиты лишь от насильственного посягательства. В случаях же, когда посягательство не связано с нападением, например, при покушении на убийство путем отравления, публичных призывах к насильственному изменению конституционного строя РФ; или когда посягательство не связано с насилием или его угрозой, например, в случаях кражи, ненасильственного грабежа, при умышленном уничтожении или повреждении имущества, при оскорблении и т.д., потерпевшему, если следовать логике равенства «нападения» и «посягательства», остаётся лишь грустно созерцать происходящее [4].

По нашему мнению, позиция К. И. Попова наиболее правильная, поскольку в п. 2, 3 Постановления основанием применения необходимой обороны служит как действие, в том числе угроза, так и бездействие. Таким образом, общественно опасное нападение представляет собой лишь насильственное действие в отношении

обороняющегося. В свою очередь, общественно опасное посягательство включает в себя нападение и все другие виды деяний, предусмотренные Особенной частью УК РФ, включая бездействие.

Согласно ч. 2.1 ст. 37 УК РФ не являются превышением пределов необходимой обороны действия обороняющегося лица, если это лицо вследствие неожиданности посягательства не могло объективно оценить степень и характер опасности нападения.

Если исходить из понимания преступного нападения как насильственного действия, то следует вывод о том, что лицо может неадекватно оценить фактические обстоятельства нападения (степень и характер опасности нападения) только в случае, когда против него применяется насилие при наличии фактора неожиданности. Получается, что в обстоятельствах, не связанных с нападением или насилием, например, при краже или ненасильственном грабеже не предусматривается для обороняющегося лица наличие фактора неожиданности и, следовательно, презюмируется, что это лицо объективно оценивает характер и степень нападения.

Согласно Постановления Пленума ВС РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами РФ уголовного наказания» степень общественной опасности преступления зависит от конкретных обстоятельств, в частности, от способа совершения преступления; роли посягающего в преступлении, совершенном в соучастии; умысла либо неосторожности; обстоятельств, смягчающих или отягчающих наказание, относящихся к совершенному преступлению; характера и размера наступивших последствий. Опасность посягательства и нападения является общественной опасностью, поскольку все посягательства и нападения – это деяния, предусмотренные Особенной частью УК РФ. Как сказано выше, нападение – это деяние, предусмотренное Особенной частью УК РФ, все данные деяния являются составной частью преступления, следовательно, все нападения также являются составной частью преступления, поэтому не будет ошибкой оценивать степень опасности нападения и степень общественной опасности преступления по одинаковым критериям. При этом, стоит отметить, что список критериев оценки степени общественной опасности преступления является открытым.

Что касается опасности посягательства, то в ч. 2 ст. 37 УК РФ не указывается понятие «степень посягательства». Основываясь на этом факте, а также на том, что понятие посягательства шире, чем понятие нападение, можно сделать вывод, что при оценке опасности посягательства необходимо учитывать не только степень его опасности, но и другие обстоятельства совершения противоправного деяния.

Таким образом, при отсутствии насильственного нападения действия обороняющегося лица, превысившего пределы необходимой обороны, не могут быть признанны правомерными по основаниям, закреплённым в ч. 2.1 ст. 37 УК РФ. При оценке степени опасности нападения следует учитывать все критерии степени общественной опасности преступления. При оценке опасности посягательства также необходимо учитывать все эти критерии и, кроме того, другие обстоятельства деяния.

Список литературы

1. Кириченко В. Ф. Об усилении борьбы с хулиганством. – М., 1967. С. 47.

2. Вышинская З. А. Некоторые вопросы необходимой обороны по советскому уголовному законодательству // Учёные записки ВИЮН. – 1963. вып. 16. С. 85.

3. Тишкевич И. С. Условия и пределы необходимой обороны. - М., 1969. С. 115.

4. Попов К. И. Актуальные вопросы ответственности за превышение пределов необходимой обороны // Черные дыры в Российском Законодательстве. 2002. № 2.

УДК 343.3

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРИРОВАННОЙ ОРГАНИЗОВАННОЙ ГРУППЕ

Кочетов А.О.
научный руководитель канд. юрид. наук, доц. Токманцев Д.В.
Сибирский юридический институт ФСКН России

Следуя разъяснениям Верховного Суда РФ данная форма преступного сообщества отличается от обычной организованной группы признаком структурированности. Полагаем, что данный признак имеет количественный и качественный аспекты.

В количественном аспекте структурированность – сумма частей (подгрупп, звеньев и т.п.) преступного сообщества как целостного образования. В этом ключе структурированная организованная группа должна включать как минимум два структурных подразделения, каждое из которых состоит из двух или более лиц. Соответственно, количество участников структурированной организованной группы, включая организатора и руководителя, не может быть менее четырех лиц, что отличает данную форму преступного сообщества от обычной организованной группы, которая может быть образована и двумя лицами. Открытым остается лишь вопрос о правовой природе структурных подразделений входящих в состав преступного сообщества[1].

Структурированность организованной группы в качественном аспекте означает, во-первых, функциональную и (или) территориальную обособленность входящих в преступное сообщество структурных подразделений. Во-вторых, наличие в такой группе сложных организационно-управленческих (коммуникативных) связей отличающихся иерархичностью и устойчивостью.

Функциональная обособленность структурных подразделений означает, что каждое из них выполняет групповую функцию соответствующую основным направлениям преступной деятельности сообщества. Например, одно структурное подразделение осуществляет функцию по незаконной поставке наркотических средств, другое – незаконному сбыту наркотических средств, третье – финансовую функцию сообщества (ведение его финансовой документации, учета наркодоходов и контроля расходов) и т.д.

Если функциональная обособленность означает разделение преступного «труда» в соответствии с основными функциями сообщества, то территориальная обособленность – «географическое» разделение такого труда. При этом каждое из территориальных подразделений в отличие от функциональных подразделений может выполнять сразу несколько функций преступного сообщества, но в пределах конкретной территории. Например, осуществлять не только поставки наркотических средств в определенный город, но и незаконный сбыт таких средств на его территории.

С учетом сложившейся судебной практики иерархичность структурированной организованной группы (вертикальное соподчинение) можно определить как трех или более многоуровневый тип внутригрупповых организационных связей, при котором каждая из нижестоящих ступеней находится в зависимости у вышестоящей. Например, установлен следующий приоритет действий (принятия решений): руководитель преступного сообщества (высший уровень), старшие (руководители) структурных подразделений такого сообщества (средний уровень), рядовые члены сообщества (низший уровень). Полагаем, что обычная организованная группа если и обладает

[1] Тарбагаев А., Челнокова Т. Проблемы квалификации преступлений, совершенных участниками преступного сообщества // Уголовное право. 2012. № 3. С. 59–65.

иерархичностью, то исключительно двухуровневой (простой): руководитель (высший уровень), исполнитель (низший уровень).

Основу устойчивости структурированной организованной группы составляют находящиеся во взаимосвязи инерционность и адаптивность. Инерционность, означает способность структурированной организованной группы продолжать преступную деятельность испытывая длительное воздействие со стороны правоохранительных органов, которые пытаются разложить структуру преступного сообщества[2]. Адаптивность, т.е. способность структурированной организованной группы возвращаться в прежнее функциональное состояние при противодействии со стороны правоохранительных органов. Например, восстанавливать или создавать новые каналы контрабандных поставок наркотических средств, после «ликвидации» правоохранительными органами ранее существовавших каналов.

Именно эти свойства (инерционность и адаптивность) в своей совокупности придают преступной группе устойчивость (некую «динамическую прочность») – способность сохранять свою функциональность при внешнем «деструктивном» (для группы) воздействии (источником которого являются правоохранительные органы), пока оно (это воздействие) по своей силе не превзойдет резервы (порог «прочности») преступной группы[3].

Поэтому обоснованно Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда РФ проявлением устойчивости преступного сообщества созданного Старостиным, было признанно то, что после задержания значительного числа членов преступного сообщества оставшиеся на свободе участники продолжали сбывать героин по установленной схеме вплоть до пресечения их преступных действий.

Тем более устойчивой следует признавать преступную группу, которая, испытывая воздействие со стороны правоохранительных органов, способна не только продолжать запланированную преступную деятельность, но и приспосабливаясь к изменившимся условиям совершенствовать ее (что тоже является проявлением адаптивности).

На это обратил внимание, например, Белгородский областной суд по уголовному делу в отношении Парамонова и других, обвиняемых в совершении преступления, предусмотренного ст. 210 УК РФ, отметив, что устойчивость сообщества состояла в том, что ее участники после предупреждения правоохранительными органами о том, что продаваемые ими вещества содержат наркотические средства и их продажа образует уголовно - наказуемое деяние, не только не прекратили сбывать такие вещества, а наоборот, продолжили свою преступную деятельность и более того усовершенствовали ее.

Учитывая объективную сложность установления качественных показателей структурированности организованной группы, полагаем, что по данной категории дел требуется проведение судебных экспертиз связанных с дифференциальной диагностикой коммуникационных связей такой группы. Среди таких экспертиз особый интерес, по нашему мнению, могут представлять судебно лингвистические экспертизы, позволяющие по речевым признакам определить иерархичность и устойчивость организационных связей в группе.

---

[2] Шеслер А.В. Криминологические аспекты групповой преступности: монография. Красноярск, 1999.

[3] Токманцев Д.В. Устойчивость преступных групп, совершающих наркопреступления // Национальный и международный уровни противодействия наркоугрозе и взаимодействие в сфере реабилитации и ресоциализации наркопотребителей : материалы XVIII международной научно-практической конференции (16–17 апреля 2015 г.): в 2 ч. / отв. ред. И.А. Медведев. Красноярск, 2015. Ч. 2. С.221–225.

Список литературы

1. Тарбагаев А., Челнокова Т. Проблемы квалификации преступлений, совершенных участниками преступного сообщества // Уголовное право. 2012. № 3. С. 59–65.

2. Шеслер А.В. Криминологические аспекты групповой преступности: монография. Красноярск, 1999.

3. Токманцев Д.В. Устойчивость преступных групп, совершающих наркопреступления // Национальный и международный уровни противодействия наркоугрозе и взаимодействие в сфере реабилитации и ресоциализации наркопотребителей : материалы XVIII международной научно-практической конференции (16–17 апреля 2015 г.): в 2 ч. / отв. ред. И.А. Медведев. Красноярск, 2015. Ч. 2. С.221–225.

УДК 343.61

ХАРАКТЕРИСТИКА АФФЕКТА И ПРОБЛЕМА ЕГО УСТАНОВЛЕНИЯ

Кочкина Е.В.
научный руководитель д-р юрид. наук Тарбагаев А.Н.
Сибирский федеральный университет

Аффект является конструктивным признаком составов преступления, предусмотренных статьей 107 УК РФ и статьей 113 УК РФ, за данные деяния предусмотрена пониженная ответственность. Это обусловлено тем, что аффект является определенным состоянием психики, при котором человек не в полной мере осознает суть происходящего, за что и снижается его ответственность.

Определение состояния аффекта представляет сложность для правоприменителя из-за неоднозначного подхода к данному вопросу. В частности, под аффектом понимается «резко выраженная, стремительно развивающаяся эмоция, которая характеризуется силой и глубиной переживаний, диффузным характером влиянием на психику, бурным внешним выражением, кратковременностью».[1] Анализ психологического содержания аффекта позволяет выделить наиболее характерные для него признаки. Во-первых, это высокая степень эмоционального напряжения и интенсивность внутренних физиологических процессов. Во-вторых, внезапность и неожиданность возникновения. В-третьих, бурное проявление и интенсивность переживания. В-четвертых, снижение уровня сознания, сужение поля восприятия окружающей действительности. В-пятых, кратковременность протекания.[2] Однако не любой аффект имеет уголовно-правовое значение и является основанием квалификации деяния по ст. ст. 107, 113 УК РФ. Ответственность за совершение преступления не может быть смягчена, пока не будет доказано, что аффект был вызван неправомерными действиями или аморальным поведением потерпевшего. Противоправность и аморальность поведения потерпевшего являются оценочными признаками, однако очевидно, что причина, вызвавшая состояние аффекта у виновного, должна быть достаточно серьезной, чтобы создать реальную возможность возникновения аффекта у любого человека в аналогичной ситуации.[3]

Актуальна и проблема установления состояния аффекта. По общему правилу установление состояния аффекта является прерогативой суда, в том числе на основе судебной-психологической экспертизы. Необходимость установление экспертизы по делам данной категории необходима, так как состояние аффекта является психологическим понятием, при аффекте происходит нарушение не только эмоциональной сферы, но также сознания и воли, изучение которых является прерогативой психиатрии. В состоянии аффекта человеку присущи определённые психические аномалии, такие как неадекватность реакции, искажение оценки происходящего, необходимость использования специальных методов познаний для его установления. Исходя из этого следует в случае необходимости назначать комплексную психолого-психиатрическую экспертизу.

Аффект является психологическим понятием и логично предположить, что вопрос о наличии либо отсутствии состояния аффекта в момент совершения общественно опасного деяния необходимо решать на основании психологической экспертизы. Но также суд может признать, что преступление совершенно в состоянии

[1] Якобсон П.М. Психология чувств. М., 1958.С. 25
[2] Сысоева Т.В. «Убийство, совершенное в состоянии аффекта». Т., 2003. С.26
[3] Шарьюрова Ю.Б. Об оценке оправданности аффекта как условия квалификации деяния по ст. 107, 113 УК РФ// Наука и современность.2010. - №1-3.-С.228

аффекта и без заключения экспертизы, если у него будет достаточно данных, позволяющих сделать вывод о том, что противоправное поведение потерпевшего вызвало у виновного состояние аффекта и именно в таком состоянии было совершенно общественно опасное деяние. Заключение экспертизы, однако, не предрешает вопрос о совершение преступления в состоянии аффекта. Суд может и не согласиться с заключением эксперта по вопросу наличия состояния аффекта. Так к примеру, в приговоре Билибинского районного суда Чукотского автономного округа от 21 марта 2011 года гражданин Иванов признан виновным по статье 105 УК РФ, при этом в ходе расследования уголовного дела возникла определенная сложность, так как преступление, совершенное Ивановым, выглядело как убийство, совершенное в состоянии аффекта. При рассмотрении дела назначались две комплексные психолого-психиатрические экспертизы, в заключение одной из них содержался вывод о нахождение гражданина Иванова в состоянии сильного душевного волнения. Но суд квалифицировал деяния Иванова как простое убийство, предусмотренное ст. 105 УК РФ. Так как собранными по делу доказательства свидетельствуют о продуманности и последовательности совершенного деяния, что исключается при состоянии аффекта. Поэтому хоть и вывод экспертизы свидетельствовал о нахождение виновного в состоянии аффекта, это еще не является предрешением о наличии в действия виновного именно деяний, предусмотренными статьей 107, 113 УК РФ.

Вопрос о установлении состояния аффекта является не разрешенным в настоящее время. Так как прямое закрепление необходимости проведения экспертизы по данным категориям дела отсутствует. Ведь необходимость назначения судебной экспертизы существует только тогда, как суд не обладает специальными познаниями для установления того или иного факта. Но является очевидным вывод, что для установления аффекта необходимо именно специальные познания в области психологии. Так же необходимость проведения экспертизы можно подвести под требование ч. 3 ст. 196 УПК РФ, где сказано, что необходимо устанавливать психическое состояние подозреваемого, когда возникает сомнения в его вменяемости. Хоть состоянии аффекта и признается состоянием здоровой психики, человек находясь в состоянии аффекта является вменяемым, поэтому и подлежит уголовной ответственности, но его ответственность снижается по сравнению с действия человека, действовавшего в момент совершения преступления не в состоянии аффекта. Поэтому проведение экспертизы в случае установления состояния аффекта является обязательным, но заключение эксперта о нахождение лица в состоянии аффекта еще не свидетельствует о совершения деяния, предусмотренных ст. ст. 107, 113 УК РФ.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 18 декабря 2001 № 174 – ФЗ. Москва: Эксмо.2014. – 267 с.
2. Попов А.Н. Преступления против личности при смягчающих обстоятельствах. / А.Н. Попов. - Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2001. - 465с.
3. Сысоева Т.В. Убийство, совершенное в состоянии аффекта/ Т.В. Сысоева. – Тюмень: Тюменского гос. Университета, 2003. - 64с.
4. Шарьюрова Ю.Б. Об оценки оправданности аффекта как условия квалификации деяния по ст.107,113 УК РФ/Ю.Б. Шарьюрова // Наука и современность, 2010. - №1-3. - С. 228-229.
5. Якобсон П.М. Психология чувств. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1958. - С.210.

УДК 343.5

НЕКОТОРЫЕ ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ЛЕГАЛИЗАЦИИ НАРКОДЕНЕГ

Крангачева Н.А.
научный руководитель канд. юрид. наук, доц. Токманцев Д.В.
Сибирский юридический институт ФСКН России

Актуальность темы исследования обосновывается тем, что в настоящее время преступления, связанные с легализацией наркоденег имеют большое распространение на территории Российской Федерации, да и во всем мире, и это представляет большую угрозу для общественной безопасности. Правоохранительные органы ведут активную борьбу с данным явлением, но несмотря на это, количество преступлений данной категории растет. Этому способствует то, что данная деятельность создает основу теневой экономики, причиняет вред экономической безопасности и финансовой стабильности государства, затрудняет раскрытие и расследование преступлений, обеспечивает возможность преступным группам финансировать и осуществлять свою противоправную, в том числе террористическую, деятельность.

В результате совокупности этих факторов негативным последствием подвергаются все сферы жизни, в том числе общественная безопасность. Исследование уголовно-правовых признаков состава легализации показало значение дальнейшей доработки и совершенствования, ведущих к увеличению эффективности применения данной нормы. А именно, особенности объекта анализируемого преступления говорят о том, что легализация посягает на несколько объектов: отношения, регулирующие охрану общественной безопасности, обеспечивающие правоохраняемые интересы личности, экономики, государственной власти, военной службы, мира и безопасности человечества, а если говорить о легализации наркоденег конкретно, то, безусловно, здоровье населения и общественная нравственность.

Уже, исходя из объекта данного преступления, можно сделать вывод, что при квалификации любых других преступлений, подследственных абсолютно разным службам, стоит принимать во внимание, что последствием многих преступлений может являться легализация и наркопреступлений в первую очередь. То есть, проанализировав научную литературу и судебную практику по данным преступлениям, я считаю, что даже при отсутствии признаков данного преступления, имеет смысл проверять лица, которые могли бы быть причастны, для более эффективной раскрываемости легализации.

Если имущество, приобретенное преступным путем, ограничено в гражданском обороте и ответственность за его незаконный оборот предусмотрена одной из статей Особенной части Уголовного кодекса российской Федерации (к таким относятся и наркопреступления в том числе), то совершение с ним сделки в целях придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению следует квалифицировать только по соответствующей статье как приобретение либо сбыт без совокупности со статьями 174 и 174.1 УК РФ – разъясняет нам Пленум Верховного Суда РФ по поводу объективной стороны данного явления.

По-моему мнению, данная схема действий в корне неверна, поскольку, к сожалению, в наше время лучше всего на людей, ведущих асоциальный образ жизни и, попадающих под категорию тех лиц, которые могли бы совершить данное преступление, наибольшее воздействие оказывает суровость наказания. Поэтому следует применить данную статью Постановления полностью наоборот:

квалифицировать данную ситуацию как совокупность, например ст.174 и ст.228.1 УК РФ.

Субъектом легализации является лицо при этом не участвующее (любой вид соучастия) в совершении преступления, в результате которого были приобретены денежные средства или иное имущество (ст.174 УК РФ), а также лицо, которое в качестве исполнителя или иного соучастника принимало участие в совершении первичного преступления, принесшего ему доходы, подлежащие легализации (ст.174.1 УК РФ). К толкованию субъекта, я считаю, законодатель подошел верно, и разделение субъекта на две разные статьи Уголовного Кодекса Российской Федерации – это интересный и много эффективный подход.

Целью легализации является не удовлетворение своих потребностей за счет преступной деятельности и не смену незаконного владельца, а создание возможностей прежнему владельцу реализовать результаты его незаконной деятельности. Анализируя, судебную практику, я пришла к выводу, что законодатель не обозначает конкретной цели и вообще при принятии решений о квалификации данного преступления понятие цели слишком широкое. Поэтому во многих судебных решениях сложно полностью удостовериться, что имущество, приобретенное, например, на наркоденьги, приобреталась именно для придания им правомерного вида, а не, например, для личного пользования.

Место совершения легализации следует рассматривать в нескольких аспектах. Место легализации – это совокупное понятие, объединяющее место выполнения отдельных действий, финансовых операций или иных сделок, направленных на легализацию преступных доходов, а также место осуществления отдельных этапов этого преступления, в частности место, в котором происходила маскировка следов, место введения преступных доходов в гражданский оборот.

Для расследования легализации необходимо иметь в виду, что территориальные границы этого преступления достаточно велики. Имущество может быть приобретено субъектом преступления для последующей легализации у владельца преступных доходов на территории одного города, района, области, а легализовываться в другом месте.

Кроме того, для легализации местом совершения может являться не только территория Российской Федерации, но и территория другого государства, если ряд действий преступника совершается за границей. Достаточно часто субъекты для целей легализации выбирают наиболее благоприятные в финансовом отношении территории, так называемые оффшоры.

В заключении хотелось бы сказать, что легализация наркоденег, конечно, невероятно актуальная тема, особенно в современном мире, но требующая колоссальных доработок и совершенствования. В рамках данного доклада я попыталась раскрыть сущность легализации, анализ элементов состава преступления и квалифицирующих признаков.

Список литературы

1. О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07 июля 2015 г. № 32.

2. Уголовное право России. Особенная часть. Учебник для ВУЗов / под ред. Л.Л.Кругликова. М., 2004.

УКД 343.241

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ИНСТИТУТА НАЗНАЧЕНИЯ БОЛЕЕ МЯГКОГО НАКАЗАНИЯ, ЧЕМ ПРЕДУСМОТРЕНО ЗА ДАННОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Кубрак А.А.
научный руководитель канд. юрид. наук Питецкий В.В.
Сибирский федеральный университет

При назначении наказания за совершенное преступление, судья должен основываться на общих правилах назначения наказания, предусмотренных уголовным законодательством. Кроме того суд должен учитывать такой субинститут индивидуализации уголовного наказания, как назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление.

Одним из институтов уголовного права, в рамках которого происходит индивидуализация уголовного наказания, является назначение наказания при смягчающих обстоятельствах. Смягчающие обстоятельства указывают об уменьшении степени общественности опасности совершенного преступления.

В связи с этим возникают проблемы в правоприменительной деятельности, связанные с определением возможности использовать ту или иную специальную правовую норму, уменьшающую пределы уголовного наказания. Для понимания, когда следует использовать ст. 64 УК, необходимо определиться с ее юридической природой.

Как справедливо отмечает И.Э. Звечаровский, социально-правовое значение института, предусмотренного в ст. 64 УК, состоит в разрешении тех ситуаций, когда даже минимальное наказание, предусмотренное в санкции статьи Особенной части, оказывается исходя из обстоятельств дела слишком суровым[3]. В статьях Особенной части выделяется общественная опасность не индивидуально определенного преступления, совершенного конкретным гражданином, а типовая общественная опасность преступления, совершенная обезличенным субъектом уголовного права. В зависимости от тяжести вреда, причиненного правам и законным интересам личности, общества либо государства, статьей Особенной части УК предусмотрены санкции, которые в некоторых случаях не способны отражать всю палитру уголовно-правовых отношений. В связи с этим может возникать несоответствие между общественной опасностью конкретного преступления и санкциями, которые возможно применить в отношении подсудимого.

При назначении наказания за совершенное преступление, необходимо учитывать принцип справедливости, который, по мнению Ч. Беккария, выражается в соразмерности наказания совершенному преступлению[1]. Таким образом, применение специальных правил назначения наказания, предусмотренных в ст. 64 УК, позволяет оценить степень виновности лица в совершенном преступлении, общественную опасность данного преступления, и с учетом этих фактических обстоятельств назначить соразмерное наказание, так как данные производные состоят в пропорциональной взаимосвязи.

В 2014 году была введена ч. 3 ст. 64 УК, в соответствии с которой правила назначения наказания, предусмотренные в ч. 1 ст. 64 УК, не применяются в отношении лиц, виновных в совершении преступлений террористической направленности. Введение данных исключений нарушает принцип справедливости и исключает возможность индивидуализировать наказание за данные преступления в полной мере.

На наш взгляд, исключений из данных правил назначения наказания не должно быть, так как в соответствии со ст. 6 УК наказание и иные меры уголовно-правового

характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного. Следовательно, если вводить исключения в статьи Общей части УК, которые направлены на содействие реализации принципа справедливости, то этим самым законодатель нарушает установленные им же принципы уголовного права.

В связи с тем, что дифференциация уголовного наказания отнесена к введению законодательного органа власти и не всегда способна своевременно реагировать на изменение ситуации в обществе, то индивидуализация наказания, как более эластичный рычаг, находящий во власти судей, должен способствовать справедливому приговору.

Как правильно заметил В.Н. Воронин, складывается следующая ситуация применительно к некоторым преступлениям против общественной безопасности: статья 205 УК РФ предусматривает ответственность за террористический акт и устанавливает наказание в виде лишения свободы на срок от восьми до пятнадцати лет, а пособничество в совершении преступления, предусмотренного статьей 205 УК РФ, в соответствии с ч. 3 ст. 205.1 наказывается лишением свободы на срок от восьми до двадцати лет (*в новой редакции закона от десяти лет*). Получается, что действия пособника в совершении террористического акта могут быть наказаны гораздо строже, чем действия непосредственного исполнителя, – это противоречит принципу справедливости[2].

Исходя из вышеприведенного примера следует, что после того, как ввели запрет на ссылку на ст. 64 при вынесении приговора, для лиц, обвиняемых в данном преступлении, нельзя соблюсти принцип справедливости. Лицо, совершившее преступление данного рода, даже при наличии исключительных обстоятельствах, не может рассчитывать на назначение наказания ниже, чем предусмотрено статьей Особенной части или назначено более мягкий вид наказания, или не применить дополнительный вид наказания, предусмотренный в качестве обязательного. Соразмерность наказания совершенного преступления по таким делам может не совпадать с санкциями данных статей Особенной части, поэтому политическая воля, направленная на ужесточение наказания за преступления террористической направленности, без каких-либо разумных ограничений является опасной тенденцией. Непонятно, на что в последующем, будет направлена воля законодательной власти и за какие еще преступления не возможно будет добиться справедливого приговора.

При индивидуализации наказания суд обязан учитывать степень общественной опасности совершенного деяния, то есть сравнительную опасность конкретного преступления по отношению к другим преступлениям того же характера и вида [4]. Как мы видим, если убрать из применения ст. 64 УК, то возможны проблемы с реализацией на практике принципов индивидуализации уголовного наказания и справедливости.

На наш взгляд, институт назначения более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление служит для наиболее полного воплощения принципа справедливости, закрепленного в ст. 6 УК.

Список литературы

1. Беккариа, Ч. О преступлениях и наказаниях / Переизданное с вступит. статьей, комментариями и приложением Ю.М. Юмашева. - Москва: Международные отношения, 2000. - 240с.

2. Звечаровский, И.Э. Назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление: монография / И.Э. Звечаровский. - М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2012. - 87 с.

3. Воронин, В.Н. Разграничение принципов справедливости и индивидуализации при назначении наказания и их влияние на качество уголовного закона / В.Н. Воронин // Вестник Пермского университета. Юридические науки. - 2014. - №3 (25). - С.169-179.

4. Долгополов, К.А. Принцип индивидуализации наказания как один из принципов уголовного права / К.А. Долгополов // Юридическая наука. - 2013. - №3. - С.103-105.

УДК 343.234.5

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СВЯЗИ С ДЕЯТЕЛЬНЫМ РАСКАЯНИЕМ

Лаптева М.С.
научный руководитель канд. юрид. наук Севастьянов А.П.
Сибирский федеральный университет

На протяжении долгого времени опыт показывал, что нельзя одними мерами ужесточения наказания добиться снижения числа совершаемых преступлений и обеспечить их полную раскрываемость.

Под деятельным раскаянием понимается - активное добровольное поведение лица, совершившего преступление, которое направлено на предотвращение или уменьшение вредных последствий, либо на оказание помощи правоохранительным органам в раскрытии преступления.[1] Во многих странах предусматривается такое освобождение.

Согласно ч.1 статьи 75 УК РФ лицо, впервые совершившее преступление небольшой тяжести или средней тяжести может быть освобождено от уголовной ответственности, если оно после совершения преступления добровольно явилось с повинной, способствовало раскрытию преступления, возместило причиненный ущерб или иным образом загладило вред, причиненный в результате преступления.[2]

На основании выше изложенного, могу сделать вывод, о том, что в ч.1 ст.75 УК РФ указаны условия, при которых может наступить освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием:

во-первых, человек должен впервые совершить преступление (Если у человека имеется не погашенная судимость, то его не могут освободить по этому основанию.)

во-вторых, это преступление небольшой или средней тяжести определенные ст.15 УК РФ (например: угон транспортного средства)

в-третьих, после совершения преступления добровольно явилось с повинной(добровольно, т.е. когда человека никто не принуждал прийти в полицию и заявить о данном преступлении. Он это решение принял сам, без какого- либо физического или психологического принуждения).

в-четвертых, возместил причиненный ущерб или иным образом загладил вред(т.е. сделал так чтобы потерпевшая сторона не имела к нему моральных или материальных претензий.Он старается восстановить нарушенные права потерпевшего).

Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием лица, совершившего преступление, имеет важное практическое значение. Такое раскаяние свидетельствует, что лицо осознало противоправность и общественную опасность совершенного им деяния. Деятельно раскаиваясь в содеянном оно стремится своим поведением не только устранить причиненный вред, но и способствует раскрытию совершенного преступления. Так же, деятельное раскаяние показывает, что исправление лица, совершившего преступление, возможно и без привлечения его к уголовной ответственности, а поэтому и отпадает необходимость применять к нему уголовное наказание.

Деятельное раскаяние означает, что человек принимает активные действия, оно не может выражаться в бездействии, так как именно активными действиями человек

---

[1] Келина С. Г. Теоретические вопросы освобождения от уголовной ответственности, М., Наука, 2004.

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер.закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ ред. от 30.12.2015.// Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru.

доказывает, что он осознал свои противоправные деяния и своими действиями пытается загладить причиненный вред. Он предпринимает какие-либо действия, для восстановления нарушенных прав потерпевшего. Например: он выдает похищенное имущество или же выплачивает его стоимость; рассказывает о других участниках преступления; не скрывается от правоохранительных органов.

В соответствии с ч. 2 ст. 75 УК РФ лицо, совершившее преступление иной категории (чем указанные в ч.1 настоящей статьи), при наличии условий, предусмотренных частью первой настоящей статьи, может быть освобождено от уголовной ответственности только в случаях, специально предусмотренных соответствующими статьями Особенной части УК РФ. [1]

Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием возможно на любой стадии судопроизводства, в том числе и при назначении судебного заседания, а также при рассмотрении дела в суде. Хотелось бы, чтобы на практике данные положения реализовывались почаще, как на предварительном следствии, так и в судебном разбирательстве.

Органы предварительного расследования (органы предварительного следствия и органы дознания), а так же суд, могут прекратить уголовное дело по указанному основанию на любой стадии уголовного судопроизводства по ходатайству сторон с согласия подозреваемого, обвиняемого, подсудимого.

Согласно ст. 229 УПК при наличии оснований к прекращению уголовного дела суд по собственной инициативе или по ходатайству сторон проводит предварительное слушание. До прекращения уголовного преследования лицу должны быть разъяснены основания его прекращения и право возражать против этого. [2]

Поскольку такое поведение является общественно полезным, законодатель предусматривает уголовно-правовые меры для его стимулирования. Данные меры являются стимулом для лиц совершивших преступление. Законодатель дает им шанс исправить последствия совершенного ими преступления. Одним из средств стимулирования - является учет этого поведения и предоставление такому лицу, определенных льгот при решении вопроса об уголовной ответственности и назначении наказания. Основания, условия и порядок предоставления этих льгот строго регламентированы законодательством.[3]

Как показывает судебная практика, случаи прекращения уголовного дела за деятельным раскаянием ни так уж и редки.

Как правило, лица в отношении которых применялось решении о прекращении дела по указанному основанию, встают на путь исправления и не совершают преступления вновь.

Важно отметить то, что прекращение дела за освобождением от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, не влечет за собой каких-либо негативных правовых последствий, а именно: у человека будет отсутствовать судимость, не будет назначено наказание.

[1] Уголовное право России (Общая часть): Учебное пособие. Диаконов В.В. //Allpravo.ru. - 2003.
[2] Комментарий к статье 75 УК РФ.
[3] Аликперов Х.Д. Освобождение от уголовной ответственности. - Воронеж, 2001.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер.закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ ред. от 30.12.2015.// Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru.
2. Уголовное право России (Общая часть): Учебное пособие. Диаконов В.В. // Allpravo.ru. - 2003.
3. Келина С.Г. Теоретические вопросы освобождения от уголовной ответственности, М., Наука, 2004.
4. Аликперов Х.Д. Освобождение от уголовной ответственности. - Воронеж, 2001.
5. Комментарий к статье 75 УК РФ.

УДК 343.2/.7

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА КОРРУПЦИОННЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ В СТРАНАХ АТР

Марсова В.В.
научный руководитель канд. юрид. наук Красноусов С.Д.
Сибирский федеральный университет

Возможность внедрения иностранного опыта в сфере противодействия коррупции является актуальной проблемой современного права. Интерес к данной теме обусловлен высокой значимостью противодействия коррупции для обеспечения безопасности России, а также взятыми РФ обязательствами по имплементации положений международных антикоррупционных конвенций

В данной публикации изучается зарубежный опыт дифференциации уголовной ответственности за коррупционные проявления с целью рассмотрения в последующих работах возможностей его внедрения в РФ, а также рисков, сопряженных с ним. Следует отметить, что в современной юридической литературе подходы к определению дифференциации уголовной ответственности варьируются. Мы придерживаемся точки зрения А.В. Андреева и Л.В. Лобановой, согласно которой дифференциацию можно охарактеризовать как осуществляемый в рамках законотворческой деятельности по формированию уголовных законов целенаправленный процесс, результатом которого являются различные нормативные модели такой ответственности[1],[2]. Рассмотрим особенности дифференциации уголовной ответственности за коррупционные проявления на примере некоторых стран АТР. Данная публикация рассматривает уголовную ответственность за коррупционные проявление на примере таких стран как Республика Корея, Япония и Китай, что обусловлено темой нашего диссертационного исследования. УК Республики Корея перечисляет различные виды преступлений, выраженных в коррупционных проявлениях со стороны должностных лиц, в частности, взяточничестве (Глава 7, статьи 129-135). Следует отметить, что УК Республики Корея наряду с ответственностью за получение и дачу взятки предусматривает ответственность за «обещание или требование» получить или дать взятку со стороны как должностного лица, так и «лица, которое должно стать должностным лицом», при этом данные составы преступлений объединены в одну статью (ст.129), что, в сравнении с УК РФ, как кажется, не вполне рационально, т.к. создает трудности лингвистического и психологического характера при описании диспозиций последующих статей. В рамках отдельной статьи (ст.130) рассматривается взяточничество в пользу третьей стороны; ненадлежащее поведение после получения взятки и последующее взяточничество (ст.131); принятие взятки через посредников также вынесено в отдельную статью(ст.132); предложение взятки, выраженное, в частности, в «демонстрации желания дать взятку» также представляет собой отдельный состав преступления и предусматривается ст.133, однако, в данном случае установить наличие «демонстрации желания» представляется затруднительным [4].

Особенностью японского законодательства является тот факт, что нормы антикоррупционного характера содержатся во многих национальных законах Японии. В УК Японии 1907 года, действующем в редакции 1995 года, должностные преступления представлены в главе 25, под названием «Преступления, состоящие во взяточничестве». Заметим, что в данной части УК имеется ряд сходств с УК Республики Корея (например, ст.197.2. «Передача взятки третьему лицу»). Кроме того, получение, требование или предварительное получение взятки обозначены в одной статье (ст.197), где также предусмотрена ответственность для « того, кто, намереваясь

стать публичным должностным лицом… принимает или требует взятку... ». Особенностью японского УК является состав преступления, отдельно прописанный в ст. 197.3 «Получение взятки при отягчающих обстоятельствах и последующее получение взятки», а также ст. 197.4 «Получение взятки за посредничество», что являет собой существенное отличие от УК РФ, где «получение взятки» описано одной статьей (ст. 290) . В отличии от УК РФ положения о подкупе относятся только к подкупу должностного лица или посредника, ответственность за «коммерческий подкуп» предусматривается в соответствующих специальных законах[3],[6]. Дифференциация ответственности по наличию отягчающих обстоятельств и наличию новых эпизодов получения взятки представляется довольно эффективной, тогда как объединение по сути трех различных составов преступлений в одну статью затрудняет правоприменение.

УК КНР, в отличии от УК РФ, Японии и Республики Корея, содержит термин «коррупция» как таковой, а также перечень деяний, расцениваемых как коррупция[6], что, на наш взгляд, является весомым преимуществом по отношению к УК РФ. Еще одна особенность УК КНР — это разделение коррупции на индивидуальную и коррупцию организаций, т. е. Законодательством Китая предусмотрена уголовная ответственность для юридических лиц (ст. 387 УК КНР). Добавим, что, согласно УК трех рассмотренных нами стран, денежные средства и иные материальные блага, полученные незаконным (коррупционным) путем, подлежат конфискации, что прописано в соответствующих статьях Особенной части уголовных кодексов [4], [5], [6], в то время как Особенная часть УК РФ содержит статьи, описывающие непосредственно составы преступлений и предусмотренные за них санкции — ни одна статья Особенной части УК РФ не содержит описание наказания без предварительного описания самого преступления[7].

В данной статье нами были рассмотрены особенности дифференциации уголовной ответственности за коррупционные проявления в странах АТР, среди прочих и те, которые могли бы оказаться пригодными для внедрения в РФ, также был выявлен ряд отличий УК рассмотренных стран АТР от УК РФ. В то же время, спектр и специфика действий антикоррупционной направленности в странах АТР не исчерпывается выше представленным материалом, данная тема требует дальнейшего детального изучения с тем, чтобы проанализировать возможности внедрения в РФ опыта стран АТР в сфере противодействия коррупции.

Список литературы

1. Андреев А.В., Лобанова Л.В. Понятие дифференциации уголовной ответственности. Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. Выпуск № 8 / 2006, сс. 118-126.

2. Байбарин А.А. Дифференциация уголовной ответственности [Электронный ресурс]Режим доступа:http://www.rusnauka.com/18_NPM_2008/Pravo/34674.doc.htm

3. Сутормина-Гилевская М. А. Национальная антикоррупционная практика за рубежом: уроки для России [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.crime.vl.ru/index.php?p=3642&more=1

4. Уголовный кодекс Республики Корея / Науч. Редактирование и предисловие докт. юрид. наук, проф. А.И. Коробеева. - СПб.: Издательство “Юридический центр Пресс”, 2003.- 137 с.

5. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики / Под ред докт юрид наук, проф. А И Коробеева, пер с китаиского Д В Вичикова — Спб. Издательство «Юридический центр Пресс», 2001 — 303с

6. Уголовный кодекс Японии / Науч. редактирование и предисловие докт. юрид. наук, проф. А. И. Коробеева. — СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2002. — 226с.
7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 30.03.2015, с изм. от 07.04.2015) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: www.consultant.ru

УДК 343.214

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «НАСИЛИЕ», «ПРИНУЖДЕНИЕ» И «ПОНУЖДЕНИЕ» В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Масловская С.А.
научный руководитель канд. юрид. наук Питецкий В.В.
Сибирский федеральный университет

В Уголовном кодексе РФ широко используются такие схожие понятия как насилие, принуждение и понуждение, как в Общей, так и в Особенной части (напр., ст. 40, 133, 162 и 302 УК РФ и др.). Однако в законе их содержание не раскрывается. В теории же уголовного права существуют различные точки зрения, касающиеся их понимания.

Высказывается точка зрения о том, что категории принуждение и насилие являются тождественными, различие составляет лишь их лексическое обозначение. Так, А. А. Пионтковский говорит, что «насильственное воздействие на личность состоит во всяком принуждении ее к действиям, противоречащим ее желаниям»[4]. Другие ученые считают эти понятия видовыми, по отношению к которым есть родовое понятие. Например, А. С. Пучнин в качестве такового называет заставление, то есть «такое наложение воли на внутренний или внешний состав человека, которое обращается не к духовному видению и любовному восприятию заставляемой души непосредственно, а пытается понудить ее или пресечь ее деятельность»[6]. Другие авторы в качестве родового понятия выделяют воздействие[2].

Среди названных наиболее часто употребляется признак «насилие» (в более чем 70 статьях УК РФ). Например, в ст. 126 «Похищение человека» УК он является квалифицирующим обстоятельством, в ст. 131 «Изнасилование» УК насилие является основным способом совершения деяния. Тем не менее, легального определения насилия уголовный закон не дает.

В юридической литературе можно встретить разные точки зрения, по поводу определения данного понятия. Р. Д. Шараповым насилие определяется как преступное посягательство на личную безопасность человека в виде умышленного неправомерного причинения физического или психического вреда потерпевшему вопреки его воле путем энергетического (физического) или информационного (психического) воздействия на организм (органы, ткани, физиологические функции, психику) человека[10].

Сердюк Л.В. считает, что насилие - это внешнее со стороны других лиц умышленное и противозаконное воздействие на человека, осуществляемое помимо или против его воли и способное причинить ему органическую, физиологическую или психическую травму, и ограничить свободу его волеизъявления или действия[7].

Г. Н. Хлупина дает следующее определение: «насилие – это противоправное воздействие на организм другого человека помимо или против его воли»[9].

В теории уголовного права насилие делится на физическое и психическое. В самом уголовном законе такого деления нет, его можно вывести из составов преступлений, которые включают в себя угрозу применения насилия, т.е. психическое насилие, и непосредственно термин «насилие», который обозначает физическое насилие.

Таким образом, по-моему мнению, насилие – это умышленное незаконное воздействие на лицо, его психическую и физическую составляющую, помимо или против его воли.

Признаку «принуждение», как и насилию прямого легального определения в законе не дается. В науке уголовного права принуждение определяется как умышленное, общественно опасное, противоправное воздействие на лицо, осуществляемое путем физического или психического насилия, а также путем иных незаконных действий (бездействий) с целью заставить данное лицо совершить какие-либо действия или воздержаться от их совершения[5].

Закон делит принуждение на физическое и психическое. Под физическим принуждением понимается – насильственное воздействие на лицо с помощью применения к нему физической силы, ударов, нанесения телесных повреждений или побоев, применения пыток, связывания или иного насильственного ограничения его свободы с целью добиться от этого лица нужного воздействующему поведения, в том числе нужного бездействия[8]. Под психическим принуждением понимают угрозу применения физического насилия, причинения материального или морального ущерба, которая носит конкретный, реальный характер и может быть немедленно исполнена[3]. Специфика психического насилия, как указывает А. И. Бойцов, заключается в информационном воздействии на психическую подструктуру другого человека[1].

В ст. 302 УК РФ «Принуждение к даче показаний» законодатель обозначил следующие возможные формы принуждения: применение угроз, шантаж, иные незаконные действия, насилие, издевательства или пытки.

Признак «понуждение» употребляется в ст. 133 УК РФ «Понуждение к действиям сексуального характера». В соответствии с данной нормой, формами понуждения являются: шантаж; угроза уничтожения, повреждения или изъятия имущества; использование материальной и иной зависимости потерпевшего. Можно заметить, что понуждение предполагает только психические способы воздействия, не связанные с насилием.

Таким образом, объединяет понятия «принуждение», «насилие» и «понуждение» такой признак как воздействие одного лица на другое против или помимо воли последнего. В результате такого воздействия возникает ограничение или утрата свободы выбора лица.

Разграничение исследуемых категорий можно провести по следующим основаниям.

Во-первых, самым широким понятием среди вышеназванных будет являться принуждение. Это связано с тем, что оно включает в себя разновидности и способы осуществления принуждения, такие как насилие и понуждение. При этом насилие будет разновидностью физического принуждения, а психическое насилие разновидностью психического принуждения, выраженное в угрозах. Понуждение является одним из способов психического принуждения, которое выражается в наиболее мягких формах осуществления принуждения и не связано с насилием.

Во-вторых, обязательным признаком принуждения является наличие цели – принудить лицо действовать или бездействовать вопреки его воли. В содержательной же стороне понятия насилия указанная цель не выступает в качестве обязательного признака, т.к. возможны случаи применения насилия в иных целях (например, действия киллера).

В-третьих, что касается понуждения, то оно ограничено лишь психическим воздействием, при котором воля потерпевшего ограничивается без применения насилия и при этом полностью не подавляется. Лицо может самостоятельно воспрепятствовать понуждению, хотя и под угрозой причинения вреда другим правоохраняемым интересам.

Список литературы

1. Бойцов А.И. Преступления против собственности. Санкт-Петербург 2002. 775с.

2. Кобозева Т.Ю. Принуждение и смежные категории в Уголовном кодексе Российской Федерации // Бизнес в законе, 2008. – № 2. – С. 142-144.

3. Орехов В.В. Необходимая оборона и иные обстоятельства, исключающие преступность деяния. Санкт-Петербург: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003. 217 с.

4. Пионтковский А.А. Преступления против личности. Москва, 1938. 136 с.

5. Попов Д.В. К вопросу о соотношении уголовно-правовых понятий: принуждение и насилие. // Актуальные вопросы уголовного права современной России. Сб. научных трудов. Уфа: БашГУ, 2003. С. 83-86.

6. Пучнин А.С. Принуждение и право: дисс. … к.ю.н., Тамбов. 1999. С. 64-65.

7. Сердюк Л.В. Насилие: криминологическое и уголовно-правовое исследование. Москва: Изд-во "Юрлитинформ", 2002. 234 с.

8. Уголовное право России: Общая часть / Под ред. А.И. Рарога. 3-е изд., с изм. и доп. Москва: Эксмо, 2009. 496 с.

9. Хлупина Г.Н. Квалификация нескольких преступлений: учеб. пособие / Г.Н. Хлупина. Красноярск: ИПК СФУ, 2009. 74 с.

10. Шарапов Р.Д. Насилие в уголовном праве: Понятие, квалификация, совершенствование механизма уголовно-правового предупреждения: дисс. … докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2006. 418 с.

УДК 343.352.3

СУБЪЕКТЫ ОКАЗАНИЯ ПРОТИВОПРАВНОГО ВЛИЯНИЯ НА РЕЗУЛЬТАТ ОФИЦИАЛЬНОГО СПОРТИВНОГО СОРЕВНОВАНИЯ (Ч. 3, 4 СТ. 184 УК РФ)

Матыцин И.В.
научный руководитель д-р юрид. наук Шишко И.В.
Сибирский федеральный университет

К субъектам преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 184 УК РФ относятся *спортсмен, тренер, руководитель спортивной команды и другие участники*, к субъектам преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 184 УК РФ относятся *спортивный судья, организатор официального спортивного соревнования*[1].

Понятия спортсмен, тренер, спортивный судья, организатор даны Законодателем в ст. 2 ФЗ "О физической культуре и спорте в Российской Федерации"[2]:

Согласно п. 22 ст. 2 ФЗ "О физической культуре и спорте в Российской Федерации" *спортсмен* - физическое лицо, занимающееся выбранными видом или видами спорта и выступающее на спортивных соревнованиях; согласно п. 24 ст. 2 ФЗ "О физической культуре и спорте в Российской Федерации" *тренер* - физическое лицо, имеющее соответствующее среднее профессиональное образование или высшее образование и осуществляющее проведение со спортсменами тренировочных мероприятий, а также осуществляющее руководство их состязательной деятельностью для достижения спортивных результатов; согласно п. 21 ст. 2 ФЗ "О физической культуре и спорте в Российской Федерации" *спортивный судья* - физическое лицо, уполномоченное организатором спортивного соревнования обеспечить соблюдение правил вида спорта и положения (регламента) о спортивном соревновании, прошедшее специальную подготовку и получившее соответствующую квалификационную категорию; согласно п. 8 ст. 2 ФЗ "О физической культуре и спорте в Российской Федерации" *организатор физкультурного мероприятия или спортивного мероприятия* - юридическое или физическое лицо, по инициативе которого проводится физкультурное мероприятие или спортивное мероприятие и (или) которое осуществляет организационное, финансовое и иное обеспечение подготовки и проведения такого мероприятия.

Определение понятия «другие участники официального спортивного соревнования» отсутствует как в ФЗ "О физической культуре и спорте в Российской Федерации", так и в остальном Федеральном Законодательстве РФ. В толковом словаре Ожегова *участник* определяется как «Тот, кто участвует, участвовал в чём-н.»[3] Так в Постановлении муниципального образования, касающегося порядка проведения спортивных мероприятий, приведён следующий перечень участников: *спортсмены, судьи, тренеры, специалисты (механики, ремонтники, хореографы, аккомпаниаторы, электрики, техники), а также другие специалисты*.»[4].

Попробуем разобраться, чем вызвано включение столь обширного круга лиц в качестве субъектов преступления, предусмотренного ч. 3,4 ст. 184 УК РФ. В пояснительной записке к проекту федерального закона "О внесении изменений в Федеральный закон "О физической культуре и спорте в Российской Федерации" и некоторые законодательные акты Российской Федерации в целях предотвращения противоправного влияния на результаты официальных спортивных соревнований" указывалось, что целью принятия данного закона является борьба с таким явлением, как организация и проведение "договорных" матчей[5].

В 2012 г. были опубликованы результаты многолетней работы организаций нескольких стран по исследованию коррупции в спорте, в частности французского Института Международных и Стратегических Отношений, английского университета Селфорда (Манчестер), китайского Центра Лотерейных Исследований (Пекин)[6].

Исходя из реальных случаев коррупции (как установленной на основании приговоров суда, так и предполагаемой на основании непривычно больших ставок на наименее вероятный результат) с достаточной уверенностью можно говорить о том, что в одиночных видах спорта спортсмены могут легко «подстроить» матчи – к примеру, в большом теннисе достаточно не слишком быстро бегать и недостаточно сильно бить по мячу, в групповых соревнованиях на результат в значительной степени могут повлиять опорные игроки, вратарь, а лучше сразу несколько заранее договорившихся спортсменов; в меньшей степени могут повлиять судьи.

Из анализа многих случаев договорных матчей, было выявлено, что в коррупции чаще всего замешаны спортсмены или рефери (как правило, только при уже неудавшейся попытке подкупа спортсменов) и значительно реже член совета клуба или спортивного управления. Тренер может изменить состав команды на более слабый, а также поместить игроков в непривычные позиции (поместить нападающего на позицию полузащитника). У медицинских сотрудников также есть доступ к игрокам, и на момент матча игроки могут оказаться не в пиковой физической форме.

Наконец, результат соревнований может быть искажен обслуживающим персоналом. Данный факт имел место в 1997 г., когда несколько матчей чемпионата в английской Премьер-лиге были прерваны на первых минутах отключениями электричества. Технический персонал стадиона выключил огни, чтобы заморозить счет матча (в спортивных тотализаторах азиатских стран, если матч был прерван по техническим причинам, счет матча в момент прерывания считается окончательным)[6].

Таким образом, широкое толкование понятий «участников официального спортивного мероприятия» является обоснованным и объясняется возможностью широкого круга лиц оказать противоправное влияние на его результат.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации. [Электронный ресурс] : федер. закон от 13.06.1996 N 63-ФЗ ред. от 13.07.2015. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru.

2. О физической культуре и спорте в Российской Федерации. [Электронный ресурс] : федер. закон от 04.12.2007 N 329-ФЗ ред. от 05.10.2015 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru.

3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка : словарь / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова – Москва : Просвещение, 1990; 1992 с.

4. Об утверждении норм расходов на проведение спортивных мероприятий, порядка проведения спортивных мероприятий и участия в них [Электронный ресурс] : Постановление Главы муниципального образования Приуральского района Ямало-Ненецкого автономного округа от 26 июля 2005 г. № 300 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru.

5. К проекту Федерального Закона "О внесении изменений в Федеральный закон "О физической культуре и спорте в Российской Федерации" и некоторые законодательные акты Российской Федерации в целях предотвращения противоправного влияния на результаты официальных спортивных соревнований" [Электронный ресурс] : пояснительная записка // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru.

6. Sports betting and corruption. How to preserve the integrity of sport / Boniface Pascal, Forrest David [and oth.] - Lausanne, Switzerland : SportsAccord, 2012. - 94 p.

УДК 343.77

К ВОПРОСУ О ПРЕДМЕТЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 258.1 УК РФ

Михайлина А.А.
научный руководитель канд. юрид. наук Качина Н.В.
Сибирский федеральный университет

02 июля 2013 г. перечень экологических преступлений пополнился за счет включения новой статьи 258.1 УК РФ, которая предусматривает уголовную ответственность за незаконную добычу и оборот особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу РФ и (или) охраняемых международными договорами РФ.

Предметом данного преступления являются особо ценные дикие животные и водные биологические ресурсы, которые занесены в Красную книгу РФ и (или) охраняются международными договорами РФ, а также их части и производные. Однако далеко не все ценные дикие животные и водные биологические ресурсы поставлены под охрану нормами ст. 258.1 УК РФ. В Постановлении Правительства РФ от 31 октября 2013 г.[1] исчерпывающе перечислены особо ценные животные, которые охраняются ст. 258.1 УК РФ.

Красная книга РФ является официальным документом, содержащим сведения о редких и находящихся под угрозой исчезновения видов диких животных и дикорастущих растений и грибов, обитающих (произрастающих) на территории РФ, континентальном шельфе и в исключительной экономической зоне РФ[2]. Объекты животного мира, занесенные в Красную книгу РФ, подлежат особой охране, и, находящиеся под охраной международных договоров также нуждаются в особой охране в связи с угрозой их исчезновения. В Красной книге РФ по статусу редкости, а значит и особой экологической ценности, выделяют пять категорий животных: 0 - вероятно исчезнувшие; 1 - находящиеся под угрозой исчезновения; 2 - сокращающиеся в численности; редкие; неопределенные по статусу; восстанавливаемые и восстанавливающиеся.

В Конвенции о международной торговле видами дикой флоры и фауны, находящимися под угрозой исчезновения объекты животного мира поделены на три категории. В основу деления также поставлена их экологическая ценность: I категория - все виды, находящиеся под угрозой вымирания; II категория - все виды, которые хотя в данное время не находятся обязательно под непосредственной угрозой вымирания, но могут стать таковыми; III категория - все виды, которые по определению любой Стороны должны подвергнуться регулированию в пределах ее собственной юрисдикции.

Представляется, что к особо ценным, исходя из их экологической ценности и редкости, должны относится те, которые и в Красной книге РФ и в указанной Конвенции включены в первую категорию. Вместе с тем, согласно отмеченного выше перечня, это не совсем так. Конечно, в этот перечень включены некоторые объекты

[1] Постановление Правительства РФ от 31.10.2013 № 978 "Об утверждении перечня особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации, для целей статей 226.1 и 258.1 Уголовного кодекса Российской Федерации" // СЗ РФ. 11.11.2013. № 45. Ст. 5814

[2] Приказ Госкомэкологии РФ от 03.10.1997 № 419-а "Об утверждении Порядка ведения Красной книги Российской Федерации" // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 1998.№ 2.

животного мира, которые в указанных нормативных правовых актах отнесены к первой категории. Однако в указанном перечне есть те дикие животные и водные биологические ресурсы, которые относятся ко второй категории, а значит не находятся под критической угрозой исчезновения. Вместе с тем, некоторые объекты животного мира, хотя и включены в первую категорию на основании международных и российских нормативных правовых актов, но согласно перечню к особо ценным не относятся.

Возникает закономерный вопрос: почему именно эти объекты животного мира поставлены под особую охрану уголовным законом. В этой связи отметим, что в ст. 258 УК РФ предусмотрена ответственность за незаконную охоту в отношении птиц и зверей, охота на которых полностью запрещена. Безусловно, речь идет о тех видах диких животных, которые занесены в Красную книгу РФ и охраняются международными договорами. Однако сравнение санкций указанных уголовно-правовых норм позволяет прийти к выводу, что ответственность за добычу особо ценных диких животных, которые внесены в указанный выше перечень, строже. Поэтому, если происходит добыча особо ценных диких животных, включенных в указанный выше перечень, то ответственность наступает по ст. 258.1 УК РФ (наказание до трех лет лишения свободы), если же происходит добыча других ценных диких животных, которые занесены в Красную книгу и охраняются международными договорами, то применению подлежит норма об ответственности за незаконную охоту в отношении птиц и зверей, охота на которых полностью запрещена (наказание в виде лишения свободы не предусмотрено). По нашему мнению, очевиден неравнозначный подход законодателя к охране редких диких животных, имеющих особую экологическую ценность.

Кроме того, в ст. 256 УК РФ повышенная ответственность в отношении ценных водных биологических ресурсов, занесенных в Красную книгу и охраняемых международными договорам, не предусмотрена. Только в ч. 2 ст. 256 УК РФ содержится норма об ответственность за незаконную добычу морских млекопитающих, но совершенную в запретной зоне. Ответственность за данные деяния значительно мягче, чем за добычу особо ценных водных биологических ресурсов. Как видно, охрана экологически ценных и редких объектов животного мира осуществлена законодателем не только не равноценно, но и не полноценно.

Исходя из того, что занесенные в Красную книгу РФ и охраняемые международными договорами дикие животные и водные биологические ресурсы уже признаны особо ценными и нуждающимися в особой охране, то и в уголовном законодательстве ответственность за их добычу должна быть повышена в сравнении с теми объектами животного мира, которые в такой охране не нуждаются ввиду высокой численности их популяций. Правовым решением обозначенной проблемы была бы охрана всех диких животных и водных биологических ресурсов, занесенных в Красную книгу РФ и охраняемых международными договорами, нормами ст. 258.1 УК РФ.

Список литературы

1. Постановление Правительства РФ от 31.10.2013 № 978 "Об утверждении перечня особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации, для целей статей 226.1 и 258.1 Уголовного кодекса Российской Федерации" // СЗ РФ. 11.11.2013. № 45. Ст. 5814

2. Приказ Госкомэкологии РФ от 03.10.1997 № 419-а "Об утверждении Порядка ведения Красной книги Российской Федерации" // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти 1998.№ 2.

УДК 343.412

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ КРИТЕРИИ ЭКСТРЕМИЗМА

Москалев Г.Л.,
канд. юрид. наук, ст. преподаватель
Сибирский федеральный университет

Согласно Стратегии национальной безопасности до 2020 года, одним из направлений ее обеспечения является совершенствование правоохранительных мер по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию актов экстремизма. Обеспечение государственной и общественной безопасности предполагает усиление роли государства в качестве гаранта безопасности личности, совершенствование нормативного правового регулирования предупреждения и борьбы с экстремизмом [2].

Указанная задача далека от реализации. По данным статистики отмечается тенденция стабильного снижения численности зарегистрированных преступлений в России в 2010 - 2013 гг. на 16,1% [8]. Однако развитие зарегистрированных преступлений экстремизма в нашей стране характеризуется обратной динамикой. Выступая на расширенной коллегии Генеральной прокуратуры, Президент России В.В. Путин призвал решительнее реагировать на любые попытки разжигания межнациональной и межрелигиозной вражды, на пропаганду ксенофобии и шовинизма.

Выполнение поставленных задач требует правильного понимания уголовного закона. Для этого определим уголовно-правовые критерии экстремизма.

Круг деяний, подпадающий под понятие экстремизма, обозначен в ст.1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» [1]. Однако далеко не все, перечисленные в данном акте, действия имеют уголовно-правовое значение. Проявления экстремизма на криминальном уровне именуются преступлениями экстремистской направленности. Различный перечень деяний, охватываемых названной категорией, приводится в доктрине [9; 10; 12] и в подзаконных правовых актах [3]. Руководствуясь буквой закона (Примечание 2 к ст. 282.1 УК РФ), к данной разновидности преступлений следует относить деяния, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. Нетрудно заметить, что внутреннее побуждение, которым руководствуется лицо при совершении преступления экстремистской направленности, характеризуется ненавистью или враждой. Эти понятия в данном контексте следует воспринимать как синонимичные [11]. Их разделение не имеет практического значения.

На наличие экстремистского мотива на практике могут указывать самые разнообразные обстоятельства. Так, по одному из дел среди обстоятельств, позволивших суду обнаружить экстремистскую мотивацию, были отмечены оскорбления со стороны виновных, основанные на национальности потерпевшего, в процессе его избиения; отсутствие повода для нападения; тот факт, что нападение не затронуло троих русских, находившихся с потерпевшим [7]. В другом случае экстремистский мотив был обнаружен, поскольку виновные выбирали в качестве объекта для нападения людей с нерусской внешностью, а одежда и внешний вид виновных во время совершения преступлений были характерны и полностью соответствовали атрибутам националистического движения бритоголовых [6].

Ошибочно было бы утверждать, что принадлежность виновного и потерпевшего к одной и той же группе может гарантировать отсутствие экстремистского мотива. «В качестве примера интересно следующее уголовное дело. Большечерниговским районным судом Самарской области 26 сентября 2008 г. Алабердина Р.Г. признана

виновной по ч. 2 ст. 119 УК РФ. Судом установлено, что Алабердина в ходе ссоры с Н., башкиркой по национальности, действуя из ненависти к лицам башкирской национальности, размахивала лопатой и высказывала в адрес Н. угрозы физической расправы, выкрикивая: "Я вас убью, ненавижу башкир!". Примечательно, что сама осужденная имеет отца - башкира, носит башкирскую фамилию, одинаково говорит на русском и башкирском языках. Суд квалифицировал действия осужденной по признаку мотива национальной ненависти, обосновав это тем, что ссора с Н. возникла без видимых причин, акцент в ходе высказывания угроз Алабердина сделала непосредственно на национальной принадлежности потерпевшей» [11].

Дискуссионным признается вопрос о возможности совершения таких деяний с несколькими мотивами. С одной стороны, УК РФ предусматривает ответственность за хулиганство, конструктивными признаками субъективной стороны которого по п.б ч.1 ст.213 УК РФ являются два обязательных мотива: экстремистский и хулиганский. Судебные решения с квалификацией деяния с двумя мотивами имели место на практике и по другим преступлениям [5]. В качестве примера приведем дело Шпака и др., которые, «помимо совершения ряда разбойных нападений и убийств, в одном случае решили завладеть машиной и имуществом не всякого, а именно нерусского человека. Для этого тормозили машины, выбирая ту, где водителем окажется лицо неславянской внешности. Верховный Суд согласился с квалификацией содеянного одновременно и по п. "з", и по п. "л" ч. 2 ст. 105 УК РФ» [15]. Однако, практика изменилась и с 2011 года подобные решения исчезли. Причиной стали разъяснения, п.3 Постановления Пленума Верховного суда РФ «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности», согласно которому квалификация преступлений против жизни и здоровья, совершенных по экстремистским мотивам исключает возможность одновременной квалификации содеянного по другим пунктам, предусматривающим иной мотив преступления (например, из хулиганских побуждений) [4]. Стоит лишь отметить, что изменения в судебной практике не сняли теоретическую дискуссию и многие исследователи негативно оценивают изложенную позицию высшего судебного органа страны [14].

Указанное Постановление Пленума также актуализировало дискуссию о перечне преступлений экстремистской направленности. Как было отмечено выше, критерием отнесения преступления к этому перечню является экстремистский мотив. На основании этого законодательного положения в науке сформировались позиции относительно количества преступлений экстремистской направленности [13]. Согласно узкому подходу, данная категория охватывает лишь преступления, которые предусматривают экстремистский мотив в качестве обязательного признака субъективной стороны. Широкий подход добавляет в этот перечень любые деяния, совершенные по экстремистским мотивам и требующие при квалификации ссылки на п.е ч.1 ст.63 УК РФ. Может показаться, что Пленум Верховного суда воспринял последнюю позицию, однако в п.2 своего постановления среди примеров преступлений экстремистской направленности указал и ст. 280 и 282 УК РФ. Проблема состоит в том, что эти преступления не содержат в своем составе обязательный мотив. При этом данные деяния могут совершаться и по не экстремистским побуждениям. Например, «если лицо, действуя исключительно из корыстных побуждений, получив вознаграждение, публично призывает к осуществлению экстремистской деятельности» [15]. Такая логика приводит исследователей к выводу: ст. 280 и 282 УК РФ стоит отнести к преступлениям экстремистской направленности только в тех случаях, когда они совершены по экстремистским мотивам [15].

Вторая, позиция относит эти деяния к преступлениям экстремистской направленности по признаку «двойной противоправности: в ст. 1 Федерального закона

«О противодействии экстремистской деятельности» эти деяния отнесены к экстремизму, а согласно УК РФ они признаются преступлениями» [13]. Отсюда делается вывод, что эти деяния являются проявлением преступного экстремизма [13]. Со своей стороны заметим, что последняя позиция вынуждает нас констатировать наличие преступных проявлений экстремизма, помимо преступлений экстремистской направленности.

Список литературы

1. Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 27.05.2002 № 114-ФЗ // СЗ РФ. – 2002. – №30. – Ст. 3031.
2. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. Утверждена Указом Президента РФ от 12.05.2009 № 537 // СЗ РФ. – 2009. – №20. – Ст. 2444.
3. Приказ Генеральной прокуроры РФ «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии экстремистской деятельности» от 19.11.2009 № 362 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» от 28.06.2011 № 11 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2011. – № 8.
5. Определение Верховного Суда РФ от 23.08.2006 г. №5-о06-92 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru.
6. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 20.02.2007 №4-о07-15 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru.
7. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 20.02.2007 №4-007-15 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2008. – № 5.
8. Авдеев, В. А., Авдеева, О. А. Основные направления реализации уголовно-правовой политики РФ в сфере предупреждения преступности: сравнительный анализ федеральных и региональных начал / В. А. Авдеев, О. А. Авдеева // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2014. – № 2. – С. 47–61.
9. Волков, Н. В. Экстремизм как крайняя форма сепаратизма: проблема определения социально-правовой сущности феномена / Н. В. Волков // История государства и права. – 2006. – № 9. – С. 4–5.
10. Истомин, А. Ф., Лопаткин, Д. А. К вопросу об экстремизме / А. Ф. Истомин, Д. А. Лопаткин // Современное право. – 2005. – № 7. – С. 19–24.
11. Кунашев, А. А. Актуальные вопросы квалификации преступлений экстремистской направленности / А. А. Кунашев // Прокурор. – 2013. – № 2. – С. 94–98.
12. Погодин, И. В. Практика рассмотрения дел о преступлениях экстремистской направленности районными судами / И. В. Погодин // Уголовное судопроизводство. – 2011. – № 4. – С. 20–23.
13. Хлебушкин, А. Преступления экстремистской направленности / А. Хлебушкин // Российский следователь. – 2011. – № 4. – С. 28–30.
14. Хлебушкин, А. Постановление Пленума Верховного Суда РФ "О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности" / А. Хлебушкин // Уголовное право. – 2011. – № 6. – С. 54–60.
15. Яни, П. С. Квалификация преступления экстремистской направленности / П. С. Яни // Российская юстиция. – 2011. – № 10. – С. 11–16.

УДК 343.61

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ЭВТАНАЗИЮ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ И ГЕРМАНИИ

Нарожная А.О.
научный руководитель канд. юрид. наук Долголенко Т.В.
Сибирский федеральный университет

Эвтаназия - слово, которое с каждым днем мы слышим все чаще и чаще. Вопрос об эвтаназии стоит очень остро. Существует множество аспектов данной проблемы. Религиозные, политические, философские, этические, медицинские и, конечно, юридические грани эвтаназии не позволяют быстро найти консенсус. Подтверждением чрезвычайной актуальности это темы служит тот факт, что этот вопрос обсуждался на исторической встрече главы Русской православной церкви Кирилла и главы Римско-католической церкви Франциска. В пункте 21 принятой ими Декларации они выразили свое негативное отношение к распространению эвтаназии, которая приводит к тому, что престарелые и больные начинают ощущать себя чрезмерным бременем для своих близких и для общества в целом. Они напомнили, что манипулирование человеческой жизнью есть посягательство на основы бытия человека, который был сотворен по образу Божию[1].

Сравним непосредственно, как законодательно закреплен запрет на ассистируемый суицид в России и Германии. В соответствии со ст. 45 Федерального закона Российской Федерации "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации" эвтаназия представляет собой "удовлетворение медицинским персоналом просьбы больного об ускорении его смерти какими-либо действиями или средствами, в том числе прекращением искусственных мер по поддержанию жизни» [2] . Запрет на это содержит текст клятвы врача. В статье 71 этого же закона сказано, что "получая высокое звание врача и приступая к профессиональной деятельности, я торжественно клянусь... никогда не прибегать к осуществлению эвтаназии". На данный момент Российское уголовное право исходит из той точки зрения, что согласие больного на убийство не должно рассматриваться в качестве обстоятельства, исключающего преступность деяния. Таким образом, действующее уголовного законодательства РФ относительно эвтаназии придерживается того, что: это убийство - умышленное, неправомерное лишение жизни другого человека[3].

Что касается законодательства Германии, то статья 2 абзац 2 Конституции ФРГ говорит о том, что каждый имеет право на жизнь и физическую неприкосновенность. Свобода личности ненарушима. В эти права вмешательство допустимо только на основании закона[4]. В правилах профессионального поведения докторов в параграфе § 16: «Помощь умирающим: врачи помогают умирающим с соблюдением их чести и уважением их воли. Запрещено убивать пациентов по их просьбе. Вы не имеете права оказывать помощь в совершении самоубийства» [5]. Обратимся к Уголовному кодексу Германии. Параграф § 216 Tötung auf Verlangen - убийство по требованию. «Если установлено, что лицо через ясное и серьезное требование потерпевшего совершило убийство, то это лицо приговаривается к лишению свободы сроком от 6 месяцев до 5 лет. Покушение на такое убийство также преследуется по закону» [6]. Историческое значение имеет тот факт, что 3 декабря 2015 вступил в силу закон, вносящий поправку в УК ФРГ и вводя новую статью 217. § 217 Geschäftsmäßige Förderung der Selbsttötung – организация содействия самоубийству. Она говорит о том, что тот, кто с целью содействия в совершении самоубийства, для этого организует такую возможность, предоставляет или опосредует - наказывается лишением свободы сроком до 3 лет или

денежным штрафом. Не являются соучастниками лица, которые не принимают участия в организации и (или) являются родственниками или близкие лица. Это означает, что деятельность организаций по помощи в эвтаназии на территории Германии запрещена. (Например, деятельность организаций «Dignitas» и «Sterbehilfe Deutschland»). В свою очередь лица, которые такие организации искали или иным способом содействовали (например, родственники или близкие друзья по просьбе потерпевшего) не преследуются по закону.

Несмотря на то, что есть запрет эвтаназии в этих двух странах, остается множество нерешенных вопросов. Во-первых, в немецком праве не употребляется слово «Euthanasia» (эвтаназия), а используется термин «Sterbehilfe» (помощь в смерти), что на практике обозначат то же, что и эвтаназия, но легальная дефиниция в законодательстве Германии отсутствует. Во-вторых, недостаточно ясно, кого считать действующим «организованно» в этом случае. Бундестаг в обосновании законопроекта указывает, что здесь главным признаком является не получение прибыли, а достаточно того факта, что преступник совершает повторение однородных действий в отношении объекта своей деятельности. Или же происходит эвтаназия, как запланированная деятельность в форме регулярной оферты (предложения). Таким образом, не содержит признаков состава данного преступления единичные случаи или действия, совершенные по альтруистически мотивам, часто из-за особой личной связи с потерпевшим[7]. На мой взгляд, представляется сложным доказывание разовых действий и действий повторяющегося (организованного) характера, также как и определить «альтруистический» мотив. Помимо этого, стоит вопрос об организациях, до этого действующих «в серой зоне права», кто конкретно несет ответственность, ведь до сих пор уголовный кодекс не признает субъектом преступления юридические лица. В Российской Федерации все еще менее урегулировано. Мотив сострадания, указанный в перечне смягчающих обстоятельств, предусмотренном в ст. 61 УК Российской Федерации, может быть учтен лишь при назначении наказания виновному лицу, но не при квалификации деяния. Квалификация по мотиву сострадания будет происходить по ч. 1 ст. 105 УК РФ, т.е. как простое убийство[8]. Но при этом нет отдельной статьи, предусматривающей уголовную ответственность за осуществление эвтаназии, в Уголовном кодексе. Мне стоит согласиться со многими авторами, указывающими на острую необходимость внесения в Уголовный кодекс РФ привилегированного состава убийства из сострадания, а также предусмотреть уголовную ответственность за организованную деятельность по оказанию помощи в осуществлении эвтаназии.

Список литературы

1. Gesetz zur Strafbarkeit der geschäftsmäßigen Förderung der Selbsttötung. Gesetzentwurf. Begründung. [Электронный ресурс]: Законопроект. Обоснование от 01. 07.2015. – Режим доступа: http://dipbt.bundestag.de/extrakt/ba/WP18/678/67860.html
2. Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland [Электронный ресурс]: конституция ФРГ от 23.05.1949 г. – Режим доступа: http://www.bundestag.de
3. (Muster-)Berufsordnung für die in Deutschland tätigen Ärztinnen und Ärzte (Stand 2015) [Электронный ресурс]: професссиоальный кодекс для практикующих в Германии врачей от 27.05.2015. – Режим доступа: http://www.bundesaerztekammer.de
4. Strafgesetzbuch (Deutschlands) [Электронный ресурс]: уголовный кодекс ФРГ от 15. 05.1871. – Режим доступа: https://www.gesetze-im-internet.de/stgb/

5. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федер. закон Российской Федерации от от 21.11.2011 N 323-ФЗ // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru
6. Совместное заявление Папы Римского Франциска и Святейшего Патриарха Кирилла. 12.022016. – Режим доступа: http://www.patriarchia.ru/db/text/4372074.html
7. Уголовный кодекс Российской Федерации. М.: Проспект, Кнорус, 2014. 222 с.

УДК 343.2/.7

ПУБЛИЧНОСТЬ КАК СПОСОБ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 205.2 УК РФ

Никитенко С.В.
научный руководитель ст. преподаватель Москалёв Г.Л.
Сибирский федеральный университет

Статья 205.2 УК РФ (публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма) была включена в УК РФ 27 июля 2006 года ФЗ от 27.07.2006 № 153-ФЗ в связи с реализацией ч. 2 ст. 5 Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма (от 16.05.2005 г., ETS № 196). Хотелось бы акцентировать внимание на трудностях при установлении публичности.

Относительно содержания способа публичности существуют различные позиции. Одни авторы считают, что публичность подразумевает направленность действий в отношении неопределённого круга лиц[1, с. 801]. Согласно п. 18 Постановления Пленума Верховного Суда от 09.02.2012 № 1 публичность определяется через обращение к другим лицам, т.е. в отношении двух и более лиц. Однако, практика знает случаи, когда публичным было признано деяние, осуществлённое в отношении определённого круга лиц. Существует также позиция, согласно которой публичность предполагает обращение к широкому кругу людей (к массам или толпе)[2, с. 408].

Согласно п. 19 Постановления Пленума № 1 вопрос о публичности призывов или оправдания терроризма должен разрешаться судами с учетом места, способа, обстановки и других обстоятельств дела (обращения к группе людей в общественных местах, на собраниях, митингах, демонстрациях, распространение листовок, вывешивание плакатов, размещение обращений в информационно-телекоммуникационных сетях общего пользования, включая сеть Интернет, например, на сайтах, форумах или в блогах, распространение обращений путем массовой рассылки электронных сообщений и т.п.). Таким образом, признак публичности оправдания аналогичен по содержанию признаку публичности при призывах. Думается, что анализ указанных в Постановлении примеров позволит установить типичные признаки публичности.

Рассмотрим «обращения к группе людей в общественных местах, на собраниях, митингах, демонстрациях». Согласно ч. 1 ст. 35 УК РФ группу образуют два и более лиц. Единственное определение общественного места дано в ст. 20.20 КоАП РФ и п. 2, 3 ст. 16 ФЗ от 22.11.1995 № 171-ФЗ. К таким местам относятся: улица, стадион, сквер, парк и др. Для этих мест характерна общедоступность и открытость. Собрания, митинги и демонстрации являются формами публичного мероприятия, для которого характерны: открытый и мирный характер, доступность каждому (ст. 2 ФЗ от 19.06.2004 № 54-ФЗ).

Следующие способы – распространение материальных носителей (листовки или плакаты). Состав преступления будет окончен, когда в общественном месте будут размещены хотя бы одна листовка или плакат[1, с. 802]. Сам факт размещения листовки (плаката) ещё не свидетельствует о публичности деяния. Важно место размещения – оно должно быть общественным. По мнению автора, средства совершения преступления, их содержание должны быть доступны к восприятию и пониманию в силу следующего. Преступление окончено с момента осуществления призыва или доведения заявления до сведения третьих лиц[1, с. 802]. Однако, если текст листовки непонятен, «доведение до сведения» отсутствует, следовательно, отсутствует и состав оконченного преступления (деяние следует рассматривать в качестве покушения).

Наконец, совершение деяния с использованием электронных средств. Информационно-телекоммуникационная сеть общего пользования – технологическая система, предназначенная для передачи по линиям связи информации, доступ к которой осуществляется с использованием средств вычислительной техники (ст. 2 ФЗ от 27.07.2006 № 149-ФЗ), использовать которую может неопределённый круг лиц. Общий характер доступа обуславливает множественность адресатов. Корпоративные сети также могут быть использованы при условии, что исполнитель заранее не определил конкретный круг реципиентов. Кроме того, правоприменитель (в п. 18 Постановления Пленума № 1) упоминает, что публичным может быть признана массовая рассылка сообщений. В данном случае, массовость представляет собой оценочную категорию, которая предполагает относительную множественность действий.

Таким образом, признаки публичности таковы: направленность деяний в отношении двух и более лиц, которые персонально не определённы; общедоступность и открытость места совершения деяний; доступность призывов и оправдания к восприятию и пониманию.

Обратимся к судебной практике. Обширна категория дел, в которой средством совершения преступления выступают Интернет-ресурсы. Так, согласно приговору Ивановского районного суда по делу № 1 – 207/2010 от 11 января 2011 г., подсудимая, используя мобильный телефон, допустила в теме форума однозначно трактуемые высказывания. Согласно приговору Дальнереченского районного суда по делу от 17 июня 2011 г., подсудимый при помощи личного компьютера, разместил на форуме сайта статью, которая содержала наказуемые высказывания. Наконец, согласно приговору Центрального районного суда г. Хабаровска по делу № 1-№/14 от 30 мая 2014, подсудимый напечатал и разместил наказуемые высказывания в социальной сети «Мой мир». Существуют дела с использованием страниц социальной сети «ВКонтакте» (апелляционное постановление Верховного Суда Карачаево-Черкесской Республики по делу № 22-129/2015 от 26 мая 2015 г.). Суд акцентировал внимание на том факте, что указанные материалы были размещены в свободном доступе.

Встречаются и иные способы совершения. Так, согласно приговору Ленинского районного суда г. Кирова по делу № 1-586/2010 от N ноября 2010 г., подсудимый в ходе митинга, обращаясь к большому количеству участников митинга, произнёс речь, умышленно использовав в своём выступлении наказуемые высказывания. Суд обосновал публичность обстановкой митинга.

Встречаются и отступления от сформулированной автором позиции. Согласно приговору Первомайского районного суда г. Омска по делу № 1-425/2011 от 24 ноября 2011 г., подсудимый в ходе межличностных разговоров публично заявлял своим знакомым о признании идеологии терроризма правильной. Суд обвинил подсудимого по ч. 1 ст. 205.2 УК РФ, несмотря на то, что круг лиц был определён.

Таким образом, представляется обоснованным утверждать следующее. Во-первых, сформулированный подход показывает свою состоятельность. Во-вторых, заметна тенденция к «электронным» формам совершения указанных деяний. Автор надеется, его работа внесёт не только теоретический, но и практический вклад в развитие юридической мысли.

Список литературы

1. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / А.В. Бриллиантов, Г.Д. Долженкова, Я. Е. Иванова [и др.]; под ред. А. В. Бриллиантова. – М.: Изд-во Проспект, 2010. – 1392 с.

2. Уголовное право. Особенная часть : учебн. Пособие / под ред. И.В. Шишко. – М.: Изд-во Проспект, 2011. – 752 с.

УДК 343.241.2

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА

Пальманова А.А.
научный руководитель канд. юрид. наук Севастьянов А.П.
Сибирский федеральный университет

В юридической литературе тема о мерах принудительного медицинского характера рассматривается либо в разделе, посвященном общей характеристике мер государственного воздействия,[1] либо в специальном разделе об их сущности и содержании.[2] В судебно-психиатрической литературе содержание принудительных мер рассматривается в разделах о принудительном лечении[3] либо в разделах по его организации и проведению.[4]

В специальных работах, в том числе монографического уровня, вопрос о том, что представляет собой содержание принудительных мер, какова структура этого содержания, авторами не ставится, поскольку понятие «содержание» считается ясным и не требующим уяснения. При этом одни авторы связывают его с сущностью исследуемых мер,[5] другие – с правовой природой принудительных мер,[6] третьи (таких большинство) – с принудительным лечением.[7]

В частности, С.Е. Вицин в качестве содержания принудительных мер медицинского характера понимает принудительное лечение психически больных лиц, совершивших общественно опасные деяния и преступления и представляющих по своему психическому состоянию опасность для общества.[8] Однако характеристика содержания принудительных мер медицинского характера не исчерпывается принудительным лечением, в том числе и в тех случаях, когда дается описание принудительного лечения с медицинской точки зрения.

С.Н. Шишков отмечает, что медицинскими принудительные меры названы с учетом их содержания, поскольку рекомендации по их применению дает комиссия врачей-психиатров либо судебно-психологическая экспертиза, включая выводы о диагнозе заболевания и рекомендации о назначении и проведении лечения.[9] Уголовно-правовой анализ этого контекста показывает, что С.Н. Шишков ведет речь не столько о содержании принудительных мер медицинского характера, сколько о характере таких мер.

Итак, понятие принудительных мер медицинского характера – меры государственного принуждения, назначаемые судом без определения их длительности, не являющиеся карой и не преследующие цель исправления лиц, совершивших преступления, а направленные на их излечение или улучшение психического состояния и предупреждение совершения ими новых деяний, предусмотренных в УК РФ.

Цели принудительных мер медицинского характера:

– излечение лиц или улучшение их психического состояния;

– предупреждение совершения новых преступлений.

Принудительные меры медицинского характера могут быть назначены судом лицам: совершившим деяния в состоянии невменяемости; у которых после совершения преступления наступило психическое расстройство, делающее невозможным назначение или исполнение наказания; совершившим преступления и страдающим психическими расстройствами, не исключающими вменяемость.

Виды принудительных мер медицинского характера:

1. Амбулаторное принудительное наблюдение и лечение у психиатра – мера, направленная на излечение лица, не нуждающегося по своему психическому

состоянию в помещении в психиатрический стационар, которая заключается в систематическом посещении психиатра.

2. Принудительное лечение в психиатрическом стационаре общего типа – мера, направленная на излечение лица, которое по своему психическому состоянию нуждается в стационарном лечении и наблюдении, но не требует интенсивного наблюдения.

3. Принудительное лечение в психиатрическом стационаре специализированного типа – мера, направленная на излечение лица, которое по своему психическому состоянию требует постоянного наблюдения.

4. Принудительное лечение в психиатрическом стационаре специализированного типа с интенсивным наблюдением – мера, направленная на излечение лица, которое по своему психическому состоянию представляет особую опасность для себя или других лиц и требует постоянного и интенсивного наблюдения.

Продление принудительных мер медицинского характера – решение суда о продолжении применения принудительных мер медицинского характера, принятое на основании освидетельствования комиссией врачей-психиатров лица, состояние которого не изменилось.

Изменение принудительных мер медицинского характера – решение суда об изменении принудительных мер медицинского характера, принятое на основании освидетельствования комиссией врачей-психиатров лица, состояние которого улучшилось или ухудшилось.

Прекращение принудительных мер медицинского характера – решение суда по прекращению применения принудительных мер медицинского характера, принятое на основании освидетельствования комиссией врачей-психиатров лица, состояние которого не требует применения назначенной меры.

Законодатель включил в содержание принудительных мер медицинского характера любого вида два элемента: наблюдение и лечение. В случае амбулаторного применения принудительные меры ограничиваются принудительным наблюдением и лечением у психиатра. Стационарное применение принудительных мер медицинского характера включает в содержание применяемых мер: 1) лечение; 2) медицинский уход; 3) стационарное содержание психически больных; 4) наблюдение за ними.

В отличие от принудительного лечения и наблюдения, осуществляемого амбулаторно, принудительное лечение и наблюдение, которое проводится в условиях психиатрического стационара, имеет постоянный характер. Психически больные лица помещаются в стационары различного типа, что позволяет обеспечить (по сравнению с амбулаторными условиями) более эффективное их лечение и в зависимости от вида стационара наблюдение за восстановлением психических функций.[10]

Статья 10 Закона о психиатрической помощи предусматривает, что «для диагностики и лечения лица, страдающего психическим расстройством, применяются медицинские средства и методы, разрешенные в порядке, установленном законодательством Российской Федерации о здравоохранении» (ч. 2). Часть 3 указанной статьи гласит: «Медицинские средства и методы применяются только в диагностических и лечебных целях в соответствии с характером болезненных расстройств и не должны использоваться для наказания лица, страдающего психическим расстройством, или в интересах других лиц».

В соответствии с этими предписаниями в отношении лиц, находящихся на принудительном лечении, не могут быть применены средства и методы лечения, которые не прошли лабораторных и клинических испытаний на пациентах-добровольцах и не разрешены к применению уполномоченным государственным органом (фармкомитетом). Кроме того, к психически больным лицам, находящимся на

принудительном лечении, часть 5 статьи 11 Закона о психиатрической помощи не допускает применение для лечения психических расстройств хирургических и других методов, вызывающих необратимые последствия, а также проведение с участием этих лиц испытаний новых медицинских средств и методов.

Содержание в психиатрических стационарах, в которых осуществляется принудительное лечение, зависит не только от психического состояния больного, но и от типа психиатрического стационара. Психическое состояние больного учитывается судом при выборе вида принудительной меры медицинского характера и того типа стационара, где осуществляется соответствующий вид принудительной меры.

По своему психическому состоянию больные, направляемые в психиатрические больницы общего типа, существенно не отличаются от пациентов, госпитализированных на общих основаниях. Такие лица содержатся в психиатрических отделениях по профилю их заболевания наравне с другими пациентами. Вместе с тем в отношении лиц, которые находятся на принудительном лечении, имеются определенные режимные ограничения: отсутствие свободы передвижения по отделениям, проведение прогулок только на территории больницы и непредоставление домашних отпусков.

Содержание психически больных, проходящих принудительное лечение в специализированных стационарах, отличается от содержания пациентов в психиатрических стационарах общего типа тем, что специальный стационар организуется в крупных психиатрических больницах из одного-двух отделений, которые предназначены специально для проведения принудительного лечения, с более строгим режимом содержания. Режим обеспечивается дополнительным медицинским персоналом и наружной охраной. Прогулки психически больных проводятся отдельно от других пациентов в строго изолированных местах.

Режим содержания в специализированных стационарах с интенсивным наблюдением является наиболее строгим, так как особенность деятельности этих региональных психиатрических учреждений состоит в том, что в каждом из них содержатся для осуществления принудительного лечения лица, представляющие по своему психическому состоянию особую опасность для себя и для других лиц. Медицинский персонал таких учреждений обеспечивает постоянный контроль и ведет наблюдение за пациентами, которые содержатся в приемном, реабилитационном и других отделениях, при осуществлении психофармакологических, лечебно-реабилитационных и других мероприятий.

Таким образом, под содержанием принудительных мер медицинского характера следует понимать предусмотренные уголовным законом в отношении психически больных лиц, совершивших общественно опасные деяния или преступления, взаимосвязанные меры, включающие в себя принудительное лечение, проводимое амбулаторно либо в психиатрическом стационаре определенного типа, медицинский уход за лицами с психическими расстройствами и наблюдение за ними, обеспечивающее безопасное поведение таких лиц.

Список литературы

1. Бородин С.В. Общая характеристика принудительных мер медицинского характера // Новое уголовное право России. Общая часть: Учебное пособие. М., 1996. С. 156.

2. Михеев Р.И., Беловодский А.В., Воробей В.А., Михеев О.Р. Принудительные меры медицинского характера в уголовном праве: социально-правовые и медико-реабилитационные меры безопасности. Владивосток, 2001. С. 20 – 23.

3. Судебная психиатрия: Учебник / Отв. ред. Г.В. Морозов, Я.М. Калашник. М., 1967. С. 101.
4. Судебная психиатрия / Под ред. Б.В. Шостаковича. М., 1997. С. 123.
5. Михеев Р.И., Беловодский А.В., Воробей В.А., Михеев О.Р. Принудительные меры медицинского характера … С. 20.
6. Бородин С.В. Общая характеристика принудительных мер … С. 156.
7. См. например: Турышев А.Д., Турышев А.А. Уголовное право: Общая и особенная части. М., 2005. С. 66.
8. Вицин С.Е. Принудительные меры медицинского характера (понятие, основание и порядок применения): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1970. С. 7.
9. Шишков С.Н. Правовые аспекты применения принудительных мер медицинского характера // Принудительное лечение в системе профилактики общественно опасных действий психически больных. М., 1987. С. 3.
10. Клиническая психиатрия / Под ред. Н.Е. Бачерикова. М., 1989. С. 238, 255, 351 и далее.

УДК 343.5

К ВОПРОСУ О КВАЛИФИКАЦИИ СБЫТА НАРКОТИКОВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЕТЕЙ ИНТЕРНЕТ И СОТОВОЙ СВЯЗИ

Пахорукова Ю.Е.
научный руководитель канд. юрид. наук, доцент Токманцев Д.В.
Сибирский юридический институт ФСКН России

В настоящее время мир переживает бурное научно-техническое развитие. Появление все новых технологий формирует новое информационное общество, в условиях которого обостряется общественная опасность многих преступных деяний, в частности сбыта наркотиков. Все это не могло не побудить законодателя усилить уголовную ответственность за сбыт наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, совершенный с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет») (п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ).

В целом положительно оценивая такие изменения, заметим, что использование в данном квалифицированном составе категорий, требующих специальных технических знаний, способно существенно затруднить практическое применение п. «б» ч.2 ст. 228.2 УК РФ. Ситуация усугубляется отсутствием необходимых разъяснений Пленума Верховного Суда РФ о применении уголовно-правовой нормы, предусмотренной п. «б» ч.2 ст. 228.1 УК РФ.

1. Открытым является вопрос о понятии сбыта наркотиков с использованием электронных и информационно телекоммуникационных сетей. В условиях изменившегося подхода Пленума Верховного Суда РФ к сущности сбыта наркотиков, а именно определение его как преступной деятельности, направленной на реализацию наркотиков. При чем передача наркотиков может быть осуществлена как непосредсвенно («из рук в руки») так и опосредованно (бесконтактным способом, т.е. путем проведение закладки в обусловленном месте).

В этой связи в литературе предложены два подхода к определению сбыта наркотиков с использованием сети Интернет. Одни авторы полагают, что по п. «б» ч.2 ст. 228.1 УК РФ может быть квалифицирована лишь опосредованная передача, т.е. посредством тайника, либо закладки[1]. Другие напротив считаем, что под незаконным сбытом с использованием сети Интернет следует понимать любую форму передачи наркотиков, при условии, что при предварительной договоренности была использована сеть Интернет.

Полагаем, что под использованием сети Интернет для сбыта наркотиков следует понимать:

а) размещение рекламы о продаже наркотиков на сайтах;

б) поиск поставщиков наркотиков в целях приобретения наркотиков в целях последующего их сбыта (например, заказа через сайт контрабандной поставки наркотиков из Китая в целях сбыта);

в) использование специальных программ, обеспечивающих скрытное общение наркосбытчика с покупателем наркотиков в сети Интернет (например, Skype*);*

г) использование электронных платежных систем для расчетов за наркотики.

[1] Мальков, С.М., Винокуров В.Н. Квалификация сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей // Уголовное право. 2014. № 4. С. 51 - 53

2. При определении момента окончания опосредованного сбыта наркотических веществ с использованием сети Интернет (предварительной договоренности о покупке наркотиков посредством сети Интернет) следует учитывать две возможные ситуации:

а) если сбытчик не успевает сделать закладку наркотического средства в обусловленном месте (его задержали при перевозке этого средства к месту закладки), содеянное следует квалифицировать как покушение на незаконный сбыт наркотических средств с использованием сети Интернет.

б) если сбытчик произвел закладку наркотического средства в обусловленном с приобретателем месте, но приобретателю фактически не удалось получить данное средство, содеянное следует квалифицировать как оконченный сбыт наркотических средств с использованием сети Интернет.

в) если сбытчик производит закладку наркотического средства в *не обусловленном* с приобретателем месте, сбыт такого наркотического средства следует считать оконченным (п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ) с момента сообщения сбытчиком приобретателю места закладки с наркотическим средством путем использования сети Интернет[2].

С учетом изложенного, предлагаем разъяснить на уровне Верховного Суда РФ что понимается под сбытом наркотиков посредством информационно-телекоммуникационной сети, а также момента окончания сбыта наркотиков с использованием сети Интернет.

3. Отсутствует единый подход к понятию и соответственно к квалификации сбыта наркотиков с использованием сетей GSM (сетей сотовой телефонной связи) и проводных городских телефонных сетей.

Исходя из буквального толкования уголовного закона, по п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ могут быть квалифицированы все факты сбыта наркотиков, когда наркосбытчик для связи с приобретателями наркотиков (ведения переговоров) использовал сотовый телефон (сети GSM) или обычный стационарный телефон (городские телефонные сети). Однако при таком подходе не учитывается высокая распространенность использования наркосбытчиками сетей GSM, а также низкий уровень конспиративности сбыта наркотиков с использованием обычных городских сетей и соответственно не высокая степень общественной опасности такого способа сбыта наркотиков.

Список литературы

1. Мальков, С.М., Винокуров В.Н. Квалификация сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей // Уголовное право. 2014. № 4. С. 51 - 53.

2. Токманцев Д.В., Винокуров В.Н. Новые правила квалификации незаконного приобретения и незаконного сбыта наркотических средств. / Уголовное право. 2016. № 1. С. 62 - 68.

[2] Токманцев Д.В., Винокуров В.Н. Новые правила квалификации незаконного приобретения и незаконного сбыта наркотических средств // Уголовное право. 2016. № 1. С. 62 - 68.

УДК 343.35

ОБОСНОВАННОСТЬ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ОБЕЩАНИЯ ИЛИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПОСРЕДНИЧЕСТВА ВО ВЗЯТОЧНИЧЕСТВЕ (ЧАСТЬ 5 СТАТЬИ 291.1 УК РФ)

Прокопович А.А.
научный руководитель канд. юрид. наук Бушмин С.И.
Сибирский федеральный университет

Криминализация обещания или предложения посредничества во взяточничестве, предусмотренных частью 5 статьи 291.1 УК РФ, вызывает множество споров как в теории, так и на практике.

По мнению В.В. Сверчкова криминализация обещания и предложения посредничества во взяточничестве представляется не вполне обоснованной, поскольку указанные действия в большей мере свидетельствуют об обнаружении умысла – нулевой стадии совершения преступления, нежели о приготовлении к нему, покушении на него или об оконченном (составом) преступлении [2].

Некоторые авторы полагают, что ч. 5 ст. 291.1 УК РФ появилась в уголовном законе для исключения квалификации виновных лиц по соответствующим частям ст. 159 УК РФ со ссылкой (или без нее) на ст. 30 УК РФ, именно поэтому санкция исследуемой нормы более сурова, чем наказание за посредничество как таковое [1]. Однако Пленум Верховного суда РФ Постановлении от 09.07.2013 № 24 разъяснил, что в таком случае, когда лицо, обещавшее либо предложившее посредничество во взяточничестве, заведомо не намеревалось осуществлять посредничество во взяточничестве, содеянное следует квалифицировать только как мошенничество, без совокупности с ч.5 ст. 291.1 УК РФ.

Поскольку данная норма устанавливает ответственность только за обнаружение умысла, то уже реализация такого умысла подпадает под ч.1.-4 ст. 291.1 УК РФ и исключает квалификацию по ч.5 ст.291.1 УК РФ, так как последующая стадия «поглощает» предыдущую. Но если обещание или предложение так и осталось без выполнения, то ответственность наступает по данной части. Квалификация по ч. 5 ст. 291.1 УК РФ наступает и в том случае, если лицо предложило или пообещало совершить посреднические действия, но в последующем отказалось от их совершения, либо взяткодатель и (или) взяткополучатель отказались от помощи данного посредника по совершении преступления или вообще отказались от его совершения.

Для определения обоснованности включения в уголовный закон того или иного деяния, некоторыми авторами была выработаны принципы криминализации — это «научно обоснованные и сознательно применяемые общие правила и критерии оценки допустимости и целесообразности уголовно-правовой новеллы, устанавливающей или изменяющей ответственность за конкретный вид деяний» [3].

Выделяется две группы таких принципов. Первая из них, это – «принципы, выражающие общественную необходимость и политическую целесообразность установления уголовной ответственности, или *социальные и социально-психологические принципы криминализации,* т.е. принципы, обеспечивающие социальную адекватность криминализации, ее допустимость с точки зрения основных характеристик социальных систем и процессов общественного развития, соответствия уголовно-правовой нормы уровню, характеру общественного сознания и состоянию общественного мнения» [3]. Общественная опасность обещания или предложения посредничества во взяточничестве не содержит такого элемента как причинение вреда общественным отношениям, а значит, в соответствии с частью 2 статьи 14 Уголовного кодекса

Российской Федерации, не является преступлением. Санкция по ч. 5 ст. 291.1 УК РФ более строгая (до семи лет лишения свободы), чем за посреднические действия по ч. 1 ст. 291.1 УК РФ (до пяти лет лишения свободы), что позволяет сделать вывод об отнесении обещания или предложения взяточничества к тяжким преступлениям. По мнению законодателя, общественная опасность обещания или предложения посредничества во взяточничестве больше самого посредничества, что представляется также весьма странным и является нарушением второй группы принципов.

К ним относятся «принципы, определяемые требованием внутренней логической непротиворечивости системы норм уголовного права, либо норм уголовного и иных отраслей права (конституционного, гражданского и т.д.), т.е. *системно-правовые принципы криминализации*» [3]. Криминализация обещания или предложения посредничества во взяточничестве, которые по своей сути являются обнаружением умысла, нарушает известный со времен римского права принцип *cogitationis poenam nemo patitur* (никто не несет наказания за мысли), а также не соответствует ст. 6, 30 УК РФ.

Также внутренняя противоречивость выражается в следующем: согласно п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях», обещание или предложение передать либо принять незаконное вознаграждение за совершение действий (бездействие) по службе необходимо рассматривать как умышленное создание условий для совершения соответствующих коррупционных преступлений в случае, когда высказанное лицом намерение передать или получить взятку либо предмет коммерческого подкупа было направлено на доведение его до сведения других лиц в целях дачи им либо получения от них ценностей, а также в случае достижения договоренности между указанными лицами. Если при этом иные действия, направленные на реализацию обещания или предложения, лица не смогли совершить по независящим от них обстоятельствам, содеянное следует квалифицировать как приготовление к даче взятки. Таким образом, получается, что лица, высказавшие намерение получить или дать взятку, для реализации такого намерения никаких конкретных действий не предпринимало ответственности не подлежат, что является нарушением принципа равенства всех перед законом.

Преступление, предусмотренное ч. 5 ст. 291.1 УК РФ, окончено в момент доведения до сведения взяткодателя и (или) взяткополучателя информации о своем намерении стать посредником во взяточничестве, в таком случае институт добровольного отказа от совершения преступления, предусмотренного ч. 1-4 ст. 291.1 теряет всякий смысл, что является несправедливым.

На мой взгляд, введение самостоятельного состава преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 291.1 УК РФ не обоснованна и не соответствует рассмотренным принципам криминализации, так как является криминализацией обнаружения умысла, причем влекущего наказание более строгое, чем в ч. 1 ст. 291.1 УК РФ за уже совершенные посреднические действия. Считаю, что необходимо декриминализировать обещание или предложение посредничества во взяточничестве путем исключения данной нормы из УК РФ.

Список литературы

1. Розовская Т.И., Пешков Д.В. Обещание или предложение посредничества во взяточничестве: вопросы правоприменения // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2012. № 3. С. 94-97.
2. Сверчков В.В. Актуальные вопросы противодействия коррупционным преступлениям // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 4. С. 67-75.
3. Основания уголовно-правового запрета (криминализация и декриминализация) / Отв. ред. В.Н. Кудрявцев, А.М. Яковлев. — М.: Наука, 1982. — 304 с.

УДК 343.3

К ВОПРОСУ О ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЕ, ПРЕДУСМОТРЕННОЕ СТ. 232 УК РФ

Решетова С.И.
научный руководитель канд. юрид. наук, доцент Токманцев Д.В.
Сибирский юридический институт ФСКН России

Актуальность данной темы состоит в том, что преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ представляют собой реальную угрозу национальной и общественной безопасности РФ.

Одно из наиболее сложных преступлений в этой сфере предусмотрено статьей 232 УК РФ - организация либо содержание притонов или систематическое предоставление помещений для потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов.

Данное преступление характеризуется высокой степенью «скрытности». В первую очередь это объясняется деятельностью организаторов наркопритонов по сокрытию следов преступления. Также может объясняться нежеланием граждан подавать заявления в правоохранительные органы на виновных лиц. Причины могут быть разные: недоверие, что наркопритон будет ликвидирован правоохранительными органами и в то, что организаторов и участников наркопритона привлекут к уголовной ответственности, а может быть опасение возможной расправы со стороны организаторов и посетителей наркопритона.[1]

Ориентируясь на материалы судебной практики, под притоном следует понимать жилое или нежилое помещение, в котором осуществляется потребление, возможно - изготовление для последующего потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов лицами, которые могут являться владельцами, пользователями на договорных основаниях данного помещения, не проживающими в данном помещении на иных законных основаниях.[2]

Анализируя судебные решения, выявляется закономерность: наиболее часто наркопритон организовывают в квартире. Реже, но всё же встречаются случаи, когда наркопритоном признаётся гараж.

Так, Дзержинским районным судом г.Оренбурга осужден Будаев по ч.1 ст.232 УК РФ, который совершил организацию и содержание притона для употребления наркотических средств. Будаев являясь лицом, потребляющим наркотические средства, действуя незаконно, с прямым умыслом, направленным на содержание притона для потребления наркотических средств, из корыстных побуждений, в гараже, расположенном в гаражно-строительном кооперативе по, содержал притон для систематического потребления наркотических средств, предоставляя вышеуказанное помещение для потребления наркотического средства дезоморфин, привлекая их в притон постоянным наличием в гараже наркотических средств. Содержа притон, Будаев исключал возможность попадания посторонних лиц и сотрудников правоохранительных органов используя дверные запорные устройства, предоставлял возможность отдыха после употребления наркотических средств, а также производил уборку после употребления наркотических средств.

---

[1] Гусев А.С. Криминологическая характеристика преступления, связанного с содержанием наркопритона // Вопросы современной юриспруденции. 2015.

[2] Обзор судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ // Бюллетень Верховного Суда РФ 2012. № 10.

В решениях судов встречаются случаи, когда наркопритоном признаётся помещение бани. Так, городской суд Алтайского края осудил Ушакова по ч. 1 ст. 232 УК РФ. У Ушакова возник умысел на содержание по месту своего проживания притона для потребления наркотических средств, реализуя который он сообщил ФИО6 о возможности употребления наркотических средств в его бане, находящейся на территории его домовладения. Реализуя свой умысел, осознавая противоправность характер своих действий, Ушаков предоставил баню, выделенную им для потребления наркотических средств - марихуаны, лицам употребляющим наркотические средства.

Исключительным случаем является организация и содержания наркопритона в ночном клубе.

Так, приговором Сахалинского областного суда осужден Галуцких по ч. 3 ст. 232 УК РФ, совершил организацию и содержание притона для употребления наркотических средств, в составе организованной группы.

Действуя умышленно и незаконно, в интересах организованной группы содержали притон для употребления наркотических средств, расположенный в помещении ночного клуба <...> на третьем этаже комплекса <...>, где в указанный период, после того, как «С» был определен график работы ночного клуба, а именно еженедельно, с четверга по воскресенье, в период с 00 часов до 12 часов, осуществлялась реализация наркотических средств и их производных, а так же предоставлялось помещение для потребления наркотических средств.

По нашему мнению, из всех других помещений, используемых под наркопритонами, наиболее высокую общественную опасность представляет именно ночной клуб.

По нескольким объективным причинам: во-первых, это массовость, т.е. в таком наркопритоне большая проходимость людей, тем самым в потребление могут вовлекаться всё больше и больше людей; во-вторых, скрытность, мало кому придёт в голову без особых оснований проверять ночной клуб, тогда как наркопритон в квартире легко распознать (характерный запах на лестничной клетке и т.д.). Также организаторы наркопритонов в ночных клубах соблюдают конспирацию, которая делает его выявление почти невозможным.

Как было сказано выше – большинство судебных решений именно по квартирным наркопритонам, но чрезвычайно часто в различных источниках мелькают сообщения о том, что притон обнаружен в ночном клубе.

По факту, из большого массива материала мною найдено всего одно судебное решение по которому наркопритоном признают ночной клуб.

Возникает вопрос: почему всего один человек привлечён к уголовной ответственности за организацию наркопритона в ночном клубе? Тогда как это составляет большую проблему для нашего общества, которую необходимо решать.

По моему мнению, с учётом тенденции, которая прослеживается в п. а ч.2 ст. 228.1 УК РФ (сбыт наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, совершенный …либо помещениях, используемых для развлечения или досуга) нужно включить такой же квалифицирующий признак и в ст. 232 УК РФ, т.е. повысить ответственность за организацию и содержание наркопритонов в каких-либо помещениях, используемых для развлечения или досуга. Предлагаем дифференцировать уголовную ответственность: выделить в ч. 1 ст. 232 УК РФ «бытовые» притоны (обустроенные в квартирах, гаражах, банях, чердаках и т.д.), а в ч. 2 ст. 232 УК РФ – притоны, обустроенные помещениях, используемых для развлечения или досуга (например, в ночных клубах).

Список литературы

1. Гусев А.С. Криминологическая характеристика преступления, связанного с содержанием наркопритона // Вопросы современной юриспруденции. 2015.

2. Обзор судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ // Бюллетень Верховного Суда РФ 2012. № 10.

УДК 343.2/.7

ПРОБЛЕМЫ ПОНИМАНИЯ КРОВНОЙ МЕСТИ КАК МОТИВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО П. «Е.1» Ч. 2 СТ. 105 УК РФ

Родина А.С.
научный руководитель канд. юрид. наук Питецкий Вад. В.
Сибирский федеральный университет

При квалификации убийства по мотиву кровной мести (преступления, предусмотренного п. е.1 ч.2 ст. 105 УК РФ) одним из главных вопросов, вызывающий множество проблем, является установление мотива кровной мести. В литературе существует множество подходов к пониманию кровной мести.

Так, Боер А.Л. трактует кровную месть как возмездие виновному лицу или его родственникам за нанесенную им кровную обиду со стороны пострадавшего или его родственников.[1] Похожую позицию занимают Скуратов Ю.И. и Лебедев В.М.. По их мнению, кровная месть - это стремление отомстить обидчику или членам его семьи за подлинную или мнимую обиду, нанесенную убийце или его членам семьи.[5]

Ветров В.М. определяет кровную месть как обычай, предполагающий, что родственники убитого или оскорбленного либо сам оскорбленный обязан убить обидчика; в противном случае его ожидает позор, а в некоторых случаях – родовой остракизм (изгнание).[3]

В словаре Ожегова С.И. под обычаем понимается – традиционно установившиеся правила общественного поведения.[6] Нельзя не согласиться, что кровная месть это установившиеся правила общественного поведения. Так, например, данный обычай сохранился преимущественно у отдельных этнических объединений Кавказа, таких как Дагестан, Чечня, Ингушетия, где кровная месть является не чем иным, как сложившиеся при родовом строе средство защиты чести рода.

Кровная месть предполагает совершение убийства, то есть умышленное причинение смерти другому человеку, но причинение смерти происходит в силу того, что лицу была причинена кровная обида.

Под кровной обидой понимают, прежде всего, сильную, сердечную обиду, которая смывается лишь кровью (кровь за кровь). Е.Н. Телия во фразеологическом словаре русского языка, дает понятие кровной обиды, как действия лица или группы лиц, которые глубоко оскорбили другое лицо или другую группу лиц, что подобное бесчестье можно искупить лишь ценой крови оскорбителя или оскорблённого. Такими принято считать, например: убийство членов семьи; изнасилование женщины (например: жены, дочери); оскорбление, причем это может быть совершено как против самого виновного, так и против любого члена его клана.

Лицо, совершившее кровную обиду, не является единственным, кто может стать жертвой кровной мести, следовательно, появляется широкий круг тех лиц, которые могут стать жертвами. Это означает, что виновный (то есть тот, кто совершает кровную месть) может лишить жизни не только того, кто причинил непосредственно кровную обиду, но и другим лицам. К таким лицам относятся:

1) Близкие родственники – супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и родные сестры, дедушка, бабушка, внуки,

2) Иные родственники – все иные лица, за исключением близких родственников, состоящие в родстве.

Следует также учесть, что не могут считаться «кровниками» чужие люди, не состоящие в кровном родстве, которые считают себя «братьями по крови» по каким-то

чрезвычайным обстоятельствам (например: совместное участие в кровопролитных боях в Афганистане).[8]

Важным вопросом остается также то, кто является субъектом кровной мести?

Бородин С.В. считает, что необходимо, что бы лицо принадлежало к той группе населения, которая признает обычай кровной мести.[2] Это обстоятельство не всегда учитывается на практике. Так, например, по приговору Тюменского областного суда был осужден мужчина (по национальности цыган) по п. «е-1» ст. 105 УК РФ. Мужчина признавал, что убийство совершил по мотиву кровной мести, однако в приговоре не было приведено никаких доказательств того, что осужденный принадлежит к этнической группе, признающей обычай кровной мести. В связи с этим Президиум Верховного суда России переквалифицировал действия на ч. 1 ст. 105 УК РФ. [7]

Но в то же время существует точка зрения, в соответствии с которой, следование обычаю кровной мести определяется не только принадлежностью к той или иной группе населения, которая признает обычай кровной мести, но и окружением и условиями воспитания. [4]

Отсюда хочется сделать вывод, что лицо, которое следует кровной мести, оно должно не только быть частью того родоплеменного строя и родиться на территории, где кровная месть это установившиеся правила общественного поведения, но так же это лицо должно придерживаться и руководствоваться этим принципом самостоятельно и разделять этот обычай.

Подводя итог выше сказанному, хотелось бы выделить главные характерные черты кровной мести:

1) Кровная месть это обычай
2) Причиной кровной мести является кровная обида
3) «Жертвами» кровной мести являются родственники оскорбленного (как близкие, так и иные)
4) Субъектом кровной мести является лицо, которое самостоятельно руководствуется и придерживается обычая кровной мести, а так же принадлежит к той группе населения, которая признает обычай кровной мести.

Список литературы

1. Боер, А.Л. Месть в мотивационной структуре преступного поведения: криминологический и уголовно-правовой аспекты / А.Л. Боер. – Москва : РГБ, 2003. – 50 с.
2. Бородин, С.В. Преступления против жизни / С.В. Бородин. – Москва: Юристъ, 1999. – 356 с.
3. Ветров, В.И. Уголовное право. Особенная часть: Учебник / В.И. Ветрова. – Москва : Юристъ, 2000. – 123 с.
4. Долголенко, Т.В. Преступления против личности : учебное пособие / Т.В. Долголенко. – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2011. – 228 с.
5. Лебедев, В.М. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации /В.М. Лебедев. – Москва : Юристъ, 1997. – 235 с.
6. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
7. Постановление Президиума Верховного суда РФ от 26 сентября 2007 г. № 299- П07 // Бюллетень Верховного суда РФ. 2007. № 7
8. Семернёв, Н.К. Квалификация преступлений (части общая и особенная) : научно-практическое пособие / Н.К. Семернёв. – Москва : Проспект, 2011. – 296 с.

УДК 343.43

ПЕРИОД УДЕРЖАНИЯ ЛИЦА КАК УСЛОВИЕ ДЕЯТЕЛЬНОГО РАСКАЯНИЯ В СТАТЬЯХ 126, 127.1, 206 УК РФ

Свешникова Ю.С.
научный руководитель канд. юрид. наук Бушмин С.И.
Сибирский федеральный университет

Статьи 126, 127.1, 206 Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающие ответственность за посягательство на ограничение свободы, содержат примечания, согласно которым лицо, добровольно освободившее потерпевшего, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления.

Захват заложника, похищение человека, торговля людьми относятся к так называемым формальным составам, т.е. для признания этих преступлений оконченными не требуется наступления общественно опасных последствий. Срок, в течение которого лицо удерживается после момента, когда преступление считается оконченным, для данной группы преступлений не имеет значения.

На наш взгляд, в примечаниях к данным статьям имеется существенный недостаток, заключающийся в отсутствии указания на допустимый срок удержания лица для возможности освобождения его от уголовной ответственности. Срок указывает на глубину причинения ущерба объекту и влияет на степень общественной опасности деяния.

По результатам исследования Е.В. Ушаковой выявлено, что самый больший период времени удержания похищенного в неволе составил до 3-х суток, что составило до 65 %, до 1-х суток - 23% и свыше 5 суток - 12%. Все это свидетельствует о том, что самый распространённый по длительности период удержания потерпевшего в неволе приходится на период до 3-х суток. Это объяснятся тем, что виновные, предъявив требования, ожидают исполнения своего преступного замысла, и потерпевшие в кратчайшие сроки выполняют требования похитителей.[6]

Возможность освобождения от уголовной ответственности за преступления против свободы личности должна быть ограничена предъявлением к посткриминальному поведению субъекта такого дополнительного условия, как, например, удержание потерпевшего в условиях неволи не более определенного срока. Статистика совершения таких преступлений свидетельствует о том, что, если освобождение не произошло в первые сутки, то оно либо не состоится вообще, либо состоится значительно позже, а к потерпевшему в период его удержания применяется насилие.[2]

На основании изложенного многие авторы предлагают изменить редакцию примечаний к указанным статьям.

Так, Е.В. Сердюкова предлагает ввести оговорку, которая бы установила разумный срок, в течение которого виновный должен освободить потерпевшего. Но при этом непонятно, что понимать под разумным сроком, так как это оценочное понятие и на практике в связи с этим могут возникнуть дополнительные проблемы.[4]

Г.Н. Борзенков полагает, что в этом примечании речь может идти об очень коротком периоде времени, которое может исчисляться только часами, в противном случае трудно говорить о добровольности, поскольку уже причиняется вред личности похищенного, вытекающий из факта и условий удержания, кормления, предоставления питья, прогулок и др.[1]

С учетом зарубежного опыта и в целях усиления гарантий уголовно-правовой защиты права человека на свободу и личную неприкосновенность Т. Нуркаева предлагает установить период удержания лица продолжительностью не более 24 часов. Установление срока до 24 часов кажется не совсем оправданным, потому что за этот период лицо может не успеть проанализировать все за и против своего поведения, оно не успеет не то чтобы раскаяться, а даже подумать о раскаяние.[3]

Е. Вельмезева-Марахтанова и В.Г. Бязров считают, что эффективность действия данной поощрительной нормы является достаточно высокой в течение первых суток после похищения, так как после данного срока велика вероятность причинения вреда различного характера жертве, а следовательно, и причинение вреда охраняемому законом объекту посягательства и, как результат недостижении цели данного примечания. Поэтому представляется, что ограничение срока удержания 48 часами достаточно для того, чтобы субъект преступления одумался и принял решение об освобождении потерпевшего.[2]

А.С. Горелик и Е.В. Ушакова предлагают установить максимальный срок удержания лица в размере трёх суток, а связано это с ожиданием злоумышленников исполнения их требований.[6]

Таким образом, после проведения анализа предложений по рассматриваемому вопросу нами предлагается следующая редакция Примечания к статьям 126, 127.1, 206 УК РФ: «Лицо, добровольно освободившее потерпевшего, освобождается от уголовной ответственности, если оно удерживало потерпевшего в условиях неволи не более 72 часов, если в его действиях не содержится иного состава преступления».

Выбор нами такого срока максимально возможного удержания лица в неволе обосновывается тем, что это достаточно короткий период времени, в который злоумышленники не успеют причинить вреда жертве. Такой вывод можно сделать исходя из представленной выше статистики, которая показывает, что в течение первых 3х суток удерживаемое лицо не подвергается никакому насилию, связано это, как правило, с ожиданием исполнения предъявленных требований, а значит, его жизнь и здоровье находятся в безопасности, следовательно, 72 часа является максимально допустимым сроком незаконного удержания в рамках рассматриваемого института. Также это достаточный срок для формулирования требований, как условия освобождения лица (если они есть), но при этом такого срока не достаточно, чтобы эти требования были выполнены, а цели преступников в свою очередь достигнуты.

Список литературы

1. Борзенков, Г.Н. Курс уголовного права в пяти томах. Том 3. Особенная часть [электронный ресурс] : Электронный учебник / Г.Н. Борзенкова, В.С. Комисарова. – М.: Зерцало, 2002. Режим доступа: http://pravo.news/ugolovnoe-pravo-ross-kniga/prestupleniya-protiv-svobodyi-8016.html.

2. Вельмезева-Марахтанова, Е. Проблемы освобождения от уголовной ответственности за преступления против свободы личности [электронный ресурс] / Е. Вельмезева-Марахтанова // Уголовное право. – 2008. – № 3. – Режим доступа: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=CJI;n=29467.

3. Нуркаева, Т. Преступления против свободы и неприкосновенности личности / Т. Нуркаева // Российская юстиция. – 2002. – № 8. – С. 12.

4. Сердюкова, Е. Основания освобождения от уголовной ответственности за торговлю людьми [электронный ресурс] / Е. Сердюкова // Законность. – М, 2013. – № 2. Режим доступа: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=CJI;n=66794.

5. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от 13 июня 1996 г. N 63-ФЗ ред. от 30.12.2015 г. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru.

6. Ушакова, Е. В. Уголовно-правовые и криминологические меры противодействия похищению человека : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08 / Екатерина Владимировна Ушакова. – М., 2012. – С. 11, 17.

УДК 343.241.2

ЛИЧНОСТЬ ВИНОВНОГО В СИСТЕМЕ ОБЩИХ НАЧАЛ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ

Севрюк Г.В.
научный руководитель канд. юрид. наук Севастьянов А. П.
Сибирский федеральный университет

Согласно ст. 60 УК суд обязан учитывать при избрании конкретной меры наказания данные о личности виновного лица.[1] В соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 73 УПК РФ обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, подлежат доказыванию при производстве по уголовному делу.[2]

Суды должны всесторонне, полно и объективно исследовать данные о личности подсудимого, имея в виду их существенное значение для определения вида и размера наказания.[3]

Всесторонний учет личности виновного является залогом назначения справедливого наказания, предполагает достижение целей наказания - исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений, а также восстановление социальной справедливости. Поэтому судом тщательно должны быть исследованы свойства и особенности личности виновного. В характеристику личности виновного входят его социально-демографические признаки, уголовно-правовые, социально-психологические, физические признаки; социальное проявление виновного в разных сферах жизнедеятельности и др.[4] Прежде всего, надлежит учитывать социально значимое поведение виновного до и после совершения преступления: отношение к труду и учебе, образ его жизни, заслуги перед Отечеством, поведение в семье, быту, общественных местах, законопослушность и другие признаки, характеризующие его как положительно, так и отрицательно. Недопустимо назначать чрезмерно мягкие наказания лицам, ранее судимым, злоупотребляющим спиртными напитками, нарушающим общественный порядок, склонным к проявлению жестокости. И наоборот, совершение преступления лицом, ранее добросовестно выполнявшим свои обязанности перед обществом, семьей, положительно характеризующимся на работе и в быту, все это может служить основанием для смягчения наказания. О поведении его свидетельствуют характеристики, выданные с места работы, учебы, места жительства.[5]

Для определения виновному наказания важно установить, насколько данному лицу присуща тенденция к отклонению от нормального социального поведения. Для этого судом устанавливается, повторно или в первый раз лицо совершило преступление, имеет судимости или нет и т.д.

В силу принципа гуманизма уголовного права при назначении наказания учитываются и физические данные о личности, это: состояние здоровья, инвалидность, беременность, семейное положение, наличие иждивенцев и т.п. Разумеется, что эти сведения о личности виновного могут учитываться только в целях смягчения наказания.[6] Таким образом, суд обязан рассматривать виновного не просто как субъекта преступления, а как конкретного человека с его индивидуальными

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации. Н., 2015.
[2] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Н., 2015.
[3] П.2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11.06.1999 № 40 «О практике назначения судами уголовного наказания».
[4] Курц А. В. Значение личности виновного при назначении уголовного наказания. М., 2006.
[5] Жидких И. В. Личность виновного как один из критериев назначения наказания. Вестник Адыгейского государственного университета, 2008.
[6] Наумов А. В. Российское уголовное право. Том 1. Общая часть. М., 2004.

признаками и качествами. Нередко бывает так, что за совершение в соучастии одного и того же преступления и при одинаковой роли, но с учетом данных о личности каждого соучастника, им может быть назначено совершенно разное наказание, как по виду, так и по его размеру и сроку. Учет признаков, характеризующих личность виновного, вовсе не означает, что в зависимости от их наличия виновному будет назначено меньшее наказание. Суд решает, является ли данное общественно опасное деяние закономерным результатом поведения подсудимого или же преступление носит для него случайный характер. В связи с этим при определении меры наказания необходимо учитывать не только положительные свойства личности, но и отрицательные, ибо личность виновного должна быть представлена в совокупности присущих ей свойств и признаков, как единое целое.[7] Важно, чтобы суд с учетом характера и степени общественной опасности преступления, а также данных о личности виновного назначил ему справедливое наказание, которое бы в максимальной степени соответствовало целям наказания - исправлению осужденного и предупреждению совершения им новых преступлений.

Важным звеном в анализе личности виновного является его психофизиологическое состояние в момент совершения преступления. В настоящее время официальная статистика не фиксирует данные о состоянии здоровья виновного; в ней отражаются лишь факты нахождения лица в состоянии алкогольного или наркотического опьянения. Употребление психоактивных веществ детерминирует совершение преступлений различных категорий.[8]

Количество преступлений, совершенных в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, имеет устойчивую динамику роста, что обусловливает необходимость более последовательного и полного учета данного обстоятельства при назначении наказания. В состоянии алкогольного опьянения в 2013 году было совершено 314,8 тысячи преступлений, в 2014 году 341 тысяча, в 2015 году 353,3 тысячи. В состоянии наркотического и иного токсического опьянения в 2013 году было совершено 25,8 тысячи преступлений, в 2014 году 28,3 тысячи, в 2015 году 33,1 тысяча.[9]

В соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда РФ № 40 от 11.06.1999 г., данные об опьянении виновного должны учитываться при характеристике его личности. Иначе говоря, на суд возлагается обязанность не просто установить факт опьянения виновного, а выяснить, как это состояние повлияло на мотивацию преступного поведения.[10]

Такой подход к назначению наказания позволяет выбрать оптимальный путь достижения целей наказания. Назначенное наказание (его вид и размер) должно способствовать исправлению осужденного, удерживать его от совершения нового преступления, а также содействовать возвращению к социально полезной деятельности, прививать уважение к законам, формировать навыки правопослушного поведения.

---

[7] Жидких И. В. Личность виновного как один из критериев назначения наказания. Вестник Адыгейского государственного университета, 2008.

[8] Курц А. В. Значение личности виновного при назначении уголовного наказания. М., 2006.

[9] Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru

[10] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11.06.1999 № 40 «О практике назначения судами уголовного наказания».

УДК 343.617

УГОЛОВНАЯ ОТВЕСТВЕННОСТЬ ЗА ЗАРАЖЕНИЕ ВИЧ-ИНФЕКЦИЕЙ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РФ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Сергеева А.Ю.
научный руководитель канд. юрид. наук Долголенко Т.В.
Сибирский федеральный университет

ВИЧ-инфекция, являясь хроническим заболеванием, вызываемым вирусом иммунодефицита человека, на сегодняшний день получила масштабное распространение не только на территории Российской Федерации, но и всего мира.

С учетом высокой степени общественной опасности ВИЧ-инфекции, статья 122 Уголовного кодекса РФ предусматривает ответственность не только за заражение ВИЧ-инфекцией, но и за заведомое поставление в опасность заражения.

Уголовная ответственность за подобные деяния предусмотрена и в законодательстве многих зарубежных стран. Именно поэтому изучение зарубежного опыта противодействия распространению ВИЧ-инфекции позволит выработать необходимые рекомендации по эффективному применению мер уголовно-правовой защиты от противоправного посягательства на здоровье человека.

Так, анализируя зарубежное уголовное законодательство, можно выделить следующие группы стран:

1) Страны, законодательство которых предусматривает специальные нормы об уголовной ответственности за заражение ВИЧ-инфекцией (Республика Беларусь, Украина, Республика Казахстан, Республика Польша, Эстония, Швейцария и др.), в том числе, за заведомое поставление в опасность заражения (Республика Казахстан, Республика Молдова, Кыргызся Республика, Азербайджанская Республика и др.).

Как справедливо отмечает ряд авторов, во многих государствах установлена расширенная дифференциация уголовной ответственности за заражение ВИЧ-инфекцией в зависимости от формы и вида вины[2].

Следует отметить, что в Уголовных кодексах Армении и Грузии закреплен квалифицированный состав преступления, предусматривающий уголовную ответственность за заражение ВИЧ-инфекцией женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности. Считаю, что введение указанного состава вполне обосновано, поскольку совершение данного деяния в отношении беременной женщины характеризуется признаками повышенной опасности, т.к. посягает не только на здоровье женщины, но и на здоровье еще не родившегося ребенка.

2) Страны, в уголовном законодательстве которых специальные нормы об ответственности за заражение ВИЧ-инфекцией отсутствуют (в частности, Великобритания, Германия, Испания, Италия, Канада, Франция, Япония). В связи с этим, действия лиц, повлекшие заражение ВИЧ-инфекцией, как правило, подлежат квалификации по общей норме, предусматривающей уголовную ответственность за посягательство на физическую неприкосновенность или за действия, причиняющие ущерб здоровью.

Так, в литературе можно встретить позицию, согласно которой «отказ от специальной криминализации заражения ВИЧ соответствует международным рекомендациям»[4].

Указанная позиция опирается на Международные руководящие принципы по поощрению и защите прав человека в связи с ВИЧ/СПИДом, которые предусматривают, что «Государствам следует пересмотреть и реформировать уголовное законодательство и системы исполнения наказаний, с тем чтобы они

соответствовали международным обязательствам в области прав человека, не использовались недобросовестно в контексте ВИЧ и не были направлены против уязвимых групп населения»[1]. В частности, указанные руководящие принципы предписывают государствам не предусматривать в уголовном законодательстве специальные составы преступления для случаев умышленной и намеренной передачи ВИЧ, а использовать в этих исключительных случаях состав общеуголовных преступлений.

Однако, закрепление уголовной ответственности за заражение ВИЧ-инфекцией в контексте вышеупомянутого принципа, не свидетельствует об ущемлении прав уязвимых групп населения, поскольку направлено не на дискриминацию и ущемление прав последних, а на обеспечение права каждого человека на охрану здоровья, закрепленного Конституцией РФ, а также защиту позитивного поведения лиц, зараженных ВИЧ-инфекцией (в частности, создание семьи), от неправомерного осуждения по признаку состояния здоровья.

Существует и другая позиция, согласно которой действия лица по заражению ВИЧ-инфекцией необходимо квалифицировать по общей статье, предусматривающей уголовную ответственность за заражение инфекционными заболеваниями, представляющими опасность для окружающих (в число, которых включен туберкулез, гепатит, ЗППП и др.). В связи с этим автор предлагает включить в главу 25 Уголовного кодекса РФ «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности» необходимо новую статью 237[1], при этом, исключив статьи 121 и 122 УК РФ[3]. Учитывая различную эпидемиологическую картину путей заражения и особенностей течения приведенных выше заболеваний, считаю, что исключение состава преступления, предусмотренного ст.122 УК РФ, является недопустимым.

Таким образом, на основе проведенного анализа законодательства зарубежных стран и научной литературы, можно прийти к выводу, что рассматриваемый вопрос является спорным и не нашедшим единого подхода у законодателей. Однако, необходимость закрепления рассматриваемого состава преступления в уголовном законодательстве не вызывает сомнения, поскольку данное заболевание является проблемой мирового масштаба. Принимая во внимание зарубежный опыт, полагаю, что в уголовное законодательство РФ следует внести изменения, включив в статью 122 Уголовного кодекса РФ квалифицирующее обстоятельство, предусматривающее ответственность за заражение женщины, находящейся в состоянии беременности.

Список литературы

1. Международные руководящие принципы по поощрению и защите прав человека в связи с ВИЧ/СПИДом [Электронный ресурс]: 23-25.09.1996 г. Женева. Электронная библиотека международных документов по правам человека. - Режим доступа: www.hri.ru/docs/?content=file&id=343;

2. Истоки и современное содержание уголовной политики в области здравоохранения: актуальные вопросы теории и практики. Монография / Коллектив авторов. Под ред. д.ю.н., проф. А.В. Грошева, к.ю.н., доц. Е.В. Епифановой. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 456 с.;

3. Норвартян Ю.С. Заражение инфекционными заболеваниями, представляющими опасность для окружающих: вопросы криминализации и пенлизации: автореф. дис. … канд. юрид.наук. – Самара, 2015. – 25 с.;

4. Щерба С., Додонов В. Уголовная ответственность за заражение венерическими заболеваниями и ВИЧ-инфекцией по законодательству России и зарубежных стран / С. Щерба, В. Додонов // Уголовное право. – 2005. - № 3. - С.65-69.

УДК 343.36

ПОНЯТИЕ ПРОВОКАЦИИ В СТАТЬЕ 304 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Серов А.С.
научный руководитель канд. юрид. наук Качина Н.В.
Сибирский федеральный университет

Как указано в ст. 304 Уголовного кодекса Российской Федерации, она устанавливает ответственность за провокацию взятки либо коммерческого подкупа. Здесь же дается легальное определение данного понятия. Под провокацией взятки либо коммерческого подкупа в законе понимается попытка передачи должностному лицу либо лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческих или иных организациях, без его согласия денег, ценных бумаг, иного имущества или оказания ему услуг имущественного характера в целях искусственного создания доказательств совершения преступления либо шантажа. Однако можно столкнуться и с несколько иным пониманием термина «провокация».

В толковом словаре русского языка под провокацией, в частности, понимается предательское поведение, подстрекательство кого-нибудь к таким действиям, которые могут повлечь за собой тяжелые для него последствия[1].

«Провокатором» в справочной литературе именуется тайный агент полиции в ряде зарубежных стран, вступающий в контакт с преступными элементами (потенциальными нарушителями закона) с целью сначала побудить их к определенным противоправным действиям, а затем – «изобличить» и арестовать[2].

А.Д. Назаров сформулировал следующее определение провокации преступления: «вовлечение другого лица в совершение преступления с целью возбуждения уголовного преследования против него же» [3]. Вместе с тем, автором указывается на то, что провокация предполагает *формирование у лица желания совершить преступление*. Приводится весьма распространенный пример, когда с целью изобличения сбытчиков наркотических средств сотрудники правоохранительных органов предлагают гражданину обратиться к конкретному лицу с просьбой продать наркотическое средство. В случае, если лицо согласится удовлетворить эту просьбу, то есть совершит преступление, оно в момент передачи наркотика будет задержано «с поличным» [3]. Такое значение термина «провокация» является общепринятым.

В практике Европейского Суда по правам человека провокация также понимается в общепринятом значении. Так, ЕСПЧ расценивает как нарушение права на справедливое судебное разбирательство провокационные действия оперативных сотрудников, если отсутствовало обоснованное подозрение конкретного лица в совершении преступлений, отсутствуют сведения, что без вмешательства правоохранителей преступление было бы совершено и если не соблюдалось требование о производстве расследования «в основном пассивным способом» (то есть поступали многократные уговоры, просьбы, требования совершить преступление) (См. постановления ЕСПЧ по делам «Раманаускас против Литвы», «Веселов и другие против России» и др.).

Таким образом, нетрудно заметить несоответствие законодательного закрепления в УК понятия «провокация» его пониманию в научной литературе и практике ЕСПЧ: в первом случае это *попытка передачи* лицу предмета взятки либо коммерческого подкупа без его согласия (то есть при выраженном отказе в получении либо без его ведома), а во втором – *склонение* лица к получению предмета взятки либо коммерческого подкупа, формирование у него соответствующего умысла (то есть в данном случае имеется согласие

на получение) с целью последующего привлечения к ответственности. В этой связи требуется уточнение понятийного аппарата, ибо использование в науке одного термина с абсолютно разным смысловым содержанием в одном контексте недопустимо.

На эту проблему обращали внимание ученые-юристы. Так, С.А. Сандаковский отмечает несоответствие названия ст. 304 тем действиям, которые в ней описаны. По его словам, указанное в ст. 304 УК РФ деяние за рубежом может называться «инсценировка», «имитация», «симуляция», но никак не «провокация». При этом сам автор предлагает законодательно именовать названный состав преступления именно «инсценировка» [4].

Например, в ст. 119 УК РСФСР 1926 г. провокация взятки определялась как заведомое создание должностным лицом обстановки и условий, вызывающих предложение или получение взятки, в целях последующего изобличения давшего или принявшего взятку.

Более того, в УК Республики Беларусь ст. 396, по содержанию аналогичная ст. 304 УК РФ, называется «Инсценировка получения взятки или коммерческого подкупа».

На разные понимания термина «провокация» в какой-то степени обращено внимание в п. 34 Постановления Пленума ВС РФ от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях», где говорится: «От преступления, предусмотренного ст. 304 УК РФ, следует отграничивать подстрекательские действия сотрудников правоохранительных органов, спровоцировавших должностное лицо или лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации, на принятие взятки или предмета коммерческого подкупа. Указанные действия совершаются в нарушение требований статьи 5 Федерального закона от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ "Об оперативно-розыскной деятельности" и состоят в передаче взятки или предмета коммерческого подкупа с согласия или по предложению должностного лица либо лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, когда такое согласие либо предложение было получено в результате склонения этих лиц к получению ценностей при обстоятельствах, свидетельствующих о том, что без вмешательства сотрудников правоохранительных органов умысел на их получение не возник бы и преступление не было бы совершено».

Таким образом, действия, указанные в ст. 304 УК РФ, строго говоря, провокацией и не являются. Поэтому следует заменить термин «провокация» на другой, который с наибольшей полнотой отражает сущность совершаемых преступных деяний, описанных в диспозиции ст. 304. Конечно, можно использовать предлагаемые термины «инсценировка», «имитация» и другие, однако нужно не забывать, что уголовное право в плане юридической техники традиционно отличается простотой формулировок, поэтому, наверное, данные термины еще требуют отдельного теоретического осмысления.

В связи с иным научным содержанием термина «провокация» предлагается отказаться от его использования в статье 304 УК РФ, и именовать ее «Незаконная попытка передачи предмета взятки либо коммерческого подкупа». Иное не отвечало бы принципам конкретности и системности права.

Список литературы

1. Провокация // Толковый словарь русского языка Ожегова [Электронный ресурс]: Режим доступа: http://www.ozhegov.com/words/27509.shtml.
2. Большой юридический словарь. М.: Инфра-М, 2001. С. 442.
3. Назаров, А.Д. Провокации в оперативно-розыскной деятельности / А.Д. Назаров. - М.: Юрлитинформ, 2010. - С. 15.
4. Сандаковский, С.А. Уголовно-правовая оценка провокации взятки: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08 / Сандаковский Сергей Анатольевич. - Омск, 2011. - С. 12.

УДК 343.5

СУБЪЕКТ УТРАТЫ ВВЕРЕННЫХ НАРКОТИКОВ

Скороход И.А.
научный руководитель канд. юрид. наук, доц. Токманцев Д.В.
Сибирский юридический институт ФСКН России

Уголовная ответственность за утрату вверенных наркотиков предусмотрена ст. 228.2 УК РФ. Как показывают анализ юридической литературы и изучение материалов судебной практики, одна из проблем применения уголовно-правовой нормы, предусмотренной данной статьей, связана с определением специальных признаков субъекта рассматриваемого преступления.

Субъект преступления, предусмотренного ст. 228.2 УК РФ в литературе рассматривается весьма ограниченно. Как правило, в работах воспроизводится положение п. 21 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 без анализа или какой-либо оценки его содержания.

Восполнению этого пробела и повышению эффективности практики применения уголовного закона по делам об утрате вверенных наркотиков, по нашему мнению, будет способствовать выделение специальных признаков субъекта данного преступления: 1) содержание обязанностей; 2) основание обязанностей; 3) место выполнения обязанностей[1].

Первый признак субъекта преступления – содержание обязанностей включает в себя ряд условий, которым должны отвечать лица, являющиеся субъектами рассматриваемого деяния.

1. Обязанность соблюдения лицом определенных (конкретных) правил оборота наркотических средств при совершении действий, предусмотренных ч. 1 ст. 228.2 УК РФ. Вышеуказанные правила касаются производства, изготовления, переработки, хранения, учета, отпуска, реализации, продажи, распределения, перевозки, пересылки, приобретения, использования, ввоза, вывоза, а также уничтожения наркотиков и оборудования, используемого при их изготовлении, правила культивирования, хранения, учета, реализации, продажи, перевозки, приобретения, использования, ввоза, вывоза, уничтожения наркосодержащих растений[2]. Лицо, на которое возложена обязанность, может быть ответственно за соблюдение нескольких правил.

2. Обязанность осуществления надлежащего контроля за соблюдением таких правил подчиненными работниками. В соответствии с приказом Минздравсоцразвития РФ от 14.12.2005 № 785 «О Порядке отпуска лекарственных средств» контроль может быть как внутренним, так и внешним. Внутренний контроль осуществляет руководитель либо уполномоченный работник организации, осуществляющей деятельность, связанную с легальным оборотом наркотиков. При внешнем контроле такая обязанность возлагается на представителей органа исполнительной власти в сфере здравоохранения и социального развития, а также компетентных сотрудников ФСКН России.

---

[1] Методологическую основу выделения данных признаков составили положения теории субъекта преступления, предусмотренного ст. 201 УК РФ, разработанной А.Г. Калугиным и И.Ю. Буневой. См.: Бунева, И.Ю. Проблемы квалификации преступлений против службы в коммерческих и иных организациях : практическое пособие / И.Ю. Бунева, А.Г. Калугин. Красноярск, 2005.

[2] Расследование преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ : учебник / О.Ю. Александрова, Т.Г. Алексеева, Ф.Г. Аминев, П.В. Галушин, Р.Н. Гордеев и др. ; отв. ред. А.Г. Калугин. Красноярск, 2015.

Второй признак субъекта преступления – основание обязанностей, означает, что соответствующая обязанность имеет срочный характер (временной критерий), т.е. возлагается на лицо на определенный период времени и возложена на лицо в установленном порядке (формальный критерий). Правила хранения наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров (утв. постановлением Правительства РФ от 31.12.2009 № 1148) содержат положение о том, что лица, ответственные за хранение наркотиков допускаются к осуществлению деятельности в соответствии с приказом руководителя юридического лица. Данное положение сходно с точкой зрения Пленума Верховного Суда РФ. Но в судебно-следственной практике встречаются ситуации, при которых руководители аптечных негосударственных организаций не имеют вышестоящих руководителей, что вызывает определенные трудности при квалификации деяния и его доказывании.

При отсутствии хотя бы одного из вышеуказанных критериев, установление основания, в соответствии с которым на лицо была возложена обязанность по соблюдению правил оборота наркотических средств и психотропных веществ, установление конкретных оснований представляется достаточно проблематичным

Третьим признаком является место выполнения обязанностей. Таким местом в соответствии с положениями ФЗ № 3-ФЗ от 08.01.1998 г. «О наркотических средствах и психотропных веществах» могут быть аптечные, медицинские, ветеринарные, экспертные, научно-исследовательские, образовательные, производственные организации и учреждения (юридические лица) имеющие специальное разрешение (лицензию) на соответствующий вид деятельности, связанный с оборотом наркотических средств, психотропных веществ и (или) их прекурсоров. В соответствии с ч.13 ст. 30 вышеупомянутого закона обязанность по соблюдению правил оборота прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ может быть возложена и на индивидуального предпринимателя, осуществляющего в установленном законе порядке деятельность, связанную с оборотом прекурсоров или его работника, имеющего допуск к работе, непосредственно связанной с прекурсорами.

Изучив положения Федерального закона № 3-ФЗ можно выделить ряд мест, которые не осуществляют медицинскую либо фармацевтическую деятельность, связанную с оборотом наркотиков, но их деятельность также сопряжена с оборотом наркотических средств, психотропных веществ, прекурсоров, инструментов или оборудования, используемых для изготовления наркотических средств или психотропных веществ, а также наркосодержащих растений и частей таких растений.

К таким местам можно отнести морские и воздушные суда международного сообщения и поезда международных линий при наличии специального разрешения, воинские части и подразделения федеральных органов исполнительной власти, в которых предусмотрена военная или федеральная государственная служба, связанная с правоохранительной деятельностью, а также органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность и деятельность по расследованию преступления.

Список литературы

1. Бунева, И.Ю. Проблемы квалификации преступлений против службы в коммерческих и иных организациях: практическое пособие / И.Ю. Бунева, А.Г. Калугин. Красноярск, 2005.

2. Расследование преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ : учебник / О.Ю. Александрова, Т.Г. Алексеева, Ф.Г. Аминев, П.В. Галушин, Р.Н. Гордеев и др. ; отв. ред. А.Г. Калугин. Красноярск, 2015.

УДК 343.233

ИСПОЛНЕНИЕ ПРИКАЗА ИЛИ РАСПОРЯЖЕНИЯ

Старовойтова А.Ю.
научный руководитель канд. юрид. наук Севастьянов А.П.
Сибирский федеральный университет

Как известно приказ, распоряжение или иной акт управления выступает одним из значимых факторов обеспечения воздействия для регулирования общественных отношений в определенных сферах. Таким образом, существование подобных актов является абсолютно необходимым, так как они несут общественную полезность и определяют порядок действий, подчиняющихся им лиц.

Однако, стоит отметить, что не все приказы, распоряжения либо иные акты управления носят общественно-полезный характер. Существуют такие акты, исполнение которых причиняет вред общественным отношениям, в том числе и уголовно-правовым. Подобные ситуации требуют создания ряда специальных уголовных норм, которые, с одной стороны, стимулировали бы исполнение актов управления, имеющих общественно полезный характер, а с другой – затрудняли и запрещали исполнение актов управления, носящих общественно опасный характер, то есть охраняли бы соответствующие общественные отношения от преступных посягательств, совершаемых во исполнение приказов, распоряжений либо иных актов управления, что и было реализовано УК РФ.

В связи с этим «Исполнение приказа и распоряжения» - одна из важных тем на сегодняшний день. Актуальность определяется тем, что исполнение приказа вышестоящих лиц в российском и зарубежном уголовном праве рассматривается как обстоятельство, исключающее, при определенных условиях, преступность и наказуемость деяния.

Прежде чем перейти к анализу статьи 42 УК РФ, мне видится необходимым, рассмотреть само понятие приказа или распоряжения.

Приказ или распоряжение – это всякое проявление воли должностного лица. Именно это и отличает приказ от иных способов воздействия: просьбы, убеждения, принуждения и т.п. Законодательство и практика управленческой деятельности исходят именно из презумпции законности всех приказов и распоряжений начальников и их обязательности для исполнения подчиненными. Ввиду того, что отличным признаком данных актов управления является обязательность, то зачастую подчиненные полностью убеждены в законности отдаваемых им приказов, вследствие чего они рассматриваются в качестве оснований для совершения как законных, так и незаконных действий (бездействий) исполнителем. Также важной особенностью является, то, что они обладают большей юридической силой, чем само исполнительское действие, [1] поэтому ответственность за последствия незаконных приказа или распоряжения возлагается на отдавшего их начальника.

Но следует все же различать эти два понятия, хоть и в общесмысловом значении они являются синонимами, и на практике зачастую носят достаточно условный характер, однако в УК РФ было бы правильнее использовать понятие «приказ», поскольку он охватывает любое обязательное официальное распоряжение органа власти, руководителя. Таким образом, под приказом принято понимать «*исходящее от органа управления или власти, либо должностного лица этих органов устное, письменное либо посредством связи правовое требование, облеченное в надлежащую форму, о совершении определенных действий (бездействий), как*

отдельными лицами, так и группой лиц». Отменить приказ имеет право только начальник, его отдавший, либо вышестоящий начальник.

В.И. Михайлов предлагает понимать под приказом «основанное на законе или подзаконных актах требование о выполнении каких-либо действий от лица, наделенного властными полномочиями, к лицу, обязанному его выполнить [2].

Что касаемо распоряжения, то оно отличается от приказа, как по форме, так и по сфере применения. Тому примером служат многочисленные индивидуально-правовые акты правительства, которые, как правило, издаются в виде распоряжений [3]. И из практики можно пронаблюдать, что оно адресуется иным лицам, которые не находятся в подчинении соответствующих органов или лиц, но все же обязаны исполнять их требования, то есть, издаваться по конкретным, узким вопросам и не должны противоречить не только конституционным и законодательным нормам, но и Указам Президента Российской Федерации.

Так в соответствии с ч. 1 ст. 42 УК РФ «не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам лицом, действующим во исполнение обязательных для него приказа или распоряжения» [4]. Однако, стоит отметить, что положения ст. 42 УК РФ не определяют сферу действия данных актов управления. Тем самым, можно предположить, что они распространяются не только на сферу государственной службы, но и на другие, например, военную службу. Также обязательными следует считать приказ или распоряжение администрации, адресованные рабочему или служащему любого предприятия или организации, независимо от их организационно-правовой формы. Обязательными актами можно считать приказ или распоряжение представителя власти, отданные в пределах его компетенции, для любого гражданина.

Устанавливая принцип беспрекословного выполнения приказов командиров (начальников), выше было установлено, что важнейшей особенностью данных актов является презумпция законности приказов, но помимо этого немаловажно, чтобы приказ отдавался только в рамках определенной службы, в интересах службы и в пределах компетенции начальника.

За отдачу приказов и распоряжений, противоречащих этим требованиям, выполнение которых может привести к общественно опасным последствиям, начальники могут быть привлечены к уголовной ответственности. Подобные действия, как преступления против интересов службы, в зависимости от конкретных обстоятельств, подлежат квалификации по ст. ст. 285 или 286 УК (злоупотребление или превышение должностными полномочиями). Если же приказ или распоряжение отдается начальником в целях достижения конкретного преступного результата, и исполнение такого приказа приводит к желаемому результату, то начальник должен отвечать за умышленное совершение данного преступления (например, преступления против жизни и здоровья личности и т.п.). Следовательно, из данного положения следует, что подчиненный, выполнивший приказ или распоряжение, не сознавая его незаконный характер, не может нести ответственности за свои действия и, тем более, за их последствия. Но в случае исполнения заведомо незаконного приказа подчиненный, при полном осознании противоправности своих действий, понесет ответственность вместе с начальником, отдавшим такой приказ. Тому примером может послужить дело, рассмотренное военным судом.

Рядовой К. избивал лиц суточного наряда по предложению старшего лейтенанта А., действуя совместно с ним и поддерживая его. Объясняя причину избиения сослуживцев Б-ва, Т. и Н., рядовой К. дал такие показания: «А. дал мне команду: «Иди, лечи наряд». Эти слова старшего лейтенанта А. он, К., воспринял как руководство для совершения неправомерных действий в отношении этих лиц.

В приведенном примере из судебной практики как К., так А. были привлечены к уголовной ответственности. Отдачу незаконного приказа А. суд расценил как превышение должностных полномочий, а в действиях К. признал пособничество в этом преступлении, поскольку А. полностью осознавал противоправность приказа начальника. [5]

В соответствии с уставным требованием о беспрекословном и точном выполнении приказов командира, подчиненный не имеет права обсуждать приказ. Поэтому он не должен подлежать ответственности даже тогда, когда сомневается в законности выполняемого приказа и может сознавать, что, выполняя приказ, совершает общественно-опасное деяние.

Исходя из этого, стоит отметить, что действительно у нас есть такое негативное явление, как поручение незаконных властных требований уполномоченными органами. Ведь трудно оценить ущерб того, насколько серьезными могут быть эти общественно-опасные посягательства и их последствия. Под последствиями исполнением приказа или распоряжения в уголовном праве, принято понимать меры как поощрительного, так и принудительного характера, которые предусмотрены уголовным законодательством.

Поэтому хорошо, что в нашем законодательстве регламентирована подобная ситуация, так как застраховать индивидуально каждого от подобных случаев просто невозможно. Поэтому рассматривая уголовную ответственность лица, отдавшего приказ или распоряжение, можно установить, что наступает она независимо от того, несет ли уголовную ответственность исполнитель такого приказа или распоряжения, либо нет. Если лицо, исполнившее заведомо незаконный приказ или распоряжение, также подлежит уголовной ответственности, то ответственность лица, отдавшего приказ, наступает наряду с ответственностью лица, его исполнившего.

Но все же, институт исполнения приказа или распоряжения как обстоятельство, исключающее преступность деяния представляет собой сложный юридический факт. В связи с этим мне бы хотелось, чтобы действующее законодательство все-таки, точно дало определение данному понятию, поскольку существует множество теоретических подходов, и было бы целесообразно более детально рассмотреть эту проблему.

Список литературы

1. Российское уголовное право. Общая часть: Учебник для вузов // Под ред. акад. В.Н. Кудрявцева и проф. А.В. Наумова. М., 1997. С. 261
2. Михайлов В.И. Нормативное регулирование исполнения приказа и некоторые вопросы уголовного права.// Государство и право.1996. №12. С. 66
3. Уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. А.Н. Тарабагаева.- Москва : Проспект, 2011.- 448 с.
4. «Уголовный кодекс Российской Федерации: по состоянию на 1 окт. 2015 года.» Новосибирск: Норматика, 2015.
5. Справочная правовая система «Консультант Плюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/

УДК 343.41

ПОНЯТИЕ «ПРИНУЖДЕНИЕ» КАК ПРИЗНАК ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 120 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РФ

Фадеев И.С.
научный руководитель канд. юрид. наук Долголенко Т.В.
Сибирский федеральный университет

Объективная сторона преступления предусмотренного ст. 120 УК РФ характеризуется деянием в виде принуждения.

Уголовно-правовое определение принуждения является предметом дискуссии в уголовном праве. Так, В.В. Калугин определяет принуждение путем выделения трех его признаков: 1) оно применяется виновным несанкционированно; 2) способом принуждения являются насильственные действия виновного, носящие психический и (или) физический характер и подавляющие способность другого человека действовать по своему усмотрению; 3) целью любого принуждения является совершение принуждаемым лицом какого-либо деяния[2].

К.Л. Акоев, комментируя ст. 120 УК РФ, считает, что «принуждение — это неправомерное воздействие на личность с целью добиться от нее согласия на донорство под угрозой неблагоприятных последствий в случае отказа от него»[4]. При анализе данного понятия возникает вопрос о том, что следует понимать под неблагоприятными последствиями. Это достаточно важный момент, потому что каждый человек к неблагоприятным последствиям относит разные обстоятельства.

С.С. Тихонова считает, что понятием принуждения «охватываются общественные отношения, возникающие в результате физического и психического воздействия одного человека на другого, посягающие на право личной неприкосновенности последнего с целью заставить его поступить нужным для виновного образом под угрозой неблагоприятных последствий»[6]. По мнению автора, способами воздействия одного человека на другого, закон предусматривает как реальное применение насилия, так и угрозу его применения. К сожалению, в данном понятии автор также как и К.Л. Акоев не объясняет, что относится к неблагоприятным последствиям, а также, почему речь идет о посягательстве лишь на право личной неприкосновенности, а не о посягательстве на здоровье человека.

По мнению В..И. Зубковой, «принуждение – это воздействие на личность с целью добиться от нее согласия на донорство под физическим насилием или угрозой применения такого насилия»[1]. Применение насилия будет выражаться в нанесении побоев, причинении вреда различной степени тяжести.

Мы согласны с последним определением принуждения, однако проблема заключается не только в его понятии, но и в том, какие виды вреда здоровью человека охватываются составом данного преступления.

Так, В.А. Смирнов считает, что «когда принуждение реализовано, и орган или ткани у потерпевшего изъяты, содеянное подлежит квалификации по совокупности совершенных преступлений по ст. 120 УК и в зависимости от последствий – по статье УК, предусматривающей ответственность за причинение тяжкого, средней тяжести или легкого вреда здоровью. А в случае смерти потерпевшего преступления должны квалифицироваться по совокупности ст. 120 и п. «м» ч. 2 ст. 105 УК»[5]. Из данного утверждения автора следует, что вред здоровью независимо от степени его тяжести не охватывается составом данного преступления. На наш взгляд, данная точка зрения является неверной.

Ряд других авторов считает, что по ст. 120 УК РФ следует квалифицировать лишь легкий и неквалифицированный средней тяжести вред здоровью, а во всех остальных случаях следует дополнительно вменять ст. 111, ч.2 ст. 112, ст. 116 и ст. 117 УК РФ.

На наш взгляд, правильной является точка зрения А.И. Коробеева, в соответствии, с которой при причинении вреда потерпевшему непосредственно по ст. 120 УК РФ квалифицируются: побои, истязание, легкий и средней тяжести вред здоровью, т.к. они полностью охватываются санкцией данной статьи. Однако, если потерпевшему причинен тяжкий вред здоровью, содеянное квалифицируется по ст. 111 УК РФ. Умышленное причинение смерти должно квалифицироваться по п. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ, т.к. в данных случаях имеется конкуренция части и целого уголовно-правовой нормы.

Обобщив вышесказанное, можно сделать вывод, что принуждение к изъятию органов и (или) тканей означает приневоливание человека к «донорству» путем применения физического насилия либо угрозы его применения. Физическое насилие может выражаться в нанесении побоев, истязании, причинении легкого вреда здоровью либо вреда средней тяжести.

Также в процессе применения рассматриваемой нормы может возникнуть вопрос о том, возможна ли квалификация по ст. 120 УК РФ случаев принуждения к донорству путем применения насилия или угрозы такого применения не самого потенциального донора, а близких для него лиц. Исходя из текста ч. 1 ст. 120 УК РФ дать однозначный ответ на приведенный вопрос достаточно сложно.

Так, С.С. Тихонова, ссылаясь на зарубежных авторов, говорит о том, что психологическое воздействие на родственников будущего донора, не должно влечь уголовной ответственности.

На наш взгляд, данный подход является неправильным, так как угрожая причинить вред кому-то из близких принуждаемого, в случае его отказа предоставить свои органы или ткани, виновный тем самым влияет на волю потерпевшего, лишая его возможности адекватно оценить ситуацию.

С учетом вышеупомянутого приходим к выводу о том, что редакция ст. 120 УК РФ должна быть изменена. На наш взгляд, требуется уточнить диспозицию данной статьи путем указания в ней на потерпевшего (потенциального донора) и его близких.

Список литературы

1. Зубкова, В. И. Преступления против здоровья / Курс уголовного права. Особенная часть : учеб. для вузов : в 5 т. // под ред. Г. Н. Борзенкова, В. С. Комиссарова. М., 2002. – 512с.;
2. Калугин, В.В. Физическое или психическое принуждение как обстоятельство, исключающее преступность деяния: Дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Калугин Валерий Владимирович. – Москва, 2001. – 151 с.;
3. Коробеев, А.И. Преступные посягательства на жизнь и здоровье человека :монография / А. И. Коробеев. -М. :Юрлитинформ, 2012. -320с.;
4. Российское уголовное право. Особенная часть: учебник / под ред. М. П. Журавлева, С. И. Никулина. М., 2001.- 516 с.;
5. Смирнов, В. А. Уголовно-правовая характеристика принуждения к изъятию органов и тканей потерпевшего (ст. 120 УК РФ) / А. В. Смирнов // Сибирский Юридический Вестник. - 2005. - № 3. – С. 74-78.;
6. Тихонова, С. С. Прижизненное и посмертное донорство в Российской Федерации: вопросы уголовно-правового регулирования / С. С. Тихонова - СПб., 2002. – 321с.

УДК 343.811

ПРОБЛЕМА НАРУШЕНИЯ ПРАВА ОСУЖДЕННЫХ НА ОХРАНУ ЗДОРОВЬЯ

Федосова К.А.
научный руководитель канд. юрид. наук Тепляшин П.В.
Сибирский федеральный университет

Правовой статус осужденного вытекает из правового статуса человека и гражданина. Основные права и свободы человека закреплены в международных соглашениях, Конституции Российской Федерации, федеральном законодательстве и подзаконных правовых актах.

В п.1 ст.41 Основного закона России одним из основных прав человека является право на охрану здоровья и медицинскую помощь. Также в УИК РФ закреплено право осужденного на охрану здоровья, включая получение первичной медико-санитарной и специализированной медицинской помощи в амбулаторно-поликлинических или стационарных условиях в зависимости от медицинского заключения. То обстоятельство, что у осужденных есть право свидетельствует о том, что у органов исполнения наказания существует обязанность данное право предоставлять.

В целях реализации медико-санитарного обеспечения в местах лишения свободы создаются лечебно-профилактические учреждения. К ним относятся медицинские части, специализированные психиатрические и туберкулезные больницы. Также организуется лечебно-профилактическая и санитарно-профилактическая помощь осужденным, которая предоставляется в соответствии с Правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений, а порядок оказания осужденным медицинской помощи, организации и проведения санитарного надзора, использования учреждений органов здравоохранения и привлечения их медицинского персонала устанавливается нормативными правовыми актами Министерства здравоохранения Российской Федерации и Министерства юстиции Российской Федерации.

Не смотря на широкую сеть различных лечебно-профилактических учреждений, закрепленную законодательно, жалобы поступают и их не мало.

Для того, чтобы узнать соответствует ли количество учреждений качеству выполняемых ими работ, обратимся к судебной практике. Так, например, Осужденный М. подал в суд заявление об оспаривании решения ФКУ Тюрьма № 2 ГУФСИН России по Красноярскому краю об отказе в направлении на медицинское освидетельствование. Требования мотивировал тем, что у него имеются заболевания, которые относятся к перечню заболеваний, препятствующих отбыванию наказания, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 6 февраля 2004 года № 54[1].

Если начать разбирать подробнее, то по ст. 2. постановления Правительства Российской Федерации № 54 определяется порядок медицинского освидетельствования осужденных, представляемых к освобождению от отбывания наказания в связи с возникновением (обострением) психического расстройства или иной тяжелой болезнью. Также в статье сказано, что медицинскому освидетельствованию подлежат осужденные, страдающие болезнями, включенными в перечень заболеваний, препятствующих отбыванию наказания.

Если у осужденного действительно присутствует заболевание, включенное в перечень заболеваний, препятствующих отбыванию наказания, то почему тогда

[1] Апелляционное определение Красноярского краевого суда от 21.04.2014 по делу N 33-3816/2014

администрация отказалась направить его на медицинское освидетельствование? Остается загадкой.

Говоря о заболеваемости осужденных, хочу отметить, что по статистике более половины всех осужденных, находящихся в местах лишения свободы, страдают различными по своей природе болезнями, огромная часть которых является потенциально опасными, передающимися воздушно-капельным путем. Так, осужденный О. с 08.04.2012 года по 26.04.2012 года находился в учреждении ГУФСИН России по Красноярскому краю и был заражен туберкулезом, так как в данном учреждении содержатся осужденные с активной формой туберкулеза, а у него на тот момент данное заболевание выявлено не было[2].

В законодательстве перечислен целый комплекс мероприятий, который должен производиться органами исполнения наказания. К ним относится: активная профилактика туберкулеза; ранняя диагностика туберкулеза и эффективное лечение; своевременное направление выявленных больных в противотуберкулезные медицинские организации; своевременное выявление лиц, контактировавших с больными туберкулезом, их обследование, профилактическое лечение, диспансерное наблюдение; изолированное и раздельное содержание: больных активным туберкулезом от лиц, не состоящих на диспансерном учете по поводу данного заболевания[3].

Из данной ситуации можно выявить, что органы исполнения наказания не проводят или проводят недолжным образом профилактические и лечебные мероприятия. И ведь случай с осужденным О. далеко не единственный.

Также от бездействия органов исполнения наказания пострадал осужденный А., обратившийся в суд с заявлением о признании незаконным бездействия заместителя начальника Исправительной колонии №34 ГУФСИН России по Красноярскому краю по лечебно-профилактической работе. Требования мотивированы тем, что истец является инвалидом 2-й группы и страдает рядом хронических заболеваний и по медицинским показаниям нуждается в постоянном приеме гипотензивных и сердечно-сосудистых препаратов. Однако заместитель начальника ИК-34 по лечебно-профилактической работе необходимых ему медикаментов не выдает[4].

Согласно ст. 67 приказа Минздравсоцразвития Российской Федерации «О Порядке организации медицинской помощи лицам, отбывающим наказание в местах лишения свободы и заключенным под стражу» медикаменты подозреваемым, обвиняемым и осужденным на руки не выдаются. Исключение могут составлять препараты, не относящиеся к наркотическим, психотропным, сильнодействующим либо ядовитым, назначаемые при заболеваниях, нуждающихся в непрерывном поддерживающем лечении (ишемическая болезнь сердца со стенокардией напряжения и покоя, гипертоническая болезнь со стойким повышением артериального давления, сахарный диабет, эпилепсия и другие подобные заболевания)[5]. Как мы видим, и здесь действия администрации являются неправомерными.

Проведя анализ поступающих жалоб, мы можем сделать вывод о том, что существующая система органов исполнения наказания не позволяет в достаточной мере обеспечить право на охрану здоровья осужденных, а четко прописанные положения в

[2] Апелляционное определение Красноярского краевого суда от 28.08.2013

[3] Приказ Минздравсоцразвития РФ N 640, Минюста РФ N 190 от 17.10.2005 (с изм. от 06.06.2014) "О Порядке организации медицинской помощи лицам, отбывающим наказание в местах лишения свободы и заключенным под стражу" ст. 317.

[4] Апелляционное определение Красноярского краевого суда от 28.10.2013 по делу N 3310307/2013, А-62

[5] Приказ Минздравсоцразвития РФ N 640, Минюста РФ N 190 от 17.10.2005 (с изм. от 06.06.2014) "О Порядке организации медицинской помощи лицам, отбывающим наказание в местах лишения свободы и заключенным под стражу" ст.67.

Конституции, международных договорах, иных нормативно-правовых актах игнорируются и не выполняются в должной степени.

Почему так происходит? Уполномоченный по правам человека в Забайкальском крае считает, что негативно влияет на оказание медицинских услуг именно недостаточное финансирование уголовно-исполнительной системы, не позволяющее укомплектовать учреждения высококвалифицированными медицинскими кадрами узкой специализации[6].

В целях разрешения проблемы нарушений прав осужденных на охрану здоровья, полагаем возможным предпринять следующие меры, во-первых, увеличить финансирование лечебно-профилактических учреждений, поскольку основная причина низкого уровня медицины в исправительных учреждениях – экономическая (нехватка медикаментов, оборудования), и, во-вторых, согласно Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ до 2020 г. необходимо совершенствовать, а именно усилить контроль над деятельностью органов исполнения наказания со стороны федеральных органов государственной власти, дабы предупредить коррупционные проявления и невыполнение требований законодательства.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации. М. 2006.
2. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 N 1-ФЗ
3. Апелляционное определение Красноярского краевого суда от 28.08.2013.
4. Апелляционное определение Красноярского краевого суда от 21.04.2014 по делу N 33-3816/2014
5. Апелляционное определение Красноярского краевого суда от 28.10.2013 по делу N 3310307/2013, А-62
6. Приказ Минздравсоцразвития РФ N 640, Минюста РФ N 190 от 17.10.2005 (с изм. от 06.06.2014) "О Порядке организации медицинской помощи лицам, отбывающим наказание в местах лишения свободы и заключенным под стражу"
7. Постановление Законодательного Собрания Забайкальского края от 20 марта 2013 г. N 60 "О докладе о деятельности Уполномоченного по правам человека в Забайкальском крае в 2012 году". Забайкальский рабочий. 2013. № 60.
8. Приказ Минздравсоцразвития РФ N 640, Минюста РФ N 190 от 17.10.2005 (с изм. от 06.06.2014) "О Порядке организации медицинской помощи лицам, отбывающим наказание в местах лишения свободы и заключенным под стражу"
9. Постановление Правительства РФ от 1 декабря 2004 г. N 715 "Об утверждении перечня социально значимых заболеваний и перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих"
10. Распоряжение Правительства РФ от 14 октября 2010 г. N 1772-р Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ до 2020.

[6] Постановление Законодательного Собрания Забайкальского края от 20 марта 2013 г. N 60 "О докладе о деятельности Уполномоченного по правам человека в Забайкальском крае в 2012 году". Забайкальский рабочий. 2013. № 60.

УДК 343.265.2

УСЛОВНО-ДОСРОЧНОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ ЛИЦ, ОТБЫВАЮЩИХ ПОЖИЗНЕННОЕ ЛИШЕНИЕ СВОБОДЫ

Филиппова А.Д.
научный руководитель канд. юрид. наук Севастьянов А.П.
Сибирский федеральный университет

Пожизненное лишение свободы это самостоятельный вид наказания, назначаемый за совершение особо тяжких преступлений против жизни, против здоровья населения, общественной нравственности и общественной безопасности, половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста.

На сегодняшний день пожизненное лишение свободы является высшей мерой наказания, так как на смертную казнь в нашей стране введен мораторий.

Пожизненное лишение свободы может быть абсолютным, в случае если нет законных оснований по освобождению осужденного, и относительным - если такие основания имеются.

В большинстве стран данный вид наказания является относительным, в том числе и в России.

Поскольку в США у каждого штата свое законодательство, то и срок условно - досрочного освобождения у каждого штата разный. Например, в штате Миссисипи пожизненно осужденный может быть освобожден через 7 лет после начала срока, в Техасе - через 8 лет. Очень интересное уголовное законодательство в штате Айове, где осужденный к пожизненному лишению свободы, может быть условно-досрочно освобожден через 1 день, если речь не идет об убийстве I степени (в случае такого убийства - через 11 лет).[1]

В Японии минимальный срок заключения, который необходимо отбыть осужденному пожизненно составляет десять лет.

В Англии осужденный к пожизненному лишению свободы может быть освобождён по отбытии не менее четырех лет. [2]

УК РСФСР 1961 года не предусматривал условно-досрочного освобождения при отбывании пожизненного лишения свободы.

Лишь в новом УК РФ лицо, отбывающее пожизненное лишение свободы, может быть освобождено условно-досрочно, если судом будет признано, что оно не нуждается в дальнейшем отбывании этого наказания и фактически отбыло не менее двадцати пяти лет лишения свободы. Условно-досрочное освобождение от дальнейшего отбывания пожизненного лишения свободы применяется только при отсутствии у осужденного злостных нарушений установленного порядка отбывания наказания в течение предшествующих трех лет. Лицо, совершившее в период отбывания пожизненного лишения свободы новое тяжкое или особо тяжкое преступление, условно-досрочному освобождению не подлежит. [3]

---

[1] Минаков Ю.А., Тимошенко С.Э. Пожизненное лишение свободы в законодательстве зарубежных государств // Правовое и методическое обеспечения и исполнение уголовного наказания М.: ВНИИ МВД РФ. 1994. -С.59.

[2] Уткин В. А. Пожизненное лишение свободы : [учебное пособие]/В. А. Уткин, А. П. Детков ; ред. И. Я. Козаченко;Томский университет [ТГУ]. Юридический институт. – 1997. С.62

[3] Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер.закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ ред. от 30.12.2015. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru.

Условно-досрочное освобождение имеет очень весомое значение для исполнения наказания в виде пожизненного лишения свободы, т.к. отсутствие перспективы освобождения влияет на поведение осужденного. Многие начинают проявлять озлобленность, нарушать режим, у некоторых формируется замысел к совершению побега из мест лишения свободы.

Но большинство осужденных не теряют надежды на освобождение. По мнению лиц, отбывающих пожизненное лишение свободы, основания для условно-досрочного освобождения следующие:

- исключительные обстоятельства - 33.6% опрошенных,
- особо полезные действия - 35,5%,
- психические расстройства, невменяемость - 55,6%,
- тяжелая болезнь - 62.6%,
- второе помилование - 63,5%,
- примерное поведение и честное отношение к труду - 86%.

В отношении срока условно-досрочного освобождения, мнения осужденных следующие:

- по истечении 15 лет лишения свободы - 46,8%
- 10 лет - 18,7%
- 20 лет - 12%
- 25 лет - 22,5% опрошенных.[1]

По моему мнению, в отношении некоторых осужденных к пожизненному лишению свободы срок условно-досрочного освобождения следует сократить, а в отношении некоторых вообще исключить возможность условно-досрочного освобождения. Так, например, нецелесообразно допускать возможность условно-досрочного освобождения в отношении террористов и серийных убийц. [2]

Условно-досрочно освободившийся осужденный, отбыв 25 лет лишения свободы в исправительных учреждениях, навряд ли, сам сможет адаптироваться к условиям современного мира. Поэтому считаю необходимым уже во время отбывания наказания оказывать такое общественное воздействие, которое бы позволило осужденным после выхода на свободу быть законопослушными гражданами.

Но, безусловно, условно-досрочное освобождение следует соединить с жестким контролем освобождаемого со стороны правоохранительных органов.[3]

По состоянию на 2016 год в России ни один осуждённый к пожизненному лишению свободы не покинул колонию. Случаи условно-досрочного мы сможем наблюдать только в 2018 году.

[1] Уткин В.А. Пожизненное лишение свободы : [учебное пособие] /В. А. Уткин, А. П. Детков ; ред. И.Я. Козаченко; Томский университет [ТГУ]. Юридический институт. – 1997. С. 62

[2] Смирнов Л.Б. пожизненное лишение свободы: карательные и уголовно-исполнительные аспекты/Л.Б.Смирнов // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. - 2011. - № 2. - С.75

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер.закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ ред. от 30.12.2015. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru.

2. Уткин В. А. Пожизненное лишение свободы: [учебное пособие]/В. А. Уткин, А. П. Детков ; ред. И. Я. Козаченко ; Томский университет [ТГУ]. Юридический институт. 1997. -С.62

3. Минаков Ю.А., Тимошенко С.Э. Пожизненное лишение свободы в законодательстве зарубежных государств//Правовое и методическое обеспечения и исполнение уголовного наказания М.: ВНИИ МВД РФ. 1994. -С.59

4. Смирнов Л.Б. пожизненное лишение свободы: карательные и уголовно-исполнительные аспекты/Л.Б.Смирнов// вестник Санкт-Петербургской юридической академии. - 2011.- № 2.- С.75.

УДК 343.346.2

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПРЕЮДИЦИЯ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ (СТАТЬЯ 264.1 УК РФ)

Фимина А.А.
научный руководитель канд. юрид. наук Севастьянов А.П.
Сибирский федеральный университет

1 июля 2015 года вступила в силу статья 264.1 УК РФ, предусматривающая уголовную ответственность за управление транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения, подвергнутым административному наказанию за управление транспортным средством в состоянии опьянения или за отказ от освидетельствования на состояние опьянения. Так называемая административная преюдиция. Статью нельзя назвать новой, так как в похожем виде она действовала в УК РСФСР 1960 года, но опыт применения на практике показал ее неэффективность.[3]

Введение данного состава вновь в Уголовный кодекс РФ обусловлено реализацией федеральных целевых концепций, программ по повышению безопасности дорожного движения и усилению ответственности за совершение правонарушений в сфере безопасности дорожного движения. Одной из мер явилось и установление уголовной ответственности в виде административной преюдиции.

Однако соответствует ли это сущности и принципам уголовного права?

Ряд ученых отстаивают позицию необходимости административной преюдиции и аргументируют это тем, что она будет эффективно противодействовать как преступлениям, так и административным правонарушениям (Оноколов Ю.П, В.И. Радченко, А.П.Устинова, Т.Д. Шергин и др.).[4] Однако, по мнению других ученых, включение в сферу уголовно-правовых отношений административных проступков, даже совершенных повторно, не соответствует принципам уголовного права (В.Л Зуев, А.И. Коробеев, В.В. Марчук, А.И. Чучаев и др.).[2]

На наш взгляд, ответ на поставленный выше вопрос должен быть отрицательным. Нет правовых оснований для ее введения. Нарушается принцип справедливости. Законодатель изначально определил однократно совершенное управление транспортным средством в состоянии опьянения по своей сути как административное правонарушение. Повторность совершения административного правонарушения характеризует не повышение общественной опасности и перерастание в степень уголовно наказуемого, а характеризует личность виновного с противоправной установкой. Соответственно, менять природу правонарушения не следует, необходимо ужесточение наказания, но в рамках административного законодательства.

Интересен в этом плане опыт зарубежных стран. В Уголовном кодексе ФРГ предусмотрена уголовная ответственность за один факт управления транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения, если при этом лицо не в состоянии безопасно вести транспортное средство. Стоит отметить, что в Германии управление транспортным средством при концентрацией алкоголя в крови 0,5 промилле считается административным правонарушением, а при концентрации алкоголя в крови выше 1,1 промилле считается уголовным правонарушением. Однако и при концентрации алкоголя в крови от 0,3 промилле лицо, если не в состоянии безопасно вести транспорт или создает угрозу или причиняет вред жизни или здоровью, подлежит уголовной ответственности.[6] Во Франции наказывается лишением свободы лицо, управляющее транспортным средством при концентрации алкоголя в крови равной или больше 0,80

г/л.[5] Повторное совершение административного правонарушения в этих странах в виде вождения в состоянии опьянения влечет за собой увеличение суммы штрафа.

В Великобритании, США, Норвегии, Японии уголовная ответственность также наступает уже за один факт управления транспортным средством лицом, находящимся в нетрезвом состоянии.[1] В законодательстве некоторых других стран (Швеция, Аргентина, Сербия, Украина, Белорусь) не предусмотрено уголовной ответственности для лиц, управляющих транспортным средством в состоянии опьянения.[3]

Таким образом, в зарубежных странах факт вождения в состоянии опьянения оценивается по-разному. Во многих странах разделительной границей характера правонарушения выступает уровень концентрации алкоголя в крови. Наступление уголовной ответственности не ставится в зависимость от неоднократности, административное правонарушение в виде управления в состоянии опьянения остается таковым даже при повторном совершении. В чем, на наш взгляд, видится последовательность и логика законодателя.

Необоснованно пренебрегать сущностью уголовно права и искусственно подводить его под потребность государства и общества в борьбе за повышение транспортной безопасности. Повышение безопасности дорожного движения может быть достигнуто и комплексом иных мер: ужесточением мер административно-правового воздействия и неотвратимым применением их на практике, принятием профилактических мер, привитием культуры дорожного движения его участникам и др. В то время как криминализация является крайней мерой, применяемой в случае отсутствия иных возможностей противодействия.

Итак, на наш взгляд, установление административной преюдиции в статье 264.1 УК РФ не отвечает основам теории уголовного права, требованиям необходимости, целесообразности.

Список литературы

1. Войтенков, Е. А. Уголовная ответственность за преступления в сфере безопасности дорожного движения: генезис отечественного законодательства и зарубежный опыт / Е. А. Войтенков //Международное уголовное право и международная юстиция. – 2014. – № 1. – С. 17 – 19.

2. Колосова, В.И. Административная преюдиция как средство предупреждения преступлений и совершенствования уголовного законодательства / В.И. Колосова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2011. – № 5. – С. 246 – 254.

3. Коробеев, А.И. Транспортные преступления / В.И. Коробеев. – Санкт-Петербург: Юрид. центр Пресс, 2003. – 406 с.

4. Оноколов, Ю.П. Институт административной преюдиции как инструмент противодействия преступлениям и иным правонарушениям / Ю.П. Онколов // Таможенное дело. – 2014. – № 2. – С. 20 – 23.

5. Code de la route [электронный ресурс] : в ред. от 28.01. 2016 // Légifrance, le service public de l'accès au droit. Режим доступа: https://www.legifrance.gouv.fr

6. Straßenverkehrsgesetz [электронный ресурс] : в ред. от 8.06.2015 // Bundesministerium der Justiz und für Verbraucherschutz. Режим доступа: http://www.gesetze-im-internet.de

УДК 343.362

АНАЛИЗ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЗАВЕДОМО ЛОЖНЫЙ ДОНОС В СТРАНАХ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

Фирсов А.Н.
научный руководитель д-р юрид. наук Шеслер А.В.
Красноярский государственный аграрный университет

Уголовная ответственность за заведомо ложный донос в странах Западной Европы обуславливается специфическими чертами романо-германской правовой семьи. Среди отличительных признаков данной правовой семьи традиционно отмечают такие, как наличие письменной конституции, деление норм права на отрасли частного и частно-публичного права, кодификация правовых норм и т.д.

Однако в романо-германской правовой семье, в зависимости от исторических и территориальных особенностей развития конкретного государства и его правовых институтов, можно выделить пять правовых групп: романскую, германскую, скандинавскую, а также правовые группы восточно-европейских стран и стран Латинской Америки и Африки [1]. С учетом этого, уголовная ответственность за заведомо ложный донос в странах Западной Европы существенно отличается от уголовной ответственности за данное преступление в России.

Уголовно-правовая норма, устанавливающая ответственность за заведомо ложный донос во Франции, закреплена в главе VI «О посягательстве на личность», в отделе III «О ложном доносе», в ст. 226-10 Уголовного кодекса (далее – УК) Франции. В указанной статье описано деяние объективной стороны заведомо ложного доноса, которое заключается в осуществлении любым способом заведомо полностью или частично неверного обвинения в отношении определенного лица в деянии, способном повлечь судебные, административные или дисциплинарные санкции [3]. Закрепление в УК Франции деяния объективной стороны данного преступления, безусловно, является положительным моментом.

Еще одним положительным моментом уголовной ответственности за заведомо ложный донос во Франции выступает закрепление в ст. 226-10 УК адресатов указанного преступления. Так, в качестве адресатов признаются следующие лица и органы [3]: 1) должностное лицо судебного ведомства; 2) должностное лицо судебной или административной полиции; 3) орган, имеющий право начать производство по обвинению в заведомо ложном доносе либо передать его в производство компетентного органа; 4) вышестоящее начальство или наниматель обвинения.

Заведомо ложный донос по уголовному законодательству Франции можно совершить лишь в отношении конкретного лица (по УК РФ – в отношении конкретного лица и по факту совершения данного преступления). Однако, по нашему мнению, положительным выступает тот факт, что обвинение лица в совершении преступления, согласно УК Франции, для признания его заведомо ложным должно быть полностью или частично неверным. При этом такое заведомо ложное обвинение может повлечь санкции суда, а также административные и даже дисциплинарные санкции.

Уголовное законодательство Франции закрепляет следующие санкции за совершение заведомо ложного доноса: штраф и тюремное заключение на срок 5 лет. По нашему мнению установление таких видов наказаний, при отсутствии в ст. 226-10 УК Франции квалифицирующих признаков преступления, является не совсем оправданным и обоснованным. Между тем указанная статья поясняет, что ложность доноса, которая содержит обвинение, «должна быть в обязательном порядке подтверждена вступившим в законную силу решением об оправдании обвиненного лица, о его невиновности или

прекращении дела, провозглашающим, что реальность факта не установлена или, что данный факт не может быть вменен лицу, фигурирующему в доносе [3]».

Субъектом заведомо ложного доноса по УК Франции может быть физическое лицо, достигшее 13 лет, а также юридическое лицо. При этом уголовная ответственность юридических лиц не может исключать ответственности физических лиц.

УК Швейцарии закрепляет ответственность за заведомо ложный донос в разделе 17 «Преступления и проступки против правосудия» и в ст. 303 «Ложное обвинение». Указанная статья закрепляет следующие действия объективной стороны данного преступного деяния: [4]

1) сознательное обвинение невиновного в совершении преступления или проступка в целях, чтобы это повлекло за собой уголовное преследование;

2) организация другим способом злонамеренных мероприятий с целью уголовного преследования;

3) ложное обвинение лица в совершении правонарушения.

При этом первые два действия признаются преступлением, за которые предусмотрена ответственность в виде каторжной тюрьмы или тюремного заключения, а третье действие является проступком, за которое предусмотрено наказание в виде тюремного заключения или штрафа. Кроме того в ст. 303 УК Швейцарии закреплена цель заведомо ложного доноса – повлечь за собой уголовное преследование, чего нет в УК РФ и является положительным моментом.

Кроме ст. 303, уголовная ответственность за заведомо ложный донос в Швейцарии предусмотрена также ст. 304, которая закрепляет введение в заблуждение правосудия путем сознательной дачи показаний в соответствующем органе о совершенном преступном деянии, либо обвинение самого себя в совершении преступления [4]. Стоит отметить, что помимо подробного описания деяния объективной стороны, ст. 304 УК Швейцарии устанавливает ответственность за самооговор в совершении преступления. Такая ответственность не установлена в ст. 306 УК РФ, что нередко создает проблемы в практическом применении данной нормы.

Необычным в УК Швейцарии является то, что к уголовной ответственности могут привлекаться дети с 7 лет. Так, например, ребенку от 7 лет может быть назначен школьный арест от 1 до 6 неполных рабочих дней [4]. По нашему мнению такие санкции являются достаточно суровыми и не оправдывающими целей уголовного наказания.

Уголовное законодательство Голландии предусматривает ответственность за заведомо ложный донос в разделе VII «Преступления против государственной власти» и в ст. 188 УК, которая подробно описывает деяние данного преступления: «выдвижение лицом заведомо ложного обвинения или подача жалобы по поводу совершения уголовного правонарушения, при этом зная, что его на самом деле не было [2]». За данное преступление установлены санкции в виде штрафа или тюремного заключения на срок не более 1 года. Субъектом преступления выступает физическое лицо, достигшее 12 лет.

Австрийское законодательство закрепляет ответственность за заведомо ложный донос в разделе 21 УК Австрии «Преступные деяния против правосудия», при этом, устанавливая две нормы: § 298 «Ложное сообщение о совершении запрещенного под угрозой наказания деяния» и § 293 «Подделка доказательств».

Деяние, предусмотренное § 298 УК Австрии, заключается в сознательном ложном сообщении о совершении деяния, которое запрещено, соответствующему органу или чиновнику, уполномоченному принимать показания [5]. При этом под таким органом понимается орган, который осуществляет уголовное преследование, а

также орган общественной безопасности. Другими словами, уголовное законодательство Австрии закрепляет адресатов заведомо ложного доноса. Наказание за данное преступное деяние состоит в денежном штрафе, а также лишении свободы на срок до 6 месяцев.

§ 293 УК Австрии закрепляет уголовную ответственность за подделку доказательств и заключается в «изготовлении ложного доказательства или подделке подлинного доказательства с намерением использования данного средства доказательства в судебном или административном процессе, но только в том случае, если данное деяние не подпадает под действие § 223 (подделка документов), § 224 (подделка особо охраняемых документов), § 225 (подделка официальной удостоверяющей надписи), § 230 (перемещение пограничных знаков) [5]». За данное преступление предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до 1 года без альтернативных санкций. Стоит отметить, что указанная норма является аналогом ч.3 ст. 306 УК РФ, предусматривающей ответственность за заведомо ложный донос, при котором лицо искусственно создает доказательства для обвинения.

Субъектом преступлений, предусмотренных § 298 и § 293 УК Австрии, является физическое лицо, достигшее 14 лет.

Таким образом, нами было рассмотрено уголовное законодательство за заведомо ложный донос некоторых стран Западной Европы. Следует отметить, что российскому уголовному законодательству за аналогичное преступление, в целях своего совершенствования, стоит обратить внимание на положительные моменты закрепления уголовно-правовой нормы за заведомо ложный донос в странах Западной Европы, а именно на подробное описание деяния объективной стороны данного преступления, на закрепление адресатов заведомо ложного доноса, на закрепление цели заведомо ложного доноса. Однако законодательство указанных стран за заведомо ложный донос имеет и отрицательные моменты: несоответствие возраста субъекта преступления общественной опасности деяния, а также необоснованное, а порой и безальтернативное, закрепление наказания за данное преступление.

Список литературы

1. Рассказов Л.П. Общие черты романо-германской правовой семьи, правовые семьи скандинавских стран как особая разновидность романо-германской правовой семьи. Научный жернал КубГАУ, № 111 (07), 2015. С. 11.
2. Уголовный кодекс Голландии / под ред. Б.В. Волженкина, пер. с англ. И.В. Мироновой, 2-е изд. − СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2001. С. 321.
3. Уголовный кодекс Франции / под ред. Л.В. Головко, Н.Е. Крыловой; пер. с франц. Н.Е. Крыловой. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2002. С. 249-250.
4. Уголовный кодекс Швейцарии / под ред. А.В. Серебренниковой. − СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2002. С. 266-267.
5. Уголовный кодекс Австрии / под ред. С. В. Милюкова; пер. с немец. Л. С. Вихровой. − СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2004. С. 323, 325-326.

УДК 343.35

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В КАЧЕСТВЕ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ В СОСТАВЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 289 УК РФ

Шарабаев А.И.
научный руководитель канд. юрид. наук Бушмин С.И.
Сибирский федеральный университет

Одним из признаков объективной стороны незаконного участия в предпринимательской деятельности является «учреждение должностным лицом организации, осуществляющей предпринимательскую деятельность, или участие в управлении такой организации лично или через доверенное лицо».

Как известно из административного законодательства, должностным лицам запрещается заниматься предпринимательской деятельностью. В свою очередь, предпринимательская деятельность может осуществляться посредством создания организации (коммерческой или некоммерческой), а также, исходя из толкования статьи 23 Гражданского кодекса Российской Федерации, без образования юридического лица с момента государственной регистрации гражданина в качестве индивидуального предпринимателя.

В статье 289 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), которая устанавливает запрет должностным лицам осуществлять коммерческую деятельность под угрозой уголовной ответственности, говорится исключительно об одной из организационно – правовых форм осуществления такой деятельности – «учреждение организации». Однако, если субъект в статусе должностного лица решит зарегистрироваться в качестве индивидуального предпринимателя, решив незаконно совмещать служебную деятельность, за которую он получает заработную плату, и коммерческую деятельность, посредством которой возможно систематическое извлечение дополнительной прибыли, уголовно-правовое регулирование на такие случаи не будет распространяться, а указанное деяние будет образовывать лишь состав дисциплинарного правонарушения, и максимальная санкция, которой, возможно, будет подвергнут «совместитель» - это увольнение со службы.

Закономерно возникает вопрос: почему законодатель, установив запрет предпринимательской деятельности должностным лицам, за учреждение организации (юридического лица) и участие в ее управлении лично или через доверенное лицо ввел уголовную ответственность (при условии наличия других обязательных признаков статьи 289 УК РФ), а за регистрацию в качестве индивидуального предпринимателя (лично или опосредовано) – нет?

Если обратиться к судебной практике, то показательна следующая фабула из делопроизводства Барабинского районного суда Новосибирской области. Д., работая в должности начальника строительного управления дорожно-строительного треста Западно-Сибирской железной дороги в г. Барабинске, являясь должностным лицом и действуя в пределах своих полномочий, заключил договор с администрацией г. Барабинска на аренду земли для благоустройства торгового рынка. Затраты на благоустройство рынка обошлись для строительного управления в 1 млн. 69 тыс. руб. После того, как рынок начал действовать, и в строительное управление стали поступать денежные средства, Д., оставаясь начальником последнего, зарегистрировался индивидуальным предпринимателем. Действуя из корыстных побуждений, переоформил документы по аренде земли, занимаемой рынком, на свое имя, в результате чего стал персонально получать все доходы от торговли на рынке. Суд не

усмотрел в действиях Д. признаков незаконного участия в предпринимательской деятельности [1].

Указанный случай абсолютно тождественен тем, когда должностное лицо незаконно учреждал коммерческую организацию и нес за это уголовную ответственность по ст. 289 УК РФ. На мой взгляд, это существенный пробел в уголовном законодательстве, так как нельзя, установив уголовно-правовой запрет для одной формы участия в предпринимательской деятельности для должностных лиц, оставить безнаказанной другую. Указанный недостаток в формулировке диспозиции также отмечался Егоровой Н.А. [2], Муравьевой Н.И/ [3]

Кроме того, стоит обратиться к Федеральному закону № 135-ФЗ «О защите конкуренции», регулирующему отношения между хозяйствующими субъектами, который закрепляет, что хозяйствующий субъект – это коммерческая организация, некоммерческая организация, осуществляющая деятельность, приносящую ей доход, индивидуальный предприниматель, иное физическое лицо, не зарегистрированное в качестве индивидуального предпринимателя, но осуществляющее профессиональную деятельность, приносящую доход, в соответствии с федеральными законами на основании государственной регистрации и (или) лицензии, а также в силу членства в саморегулируемой организации [4].

Как видно из закрепленной нормы-дефиниции, антикоррупционное законодательство комплексно понимает природу хозяйствующего субъекта, вобравшего в себя все организационно-правовые формы проявления коммерческой деятельности, а также регистрацию в качестве индивидуального предпринимателя. В данном случае правовому регулированию подвержена любая коммерческая деятельность, так как законом это прямо предусмотрено. В связи с чем, законодателю при конструировании диспозиции уголовно-правовой нормы о незаконном участии в предпринимательской деятельности следовало бы также систематически толковать понятие «хозяйствующий субъект», так как по уровню общественной опасности одинаковы случаи учреждения должностными лицами организации, осуществляющей предпринимательскую деятельность, и случаи осуществления такой деятельности без образования юридического лица – регистрация в качестве индивидуального предпринимателя.

Для общества и государства проблема ограниченности форм осуществления коммерческой деятельности в контексте незаконного участия в предпринимательской деятельности влечет неблагоприятные уголовно-правовые последствия, связанные с привлечением к ответственности, назначением наказания и квалификацией деяния.

На основании изложенного видится целесообразным предложить следующую формулировку диспозиции статьи 289 УК РФ: «Учреждение должностным лицом хозяйствующего субъекта, осуществляющего предпринимательскую деятельность, либо участие в управлении хозяйствующего субъекта лично или через доверенное лицо вопреки запрету, установленному законом, если эти деяния связаны с предоставлением такому субъекту льгот и преимуществ или с покровительством в иной форме».

Список литературы

1. Муравьева Н.И. Незаконное участие в предпринимательской деятельности [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.irkproc.ru/qa/108.html
2. Егорова Н.А. Ответственность за незаконное участие в предпринимательской деятельности [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.lawmix.ru/comm/7882
3. Муравьева Н.И. Незаконное участие в предпринимательской деятельности // Законность. – 2008. – № 8. – С. 51-53.
4. О защите конкуренции: фед. закон Российской Федерации от 26.07.2006 г. № 135-ФЗ ред. от 10.01.2016. // Справочно-правовая система «Консультант-Плюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61763/

УДК 343.34

РАЗГРАНИЧЕНИЕ УЧАСТИЯ В МАССОВЫХ БЕСПОРЯДКАХ И ХУЛИГАНСТВА, СОВЕРШЕННОГО ГРУППОЙ ЛИЦ, ГРУППОЙ ЛИЦ ПО ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМУ СГОВОРУ ИЛИ ОРГАНИЗОВАННОЙ ГРУППОЙ

Шишпор К.А.
научный руководитель канд. юрид. наук Бушмин С.И.
Сибирский федеральный университет

Разграничение участия в массовых беспорядках и хулиганства, совершенного группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, является сложной проблемой как для ученых в области уголовного права, так и для практических работников.

Одни ученые при разграничении обозначенных преступлений указывают на то, что объектом массовых беспорядков является общественная безопасность, в то время как объект хулиганства есть общественный порядок[6]. Но, на наш взгляд, использование лишь данного критерия разграничения указанных преступных деяний малоэффективно, поскольку при совершении массовых беспорядков нарушается также общественный порядок, а в случае совершения хулиганства с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, претерпевает посягательство и общественная безопасность[3].

Другие авторы видят различие между обозначенными преступлениями в характеристике мотива[1]. Хотя уголовное законодательство прямо не содержит указания на наличие в хулиганстве определенного мотива, в научных работах и в судебной практике сложилось однозначное мнение, что хулиганство без присущего именно этому преступлению хулиганского мотива не существует[8]. Мотивы участия в массовых беспорядках могут быть очень разнообразными: недовольство низким уровнем жизни, подверженность слухам, недовольство работой органов власти и управления, националистические побуждения, хулиганские мотивы, возможность «показать, проявить себя»[4]. По нашему мнению, мотивы могут служить критерием разграничения массовых беспорядков и группового хулиганства: при установлении мотивов отличных от хулиганских, преступление следует квалифицировать как массовые беспорядки при наличии признаков данного преступления.

Некоторые ученые полагают, что участие в массовых беспорядках отличается от группового хулиганства обязательным наличием большого количества соучастников – толпы[2]. Однако анализ судебной практики показал, что количество участников не имеет решающего значения в данном вопросе. Существуют примеры, когда количество участников хулиганства больше, чем участников массовых беспорядков. Полагаем, что большее значение имеет не количество соучастников, а характеристика действий соучастников.

По мнению иных ученых, указанные ранее преступления отличаются не только мотивом, но и масштабом и характером преступной деятельности: «Уже само название преступления «массовые беспорядки» говорит об участии в совершении преступления большого количества лиц. Объективная сторона выражается в погромах, поджогах, уничтожении имущества, применении огнестрельного оружия, взрывчатых веществ или взрывных устройств, оказании вооруженного сопротивления органам власти. Хулиганские действия таких масштабов не достигают»[5]. Судебная практика знает примеры, когда и хулиганство сопровождалось погромами, поджогами, уничтожением имущества и т.д.

По нашему мнению, обозначенные ранее позиции по поводу разграничения участия в массовых беспорядках и группового хулиганства не в полной мере отражают сущность анализируемых нами преступлений.

Таким образом, решение вопроса о квалификации противоправного деяния зависит от конкретных обстоятельств события, и установление четких критериев не представляется возможным. Полагаем, что практические работники при разграничении участия в массовых беспорядках и хулиганства, совершенного группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, могут использовать следующий алгоритм:

1. Установление мотива преступления – если субъективная сторона характеризуется не хулиганским мотивом, содеянное необходимо квалифицировать как массовые беспорядки при условии наличия признаков данного преступления.
2. Когда субъективная сторона преступления характеризуется хулиганским мотивом, критерием разграничения данных преступлений выступает признак массовости. В научной литературе отмечается, что «массовость» означает существование трудно поддающейся внешнему контролю большой массы людей, стихийный характер поведения большинства собравшихся участников, неблагоприятные тенденции, направленные к росту и расширению противоправных действий участников.
3. В случае, если признак массовости не способствует разграничению обозначенных преступлений, необходимо установить степень общественной опасности совершенного преступления. Если совершенное общественно опасное деяние причинило тяжкие последствия в сфере экономики, политики, экологии, военной сфере, парализовало деятельность органов государственной власти и управления, то указанное преступление надлежит квалифицировать как массовые беспорядки при наличии признаков данного преступления[7].

Список литературы

1. Аистова, Л.С. Квалификация хулиганства: учебно-практическое пособие / Л.С. Аистова. – СПб, 1998. – 49 с.
2. Борисов, С.В., Жеребченко, А.В. Квалификация преступлений экстремистской направленности: учебное пособие / С.В. Борисов, А.В. Жеребченко. – Москва, 2010. – 258 с.
3. Векленко, С.В., Якунин, А.И. Спорные вопросы разграничения массовых беспорядков и группового хулиганства / С.В. Векленко, А.И. Якунин // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД Росси. – 2012. – № 2. – С. 7-16.
4. Демидов, Ю.Н. Массовые беспорядки: уголовно-правовой и криминологический аспекты. Учебное пособие / Ю.Н. Демидов. – Москва, 1994. – 34,35 с.
5. Жунушова, Г.Б. Уголовная ответственность за хулиганство по законодательству Кыргызской Республики: учебное пособие / под общ. ред. Л.Ч. Сыдыковой. – Бишкек, 2014. – 120 с.
6. Козаченко, И. Я., Новоселов, Г.П. Уголовное право. Особенная часть: учебник / отв. ред. И.Я. Козаченко, Г.П. Новоселов. – 4-е изд. и доп. – М.: Норма, 2008. – 494, 497 с.
7. Комментарий у Уголовному кодексу Российской Федерации // Бриллиантов А.В., Долженкова Г.Д., Иванова Я.Е. / Под ред. А.В. Бриллиантова. – М: Проспект, 2010. – 77 с.
8. Кунашев, А. Хулиганство как преступление с двумя основными мотивами / А. Кунашев // Законность. – 2010. – № 2. – С. 44-47.